

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра общего языкознания и русского языка

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 18

**Лингвокультурологический, лингвометодический и историко-
этимологический аспекты анализа языковых единиц**

Сборник научных трудов молодых ученых

Екатеринбург 2016

УДК 482

ББК Ш I

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 550 от 17.11.2016)

Редакционная коллегия:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф. (ответственный редактор); **Н.И. Коновалова**, д-р филол. наук, проф.; **Т.В. Гоголина**, канд. филол. наук, доц. (ответственный за выпуск); **Е.Н. Иванова**, канд. филол. наук, доц. (ответственный за выпуск)

Рецензенты:

О.Б. Акимова, д-р филол. наук, проф. (Российский государственный профессионально-педагогический университет); **М.Э. Рут**, д-р филол. наук, проф. (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина).

LINGUISTICA JUVENIS. Сборник научных трудов молодых ученых / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 18. – 202 с.

ISSN 2309-5768

В сборнике представлены научные статьи студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, посвященные проблемам современной лингвистики и истории языка: рассматриваются дискурсивные практики, экспериментальные исследования семантики и прагматики слова и текста, лингвометодический и историко-этимологический аспекты анализа языковых единиц.

Сборник представляет интерес для специалистов-филологов, аспирантов и студентов, а также для всех, кто интересуется проблемами языкознания.

УДК 482

ББК Ш I

ISSN 2309-5768

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2016

© Коллектив авторов, 2016

Содержание

Абрамова Н.Е. Ассоциативно-сетевая морфология и её представление в «Русском ассоциативном словаре».....	5
Богатова И.Д. Комплексная диагностика сформированности и совершенствования коммуникативной компетенции старшеклассников	11
Власова П.Д. Индивидуализированные технологии включения детей в образовательный процесс: психолингвистический подход.....	20
Гоголина Т.В., Караваева М.А. Восприятие категории сомнительности современными носителями языка: экспериментальные данные.....	28
Гребнева Е.С., Кирилова И.В. Ассоциативный эксперимент как способ отражения восприятия названий нечистой силы современными носителями языка	37
Гридина Т.А., Нифонтова А.В. Игровые практики современных телешоу.....	44
Ермолова Е.В. Лингвокультурный типаж «ученика» в английской культуре	61
Зорникова Е.В. Коннотативный фон поэтонимов, называющих главных героев в рассказе А. Матвеевой «На картине».....	70
Зуева Т.А. Пайвина Л.В. Банковская терминология в аспекте восприятия.....	77
Иванова Е.Н., Лапина А.Д. Нормы эпистолярного стиля и частные письма П.А. Демидова второй половины XVIII века.....	82
Кирилова И.В., Кнор Н.Ю. Образ русалки в романтических новеллах О.М. Сомова.....	91
Колпакова А.А. Анализ вербальных и невербальных представлений о Сакральном	98
Красноперова Е.С. Усвоение грамматических форм в дошкольном онтогенезе...../.....	106
Кузнецова Е.А. Лубок как культурный текст...../.....	114
Лыжгин С.В. Этимологические заметки: диалектные дериваты праславянского * <i>boi-</i> / * <i>bei-</i>/.....	124

Магонова А.В. Представление диалектной фразеологии в лингвокультурологическом словаре.....	133
Миронова Е.А. Особенности употребления звательного падежа в челобитных второй половины XVII века.....	141
Морозова О.М. Педагогические условия обеспечения предметных результатов младших школьников при изучении темы «Состав слова».....	148
Николаева А.Л. Концепт семья в «Повести о Петре и Февронии».....	157
Смирнова Ю.В. Цепочечный ассоциативный эксперимент как прием порождения текста	164
Тысевич О.А. «Революционные» топонимы города Оренбурга.....	176
Хамезьянова М.П., Чечулина Л.С. Индивидуальное обуче- ние русскому языку.....	181
Шевченко А.В. Проект «Слово года» как отражение метаязыковой рефлексии носителей языка в эпоху глобализации.....	192

УДК 811.161.1'366
ББК Ш141.12-21

Н.Е. Абрамова
Екатеринбург

**Ассоциативно-сетевая морфология и её представление
в «Русском ассоциативном словаре»**

Аннотация: В статье представлено ассоциативно-сетевое воплощение морфологии русского языка на материале «Русского ассоциативного словаря», обозначена роль грамматических связей в ассоциативно-вербальной сети. По результатам проведенного эксперимента рассмотрена представленность грамматических форм реакций на разные формы стимулов. Полученные результаты сравниваются с гипотезой, выдвинутой Ю.Н. Карауловым в работе «Ассоциативная грамматика», относительно того, что в наборе реакций на стимул в начальной форме преобладают парадигматические реакции, а в других случаях – синтагматические.

Ключевые слова: «Русский ассоциативный словарь», ассоциативная грамматика, морфология, ассоциативно-вербальная сеть, грамматическая связь.

Сведения об авторе:

Абрамова Наталья Евгеньевна студент 2 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; natochka-95@mail.ru.

N.E. Abramova
Yekaterinburg

Morphology of associative network and its presentation in the
"Russian associative dictionary"

Abstract: This article presents the associative network embodiment of the morphology of Russian language in the matter of the "Russian associative dictionary". The role of grammatical is designated relations in the associative-verbal network. As a result of the experiment we considered the representation of grammatical forms in

reactions to different grammatical forms of incentives. The results are compared with the hypothesis put forward by Y.N. Karaulov in the labor «Associative Grammar».

Key words: Russian associative dictionary, associative grammar, morphology, verbal associative network, grammatical relationship.

About the author:

Abramova Natalja Evgenjevna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В послесловии к «Русскому ассоциативному словарю» (далее – РАС) под редакцией Ю.Н. Караулова отмечается, что читатель может обнаружить в ассоциативно-вербальной сети любую морфологическую информацию, все многообразие частей речи и их специфических категорий [5; 6]. Это положение стало исходным постулатом для нашего экспериментального исследования ассоциативно-сетевой морфологии.

Подбирая стимульный материал для эксперимента, мы рассмотрели, какая информация действительно дана в перечне слов РАС [5; 6]. Обнаружив все интересующие нас части речи, мы выбрали имена существительные, имена прилагательные и глаголы. Ряд глагольных форм восстановлен: формы среднего и женского рода (*смотрело, смотрела*), первого, второго, третьего лица множественного числа (*смотрим, смотрите, смотрят*).

Причину того, что в стимульном материале не представлены падежные формы имени прилагательного, мы можем объяснить следующим образом: «Падеж как грамматическая категория не свойственен прилагательным-стимулам в ассоциативно-вербальной сети» [3, с. 27].

С помощью проведенного эксперимента (в нем приняло участие 40 испытуемых: студенты первого и второго курса ИФКиМК) мы попытались верифицировать гипотезу, выдвинутую Ю.Н. Карауловым в работе «Ассоциативная грамматика русского языка». Стимулы, заданные инфинитивом, порождают преимущественно парадигматические реакции, а стимулы, заданные другими грамматическими формами, – синтагматические.

Парадигматические ассоциации – слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы. Реакции должны

отличаться от стимула не более чем на один семантический компонент. **Синтагматические ассоциации** – ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула. Реакции должны образовывать со стимулом грамматически оформленное словосочетание [1].

Проведя количественную и качественную обработку результатов направленного ассоциативного эксперимента, мы выявили тенденции как подтверждающие указанную гипотезу, так и опровергающие её.

Гипотеза получила свое подтверждение на материале существительных, но это справедливо преимущественно для имен собственных, абстрактных существительных, и лишь для некоторых конкретных.

Стимул	Парадигматические реакции	Синтагматические реакции
Россия	Страна (23), родина (16), государство (2), держава (1), Русь (1). Итого 43 Различных 5	Молодая (7), наша (3), великая (2), больная (1), большая (1), восстанавливается (1), любимая (1), многострадальная (1), свободная (1) Итого 18 Различных 9
Грусть	Тоска (15), печаль (9), радость (2), веселье, скука (1). Итого 28 Различных 5	Большая, легкая, моя, налетела (2), взяла, живая, испытывать, не вечная, неземная, несусветная, постоянная, пройдет, сильная, собачья, томная, тяжелая, угнетающая, ужасная (1) Итого 21 Различных 18
Бедняк	Богач (25), нищий (15), бомж (1), бродяга (1). Итого 42 Различных 4	Бедный (4), богатый (3), голодный (3), оборванный (2), счастливый (2), безденежный (1), живет (1), ободранный (1), опустившийся (1). Итого 18 Различных 9

Гипотеза подтверждается, с другой стороны, тем, что среди стимулов в не начальной форме не встречается случаев, когда парадигматические реакции преобладают над синтагматическими.

Перейдем к фактам, противоречащим гипотезе. Читая «Ассоциативную грамматику русского языка», мы отметили, что Ю.Н. Караулов причисляет к числу парадигматических реакций такие, которые мы традиционно считаем тематическими, то есть ситуативными. Он пишет: «Таким образом, парадигматические реакции (типа *бабушка – внучка, бежать – спортсмен, белый – зубы, время – час*), считаются глубинно-когнитивными» [3]. Значит, список парадигматических реакций Ю.Н. Караулова несколько шире, чем наш, созданный по традиционному варианту классификации реакций [2; 4]. Это, возможно, также влияет на статистические несоответствия, указанные выше.

У стимулов в виде имен существительных, производных от глаголов (*дыхание ← дышать*) преобладают синтагматические реакции. На наш взгляд, это связано с тем, что такие стимулы отражают семантику производящих глаголов, которые управляют существительными в косвенных падежах, поэтому при таких существительных появляются реакции, оформленные по типу управления.

Стимул	Парадигматические реакции	Синтагматические реакции
Дыхание	0	Весны (1), воздуха (1), легкое (3), музыки (1), тяжелое (3), робкое (1), ровное (1). Итого: 11; Различных 7

Прилагательные оценки или эмоции, не имеющие конкретной денотативной привязки, вызывают реакции, конкретизирующие значение стимула.

Стимул	Парадигматические реакции	Синтагматические реакции
Благородный	Честный(1). Итого: 1; Различных 1	Поступок (7), рыцарь (6), человек (5), мужчина (4), юноша (4), олень (2), аристократ (1), вид (1), воин (1),

		джентльмен (1), дон (1), народ (1), отец (1), принц (1). Итого 36; Различных 14
--	--	---

Стимулы, заданные глаголом, управляют именем существительным в косвенных падежах, также способны организовать примыкание. В нашем эксперименте глаголы преимущественно управляют существительными.

Стимул	Парадигматические реакции	Синтагматические реакции
Смотреть	Видеть (2), слушать (1). Итого 3 Различных 2	Вдаль (8), вперед (4), телевизор (4), в окно (3), фильм (3), вверх (2), в глаза (1), в зеркало (1), в оба (1), вокруг (1), далеко (1), долго (1), и восхищаться (1), кино (1), на дорогу (1), сериал (1). Итого 34 Различных 16

Стимулы имеют разную степень связности значения: от полностью свободных до фразеологически связанных и синтаксически обусловленных. В нашем материале мы обнаруживаем следующие группы слов, которые образуют устойчивые словосочетания. Например, стимул *в воздухе* дает реакции типа *висеть* (1), *витать* (2), составляющие синтаксически обусловленное словосочетание; стимул *игральные* дает реакции *карты* (30), *кости* (6), *кубики* (3), *деньги* (1), *шашки* (1) - все эти реакции называют предмет или инструмент игры; а стимул *грянет* и во все дает частотную фразеологическую реакцию *гром* (35).

О «силе» устойчивой синтагматики свидетельствует, например, тот факт, что даже при изменении грамматической формы стимула, входящего в идиоматическое выражение, частотность таких реакций довольно высока. На нашем материале это видно, например стимул *камни* дает реакцию *преткновения*(4), исход-

ное же сочетание имеет стимул единственном числе «камень преткновения».

Таким образом, анализ материалов «Русского ассоциативного словаря» может дать представление об особенностях функционирования морфологических форм в сознании носителя языка, что является исходным этапом для дальнейшего изучения диссипативности грамматики в психолингвистическом аспекте.

Литература

1. *Белянин В.П.* Введение в психолингвистику. – М.: ЧеРо, 1999. – 123 с.
2. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 180 с.
3. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 303 с.
4. *Караулов Ю.Н.* Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: URSS, 2003. – С. 67-97.
5. *Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов.* – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. I. – 782 с.
6. *Русский ассоциативный словарь.* Интернет-версия. [Электронный ресурс]. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.
©Абрамова Н.Е., 2016

УДК 372.881.161.1'271
ББК Ч426.819=411.2,5

И.Д. Богатова
Екатеринбург

**Комплексная диагностика сформированности
и совершенствования коммуникативной компетенции
старшекласников**

Аннотация: В статье представлена программа комплексной диагностики сформированности и совершенствования коммуникативной компетенции старшекласника. Автором была разработана серия заданий, способствующих выявлению речевых умений и навыков учащихся и их коррекции в случае необходимости. Программа может быть использована школьными учителями как на уроках развития речи, так и во внеучебной (внеклассной) деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, речевой этикет, речевые умения и навыки.

Сведения об авторе:

Богатова Ирина Дмитриевна, магистр педагогического образования.

Место работы: МАОУ «Гимназия № 99» (Екатеринбург).

Должность: учитель русского языка и литературы высшей категории.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, ул. Баумана, д. 17;
iribogato@yandex.ru.

I.D. Bogatova
Yekaterinburg

**Complex diagnostics of formation
and improve the communicative competence of senior pupils**

Abstract: The article presents a program of formation of complex diagnostics and improve the communicative competence of senior high school student. The author has developed a series of tasks that contribute to the identification of speech skills of students and their correction if necessary. The program can be used as a school teacher

in the classroom language development, as well as in extra-curricular (extracurricular) activities.

Key words: communicative competence, speech etiquette, speech skills.

About the author:

Bogatova Irina Dmitriyevna, Master of Pedagogical Education

Place of employment: MAOU “Gymnasium № 99” (Yekaterinburg).

Post: Teacher of Russian Language and Literature of the Higer Category.

Актуальность проблемы настоящего исследования определяется потребностью современного общества в креативной личности выпускника школы, способного к самовыражению в свободном словесном творчестве и к самореализации [см.: 1; 4; 5; 6].

Наше предположение о повышении эффективности способов совершенствования коммуникативной компетенции старшеклассника через использование личностно ориентированных технологий и применение психолингвистических исследований языковой личности позволило разработать собственную программу психолингвистической диагностики сформированности и совершенствования коммуникативной компетенции старшеклассника. Для этого проведена входная диагностика, которая помогла выявить сформированность коммуникативной компетенции учащихся, определены ее уровни и критерии оценивания.

Традиционно считается, что у учащихся старших классов языковая компетенция уже в основном сформировалась, поскольку они в процессе обучения (с первого по девятый класс) приобрели и систематизировали знания о родном языке. Речевой же компетенцией учащиеся не всегда овладевают к окончанию школы: знание системы языка и норм употребления языковых единиц разных уровней не ведет к автоматизации речевых умений (навыков) для обеспечения произвольности, намеренности и осознанности речевой деятельности на родном языке [9]. Иначе говоря, компетентная языковая личность должна уметь применять знания языка в различных ситуациях общения, что соответствует деятельностно-творческому принципу формирования

языковой личности [см.: 2, 3; 7]. Считаем необходимым, включить в систему совершенствования коммуникативной компетенции этап диагностики сформированности речевой компетенции и механизма (приемов, заданий и упражнений, способов) ее коррекции.

Разработанная нами модель совершенствования коммуникативной компетенции старшеклассников представляет собой алгоритмизированную программу деятельности учителя-словесника, включающую следующие этапы:

1. Проведение входной диагностики сформированности всех уровней коммуникативной компетенции учащихся;
2. Оценка уровня сформированности коммуникативной компетенции по разработанным критериям;
3. Выявление проблемных позиций в работе по совершенствованию коммуникативной компетенции учащихся;
4. Разработка системы заданий и рекомендаций по коррективке и совершенствованию коммуникативной компетенции старшеклассников;
5. Апробация программы на разных группах учащихся и корректировка предложенных методик.

Анализ системной составляющей коммуникативной компетенции

Комплексное срезовое задание было проведено в 10 «М» классе гимназии № 99 г. Екатеринбурга, в котором 19 учащихся.

Анализ эксперимента показал, что в области орфографии были допущены следующие ошибки:

- а) дефисное и слитное написание слова с *пол*-(3 человека из 19);
- б) слитное написание наречия (1 из 19);
- в) правописание *не* с безличным глаголом (2 из 19).

В области пунктуации были допущены следующие ошибки:

- а) не обособлено вводное слово в предложении (5 из 19);
- б) не выделен деепричастный оборот (2 из 19);
- в) не поставлена запятая в сложносочиненном предложении (4 из 19).

В области лексики и фразеологии учащимися были допущены следующие ошибки:

а) в предложенном тексте были найдены не все слова в переносном значении (8 из 19);

б) подобран неправильный синоним к наречию *едва* (5 из 19);

в) неверно подобран синонимичный фразеологизм к выражению «за двадцать шагов уже не видно» (15 из 19).

В области фонетики при фонетическом разборе слова были допущены следующие ошибки:

а) характеристика согласного звука (13 из 19);

б) редукция гласного звука (10 из 19);

в) определение двойной роли буквы *е* (2 из 19).

Вывод: в основном старшеклассники владеют правилами орфографии и пунктуации, больше ошибок встречается по фонетике (при характеристике согласных звуков и определении редуцированного гласного).

В области лексики учащиеся хорошо справились с подбором антонимов, а при подборе синонима к наречию и синонимичного фразеологизма некоторые из них не учли контекст, поэтому не справились с заданием.

Задание по нахождению слов с переносным значением вызвало затруднение у части детей потому, что не все прочувствовали метафоричность конструкции, определенную иносказательность.

Анализ умений в области речевого этикета

Использование учащимися своих знаний в речевой коммуникации представлены нами ниже.

Ситуация 1. Школа. А. Обращение к учителю во время его разговора с коллегой.

Реестр формул:

1. *Простите, пожалуйста, можно Вас перебить...*

2. *Извините, пожалуйста, можно Вас перебить...*

3. *Извините, можно Вас спросить...(2)*

4. *Извините, что я Вас перебиваю, можно Вас спросить...(7)*

5. *Извините, что я Вас перебиваю, можно к Вам обратиться...*

6. *Извините, что я прерываю Ваш разговор...*

7. *Здравствуйте, Марья Ивановна, извините, что перебиваю...*

8. *Простите, пожалуйста, можно ли с Вами переговорить...*

9. *Извините, можно Вас перебить?*

10. *Елена Александровна, извините, что перебиваю...*

Маркеры этикетности:

-простите,

-извините,

-пожалуйста

-можно

Приемлемым вариантом являются фразы 1, 2, 4, 5, 6, 10;

Относительно приемлемы фразы 3, 7, 8. Несмотря на присутствие в них маркеров этикетности, они несколько фривольны.

Неприемлемой является фраза 9. Она может вызвать недовольство учителя (в зависимости от важности его разговора с коллегой) и привести к конфликту.

Вывод: количество применяемых этикетных формул достаточно, чтобы учащимся правильно выразить мысль в определенной ситуации.

Б. Обращение к учителю в случае несогласия с поставленной отметкой.

1. *Елена Александровна, извините, но я не согласна с оценкой. Давайте разберем работу вместе.*

2. *Извините, но я не согласен с Вашей точкой зрения.*

3. *Марья Ивановна, я хочу оспорить Ваше решение по поводу моей оценки. Я считаю, что знаю материал на более высокую оценку...*

4. *Скажите, пожалуйста, как мне можно исправить свою оценку?*

5. *Вера Васильевна, не могли бы Вы мне объяснить критерий выставления этой оценки?*

6. *Извините, но я не поддерживаю Вашу точку зрения.*

7. *На мой взгляд, оценка поставлена необъективно.*

8. *Марья Ивановна, я считаю поставленную оценку некорректной.*

9. *Извините, пожалуйста, я не совсем согласен с оценкой...*

10. *Извините, пожалуйста, не могли бы Вы пересмотреть мою оценку...*

11. *Извините, но я не согласен с моей оценкой. Пожалуйста, объясните...(7)*

12. *Извините, но я не согласен с Вашей оценкой.*

13. *Извините, не могли бы Вы объяснить, почему поставили мне такую оценку?(2)*

14. *Извините, но мне кажется, что Вы не правы.*

15. *Простите, пожалуйста, но я все же не согласен с моей оценкой...*

Маркеры этикетности:

-извините,

-пожалуйста,

-не могли бы Вы

Уместными являются фразы 1, 3, 4, 5, 9, 10, 11, 13, 15.

Относительно приемлемы фразы 2, 6, 8, 12, 14. Неприемлемый вариант – фраза 7, так как отличается грубостью, категоричностью, бестактностью.

В данной ситуации в основном учащиеся знают неприемлемые фразы, чтобы избежать конфликта.

В. Обращение к учителю в столовой во время его обеда.

1. *Приятного аппетита, можно у Вас узнать...*

2. *Хорошего Вам аппетита. Извините, пожалуйста...*

3. *Приятного аппетита, можно у Вас спросить...(2)*

4. *Приятного аппетита, можно спросить...*

5. *Приятного аппетита, можно к Вам обратиться...*

6. *Извините за то, что я Вас прерываю, но можно задать вопрос...*

7. *Извините, что я Вам помешал, но мне нужно срочно с Вами поговорить.*

8. *Извините, что я Вас прерываю...(2)*

9. *Приятного аппетита, извините, пожалуйста...*

10. *Извините, что отвлекаю...*

11. *Приятного аппетита, извините, что мешаю, но у меня очень срочный вопрос. (4)*

12. *Приятного Вам аппетита, можно ли узнать у Вас ответ на вопрос.*

13. *Приятного аппетита, Вера Васильевна! Простите, что перебиваю трапезу...*

14. *Елена Александровна, извините, но у меня есть срочный вопрос...*

Маркеры этикетности:

-приятного аппетита,

-извините,

-можно,

-пожалуйста

Приемлемые фразы – 7, 11, 14.

Относительно приемлемый вариант – 2, 6, 9, 13.

Фразы 1, 3, 4, 5, 8, 10, 12 неприемлемы, несмотря на присутствие в них маркеров этикетности. В них явно отсутствует тактичность, и они могут вызвать недовольство. А фраза 12 отличается своей искусственностью (некой длиннотой), нарушением лексической сочетаемости.

Далее соотнесем результаты, полученные нами в ходе эксперимента, с нормативными формулами речевого этикета, которые предлагаются как эталон¹:

Ситуация	Тип формулы	Формулы речевого этикета	Реестр предлагаемых учащимися этикетных формул
1. Школа а) обращение к учителю во время его разговора с коллегой	обращения, извинения	Извините, пожалуйста! Простите за... Я прошу у вас прощения... Очень прошу вас меня простить	Извините, что я перебиваю, можно Вас спросить...
б) обращение к учителю в случае несогласия с поставлен-	извинения, обращения	Извините... Простите, пожалуйста...	Извините, но я не согласен с моей оценкой. Пожалуйста, объясните

¹ Формулы речевого этикета приводятся по: [8].

ной отметкой			
в) обращение к учителю в столовой во время его обеда	пожелания, извинения, обращения	Приятного аппетита... Извините, пожалуйста... Простите, что...	Приятного аппетита, извините, что мешаю, но у меня очень срочный вопрос

Причины неиспользования формул речевого этикета, которые предлагались как эталонные в книге Н.И. Формановской «Вы сказали: “Здравствуйте!”» [8]., можно, по-видимому, объяснить следующим образом:

- стремление говорящих к экономии речевых усилий;
- ощущение искусственности фразы (*очень прошу Вас меня простить*);
- осознание архаичности формулы (*сударыня, господин* и т.п.);
- предпочтение универсальной формулы для множества ситуаций (например, косвенное обращение).

Таким образом, осознание своей социальной роли и норм речевого поведения приобретает особое значение в процессе становления языковой компетенции, поскольку позволяет обнаружить динамику взаимодействия нормативного и реально представленного в речи школьника, с одной стороны, и прогнозировать овладение нормой – с другой.

Анализ речевого поведения старшеклассников в этикетных ситуациях дает возможность определить уровень сформированности их речевой компетенции.

В перспективе предполагается расширение приемов коммуникативного тренинга как части комплексной модели совершенствования языковой компетенции старшеклассников в плане использования экспериментальных методов исследования языковой личности и внедрения тренингов креативности с целью формирования максимальной гибкости речевой деятельности учащихся.

Литература

1. Гридина Т.А. Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности // Филологический класс. – 2014. – № 2 (36). – С. 30-35.

2. *Гридина Т.А.* Языковой «инстинкт» как проявление творческого начала детской речи: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2015. – № 13. – С. 5-30.

3. *Коновалова Н.И.* Креативная составляющая интеллекта: к 100-летию IQ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2012. – № 10. – С. 35-48.

4. *Коновалова Н.И.* Психолингвистические основы методики обучения русскому языку // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 9. – С. 194-202.

5. *Образовательная система «Школа 2100».* Педагогика здравого смысла. Сборник материалов / Под научн. ред. А.А. Леонтьева. – М.: Баласс, Изд. Дом РАО, 2003. – 368 с.

6. *Образовательная система «Школа 2100».* Сборник программ. Дошкольная подготовка. Начальная школа. Основная и старшая школа / Под научн. ред. А.А.Леонтьева. – М.: Баласс, Изд. Дом РАО, 2004.

7. *Стернин И.А.* Русский речевой этикет. – Воронеж: ВОИПКРО, 1996. – 125 с.

8. *Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуйте!». – М.: Высшкола, 1989. – 159 с.

9. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

©Богатова И.Д., 2016

УДК 373.881.161.1'23
ББК Ч426.819=411.2-058+Ш100.6

П.Д. Власова
Екатеринбург

Индивидуализированные технологии включения детей в образовательный процесс: психолингвистический подход

Аннотация: В данной статье рассматривается возможность психолингвистических основ обучения русскому языку. Представлен конспект внеурочного занятия школьного Пресс-центра на тему «Способы воздействия на читателя» с учетом особенностей восприятия и передачи информации от органов чувств к мозгу, межполушарной асимметрии. Разработаны задания, включающие в деятельность учащихся разных латеральных профилей: с визуальной, аудиальной, кинестетической ведущей модальностью восприятия; проявляющие правополушарные и левополушарные стратегии обработки и воспроизведения информации. Приведены данные оценки уровня комфортности учащихся в освоении материала, построенного таким образом.

Ключевые слова: психолингвистический подход к обучению, латеральный профиль, модальность восприятия, межполушарная асимметрия, левополушарные, правополушарные стратегии, аудиал, визуал, кинестет.

Сведения об авторе:

Власова Полина Дмитриевна, магистрант 1 года обучения Уральского педагогического университета (Екатеринбург).

Место работы: МБОУ СОШ №1 Невьянского городского округа.

Должность: учитель русского языка и литературы.

Контакты: г. Невьянск, ул. Карла Маркса, 6;
vlasova.polina@mail.ru

P.D. Vlasova
Yekaterinburg

Personalized technologies including children in the educational process: the psycholinguistic approach

Abstract: This article discusses the possibility of psycholinguistic foundations of Russian language teaching. The conspectus of extra-curricular classes of the school of the Press-Centre on the topic "Ways of influencing the reader" allowing for the perception and transmission of information from the senses to the brain, hemispheric asymmetry is presented. Developed tasks, including the activities of pupils of different lateral profiles: with visual, audial, kinesthetic leading modality of perception; exhibit right-brain and left-hemispheric processing strategy and reproducing information. In-present data level pupils comfort assessment in the development of the material, which was built in such a way.

Key words: psycholinguistic approach to learning, latte-general profile, modality of perception, hemispheric asymmetry, left hemisphere, right brain strategy, audial, visual, kinesthetic.

About the author:

Vlasova Polina Dmitriyevna, Undergraduate of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Place of employment: MBOU school №1 of Nevsky District.

Post: Teacher of Russian Language and Literature

Образование выполняет важную функцию в политическом, экономическом, социально-культурном и технологическом развитии государства, поэтому для Министерства образования Российской Федерации является приоритетным направлением создания Федеральных государственных образовательных стандартов, направленность которых соответствует современной социально-культурной ситуации. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования № 1897 от 17 декабря 2010 г. базируется на системно-деятельностном подходе к обучению, устанавливает требование к развитию предметных, метапредметных и личностных универсальных учебных действий и регламентирует «построение образовательной деятельности с учетом индивидуальных возрастных, психологических и физио-

логических особенностей обучающихся», декларирует индивидуальный подход к обучению каждого ребенка [7].

Кроме возрастных и физиологических особенностей учащихся, необходимо учитывать и особенности их речевой деятельности: «Знание особенностей организации мыслительной деятельности позволяет учителю не только понять реакцию учеников на разные интеллектуальные и коммуникативные задачи, но и создать максимально комфортные условия обучения, разработать индивидуализированные технологии включения детей в образовательный процесс» [2, с. 5-6]. Одним из важных условий успешности обучения русскому языку в среднеобразовательной школе является учет латерального профиля каждого учащегося.

Латеральный профиль, вслед за Н.И. Коноваловой, рассматривается как набор «особенностей мозговой организации (ведущая сенсорная модальность и доминирующее полушарие) восприятия, обработки, хранения, воспроизведения информации и в целом специфика когнитивных стратегий и эмоциональной сферы личности» [2, с. 17]. Здесь важными становятся такие понятия, как ведущий канал восприятия (ведущая сенсорная модальность) и межполушарная асимметрия мозга.

Канал восприятия – способ восприятия и передачи информации от органов чувств к мозгу. Выделяют 3 вида ведущей модальности восприятия: визуальный, аудиальный, кинестетический.

Межполушарная асимметрия – распределение всех психических функций между правым и левым полушариями головного мозга, определяющее специфику восприятия, обработки, хранения, воспроизведения и порождения информации. Асимметрия бывает моторная, сенсорная, асимметрия психических функций (ведущее правое полушарие и левое) [1; 2; 3; 4].

При разработке уроков, отборе заданий и упражнений необходимо учитывать латеральные профили каждого учащегося и использовать задания, которые бы позволили воздействовать на каждый канал восприятия: визуальный, аудиальный, кинестетический, а таким образом и на каждого ученика. Асимметрия головного мозга, кроме учета ведущего полушария, требует развития навыков противоположного полушария, так как левое полушарие отвечает за «абстрактно-логический анализ расчленен-

ной информации», а правое «связано с конкретным, моментальным, глобальным освоением ситуации», творческим мышлением [6, с. 78]. При подготовке к внеурочному занятию школьного Пресс-центра (для 5 класса) на тему «Способы воздействия на читателя» нами были учтены психолингвистические основы методики обучения.

Перед разработкой занятия был проведен комплекс экспериментов для диагностики а) ведущей модальности восприятия: анализ наборов ассоциатов, анализ предикатов, предпочитаемых в процессе речепорождения; написание мини-сочинений с включенным в тему предикатом и без включенных предикатов; б) речевой диагностики межполушарной асимметрии головного мозга с использованием метода свободного ассоциативного эксперимента и методики классификации И.П. Павлова.

Психодиагностика речевой способности показала, что в группу респондентов входят 3 визуала, 1 аудиал и 12 кинестетов, из которых 2 правополушарных учащихся, а остальные левополушарные.

Цель занятия: познавательная – узнать способы воздействия на читателя: эмоционально окрашенные слова, слова с суффиксами оценки, сравнения и метафоры, риторические вопросы и восклицания; развивающая – развивать навыки анализа текста: образа героя, поиск выразительно-изобразительных, лексических и синтаксических средств создания авторской позиции; воспитывающая – способствовать формированию и развитию у учащихся морально-нравственных качеств: честность, справедливость, порядочность, пробудить интерес к созданию собственных публицистических текстов.

Предполагаемые результаты: познавательные – умение добывать новые знания, анализ объектов с целью выделения существенных признаков, группировка и классификация объектов и умение выявить аналогии на предметном уровне; коммуникативные – умение работать в группе, умение оформлять свою мысль в устной речи, умение выполнять различные социальные роли в группе в соответствии с задачами учебной деятельности; регулятивные – развитие действий целеполагания, планирования, контроля и коррекции, оценки.

Учащимся были предложены 4 задания, которые предполагают включение разных модальностей восприятия и активности обоих полушарий головного мозга.

Первое задание выстроено в форме лингвистического эксперимента, текст был выдан каждому обучаемому и прочитан вслух разными детьми.

Сравните 3 текста:

1. На третью ночь приходит черед Иванушке-дурачку идти. Положил он пирог за пазуху, взял веревочку и пошел. Пришел в поле. Сел на камень.

2. На третью ночь неизбежно приходит черед Иванушке-дурачку идти на ненавистную службу.

Недовольно ворча что-то себе под нос, положил он вчерашний пирог за пазуху, взял веревку и пошел, жалуясь на судьбу-злодейку, не дающую ему на теплой печке полежать.

Спотыкаясь в темноте о каждую кочку и проклиная ночного грабителя, пришел он на поле и сел на холодный камень, зябко поджав под себя промокшие от влажной травы ноги.

3. На третью ночь наконец-то приходит черед Иванушке-дурачку идти охранять семейные владения от вора.

Взял он матушкой испеченный пирог, аккуратно завернул его в чистое полотенце и положил за пазуху. Затем взял веревку и пошел. Пришел он в поле еще засветло, имея в запасе время на обустройство места своего ночного дозора.

Хозяйским взглядом окинул окрестности, с горестным сожалением покачал головой, увидев погубленную вором пшеницу, и сел на камень, обдумывая, как лучше выполнить данное ему поручение.

Вопросы: 1. Какие тексты вам показались интересней? 2. Что можно сказать о характере Иванушки по 2 и 3 тексту? 3. Исследуйте, какие слова вам помогли это понять?

Наличие текста перед глазами и прочитывание его вслух активизируют аудиальный и визуальный канал восприятия, при этом обращение к эмоциональной сфере учащихся включает кинестетический канал восприятия. Вопросы 2 и 3 стимулируют работу правого и левого полушария соответственно.

Второе задание способствует развитию творческих способностей, при этом учащиеся могут выбрать для себя как правополушарные, так и левополушарные стратегии (замена включенных слов с оценкой персонажа на другие).

Поработайте в группах. Давайте сами попробуем создать такие же интересные тексты. На основе первого текста придумайте текст так, чтобы Иванушка был у 1 группы: озорной и энергичный, 2 группы: забывчивый, 3 группы: печальный.

А теперь сделайте вывод: зависит ли восприятие текста от слов, которые выбирает автор? Какой образ изменился в ходе нашей работы? С помощью чего нам удалось изменить образ Иванушки-дурачка?

Результаты такой индивидуальной работы можно использовать для анализа предпочитаемых речевых стратегий учащихся.

Перед третьим заданием заранее подготовленные учащиеся представили сообщения о разных способах, которые способны изменить наше восприятие того или иного образа в тексте (рассматривались эмоционально окрашенные слова, слова с суффиксами оценки, сравнения и метафоры), важная информация выводилась на интерактивную доску, делая информацию доступной как для аудиалов, так и для визуалов. В ходе **третьего задания** учащимся предлагалось проанализировать использование изученных и найти новые способы воздействия в статье «А что скажут люди?» газеты «Плотинка» № 3, март 2016 (в статье активно использовались риторические вопросы и восклицания) [5]. Такой тип заданий развивает левополушарные стратегии работы с материалом, поиск информации по заданному критерию, анализ и сопоставление данных. Работа на занятии с выпускаемым изданием СМИ приближает детей к реальной жизненной ситуации, тем самым подключая кинестетический канал восприятия.

Четвертое задание направлено на создание собственного текста. Написание текста – процесс творческий, требует использование правополушарных стратегий, подключая при этом визуальный и кинестетический канал восприятия, так как представляет собой опыт использования знаний на практике, проживание ситуации. Учащимся предлагается осветить новость: *в нашем*

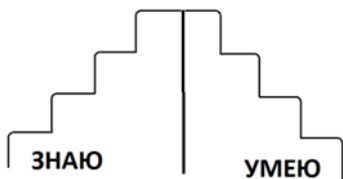
городе произошла страшная трагедия: у мамы-козы пропали семеро козлят. Но кто в этом виноват? Сами проказники козлята, мама-коза, которая плохо за ними следила, или это распоясались злые волки, утащили козлят в лес? Все зависит от того, как мы, авторы, осветим это событие. Задание: написать заметку. Тема у всех будет общая: у мамы-козы пропали семеро козлят. А основная мысль у каждой группы будет разная: у 1 группы: непослушные козлята убежали от мамы; у 2 группы: мать плохо следит за детьми; у 3 группы: волки распоясались.

В конце внеурочного занятия учащимся предлагалось оценить свою работу и уровень полученных знаний и умений.

1. Оцени себя:

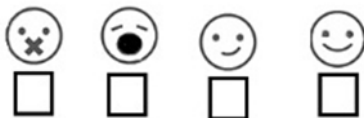
- Если ты доволен собой, у тебя все получалось, то нарисуй улыбающееся лицо.
- Если тебе на занятии было временами непросто, не все получалось, то рисуй спокойное лицо.
- Если тебе на занятии было сложно, многое не получалось, то рисуй грустное лицо.

2. Оцени свой успех. Нарисуй себя на тех ступеньках знаний и умений, на которых ты себя ощущаешь.

- Нижняя ступенька – ничего не понял, ничего не запомнил, осталось много вопросов.
- 2-я и 3-я ступеньки – остались вопросы по новой теме, справился не со всеми заданиями.
- Самая высокая ступенька – хорошо усвоил новое знание и могу его рассказать.

3. Выбери смайлик, который лучше отражает твою работу в группе:

Полученные данные самооценки учащихся показали, что все дети остались довольны собой, высоко оценивают полученные знания и умения (3 и 4 ступень) и работу в группах, поэтому можно сделать вывод, что всем учащимся было комфортно на занятии, для всех материал был дан в доступной и понятной форме. А значит, учет психолингвистических особенностей учащихся благоприятствует лучшему усвоению учебного материала и должен быть использован в школьной практике преподавания.

Литература

1. Коновалова Н.И. Креативная составляющая интеллекта: К 100-летию IQ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург. – 2012. – № 10. – С. 35-48.
2. Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности: учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 120 с.
3. Коновалова Н.И. Психолингвистические основы методики обучения русскому языку // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2011. – № 9.
4. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2006 - 320 с.
5. Сафронова А.А. Что скажут люди? // Плотинка. – Екатеринбург, 2016. – № 3 (20).
6. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 184 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2588>.

©Власова П.Д., 2016

УДК 81'23:81'37
ББК Щ105.31+Ш100.6

Т.В. Гоголина, М.А. Караваева
Екатеринбург

**Восприятие категории сомнительности современными
носителями языка: экспериментальные данные**

Аннотация. В статье рассмотрена характеристика семантической категории сомнительности в представлении современных носителей языка, составленная на основании экспериментальных данных.

Авторами проведён и описан психолингвистический эксперимент, направленный на выявление особенностей восприятия семантики сомнительности студентами-филологами. Также проанализированы средства выражения данной категории, наиболее активно использующиеся в молодёжном дискурсе. Экспериментально подтверждена гипотеза о связи рассматриваемой категории с понятиями модальности, оценочности и эмотивности. Для испытуемых оказалось особенно важным включить значение сомнительности в семантическое пространство достоверности/недостоверности и связать его с выражением оценки, эмоций и воли говорящего. Характер выражаемых в сочетании с сомнительностью эмоций является для говорящего психологически некомфортным, что передаётся как вербальными, так и невербальными средствами.

Ключевые слова: сомнительность, психолингвистический эксперимент, модальность, оценочность, эмотивность.

Сведения об авторах:

Гоголина Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук.

Место работы: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Должность: доцент кафедры общего языкознания и русского языка.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; gogolintv@yandex.ru.

Караваяева Мария Александровна, студент 4 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; pretty_lady_mary@mail.ru.

T.V. Gogolina, M.A. Karavaeva
Yekaterinburg

The perception of the categories of doubtfulness modern native speakers: experimental data

Abstract: The article describes the characteristics of the semantic category of doubtfulness in the conception of modern native speakers, drawn up on the basis of experimental data. The authors conducted and described a psycholinguistic an experiment aimed at identifying features of perception of semantic of doubtfulness of students-philologists. Also was analyzed the means of expression this category most actively used in the youth discourse. Experimentally confirmed the hypothesis about the connection of these categories with the concepts of modality, evaluation and emotionality. For examinees were especially important to include the value of ambiguity in the semantic space of authenticity/falsity and associate it with expression evaluation, emotion and the will of the speaker. Character of emotions are expressed together with doubtfulness is psychologically uncomfortable for the speaker. This is expressed by verbal and nonverbal means.

Key words: doubtfulness, psycholinguistic experiment, modality, evaluation, emotionality.

About the authors:

Gogolina Tatyana Vladimirovna, Candidate of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Post: Assistant Professor of Commonl Linguistics and Russian Language Department.

Karavaeva Mariya Alexandrovna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Значение сомнительности – это состояние неуверенности говорящего в истинности того, о чём он говорит, основанного на достаточности или недостаточности знаний субъекта речи о предмете речи. Спектр средств выражения данной семантики достаточно широк: вербальные (лексико-грамматические и лексико-семантические) и невербальные средства [3; 6; 7].

Семантическое пространство достоверности / недостоверности, в пределах которого находится семантика сомнительности, связано с другими семантическими категориями, влияющими на формирование анализируемого значения. «Категория сомнения – это семантическая категория, которая функционирует на пересечении трех основных семантических зон – достоверности, оценочности и эмотивности, и вступает в межкуатегориальные связи со многими другими семантическими категориями» [6, с. 197].

Нами проведён эксперимент (его значимость в научно-исследовательской деятельности студентов чрезвычайно высока [1; 5]), позволяющих исследовать различные аспекты представления категории сомнительности в разговорной речи молодёжи, в которого мы попытались не только определить объём понятия *сомнительность* в представлении молодых носителей языка, но и охарактеризовать зону эмоционально-оценочного восприятия ими данной категории. Данная проблема рассматривалась нами и ранее [2; 4].

Рассмотрим проведённый нами эксперимент подробнее.

Целью эксперимента является определение объёма понятия *сомнительность* в представлении современных носителей языка. При постановке эксперимента выдвинута гипотеза: респонденты назовут признаки и дадут определение понятию *сомнительность* с учетом зоны его расположения в рамках семантики достоверности / недостоверности и его эмотивно-оценочной составляющей.

Эксперимент проводился в письменной форме, состоял из двух заданий. В первом предлагалось перечислить 10 признаков понятия *сомнительность*, а во втором – дать определение этому понятию. В эксперименте приняли участие студенты выпускного курса и магистранты Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ в количестве 25 человек.

Первое задание звучало следующим образом:

Перечислите 10 признаков понятия «сомнительность».

Ответы респондентов по первому заданию оказались следующими: ядерную зону реакций составили синонимы к слову *сомнительность* со значением семантики достоверности / недостоверности и близкой к ней уверенности / неуверенности: *неуверенность* (17), *неопределенность* (8), *мнительность* (4), *маловероятность* (4), *недостоверность* (4), *подозрительность* (3), *неточность* (3), *неясность* (3), *нерешительность* (3), *ненадежность* (3), *переживание* (2), *колебание* (2), *страх* (2), *незнание* (2), *недосказанность* (2), *может быть* (2), *сомнение* (2), *двузначность* (2), *наверное* (2). Респонденты определяли сомнительность с помощью более широкого родового понятия *неуверенность* и предлагали различные средства выражения данной семантики, как вербальные, так и невербальные. Среди единичных реакций выделено несколько групп:

1) в первую группу отнесены реакции с эмотивно-оценочной семантикой (*нервозность, волнение, взвешивание всех «за» и «против», сопоставление «за» и «против», стресс стеснение, заикание, дрожь, нервный, робость, смех, истерика, апатия, неприязнь, ироничность, сарказм, ненадежность, некомфортно, неудобно, странность, чувство, противоположное уверенности, непостоянство, колебания внутренние, нервозность, человек краснеет, забывать слова, опускает голову, подносит руки к губам, чувство стыда, чувство разочарования, начинает трясти, ходить по комнате, возбудим, повышает голос, может заплакать, нервничает, начинает заикаться, теребить волосы*). В данную группу вошли реакции, описывающие переживания человека в момент, когда он сомневается, до и после этого момента. Мы обратили внимание на тот психологический дискомфорт говорящего, о котором писали многие респонденты, выделяя вербальные и невербальные реакции;

2) вторую группу составили реакции – устойчивые выражения. В них отражается представление носителей языка о сомнении, которое проявляется в отборе использованных респондентами идиом: *поживем – увидим* - нежелание высказываться о том, что в данный момент не вполне ясно, что станет ясно со

временем; *после дождичка в четверг* – обо всём несбыточном, неизвестно, когда исполнится; *ни рыба, ни мясо (ни то, ни сё)* – о чём-то ничем не выделяющемся, не имеющем отличий; *гадание на кофейной гуще* – делать ни на чем не основанные выводы, предположения;

3) в третью группу вошли реакции невербального характера (*соответствующая невербалика (сдвинутые брови, полуулыбка, ухмылка), сложность вербализации, невербалика неуверенности, сомнения (пожимание плечами), влажные ладошки*). Респонденты описывали психологическое состояние сомнения, переданное только невербально. Таких реакций немного, но они дополняют вербальные реакции других групп, позволяют получить представление о возможных жестах и ощущениях, связанных с выражением сомнения в восприятии респондентов;

4) следующую группу составили реакции, которые структурно характеризуют средства выражения семантики сомнительности (*знак вопроса, междометия, вводные слова, слова с оттенком сомнительности, использование вводных слов и междометий, особая интонация, фразеологические единицы, вводные слова и конструкции*). Эксперимент проводился со студентами филологического факультета, чем объясняется попытка обозначения ими групп вербальных средств выражения анализируемого значения;

5) в четвертой группе оказались реакции, обозначающие процесс выбора, размышления, психологических колебаний испытуемых (*гадание, раздвоение мнения, ступор, решение, раздумчивость, непонимание, отсутствие конкретики, ожидание, сбивчивость, задумчивость, напряженность, боязнь, беспокойство, нечеткая речь, заминка, несформированность мысли, хезитация, загадочность, раздумье, нерешимость, размышление, сложность выбора, таинственность, загадка, туманность, вариативность*);

6) в пятой группе – реакции, определяющие недостаточность знания о предмете речи (*я не знаю, неизвестный, неизвестность, шаткость высказанной позиции, слабая аргументация мнения, ошибочность, отсутствие фактов, требует проверки, спорная ситуация. шаткость позиции, отсутствие четкой по-*

зиции, неуверенность в истинности сказанного, непроверенная информация, небесспорность);

7) следующую группу составили реакции типа *боязнь ошибиться, осторожность, низкая самооценка, нерешимость, сложность выбора, спорность, безразличие, забывчивость, неблагосклонность, бездеятельность, податливость чужому мнению*, которые характеризуют психологическое состояние человека в момент сомнения;

8) в последней группе реакции, опосредованно связанные с выражением значения сомнительности в языке, т.к. передают смежные с сомнением значения, принцип организации диалога, ситуации, в которых возникает сомнение и др. (*скорее всего, возможно, есть вероятность, посмотрим, вряд ли, вероятно, неблагоприятие, непонятный, плохое качество, необязательность, невероятность, вопрос-ответ, аргументы-опровержение, а могу ли я?, вероятность, альтернатива, возможность, иногда, как бы, фифти-фифти, хрупкость, зыбкость, скользкость, разные точки зрения, наивный отказ, частичное сокрытие информации, неблагонадежность, недвусмысленность*).

Во **втором задании** мы предложили респондентам дать определение понятию *сомнение*. Задание звучало так:

Дайте определение понятию СОМНЕНИЕ, т.е. СОМНЕНИЕ – это ...

Респонденты вновь дали ответы в основном с опорой на более широкие родовые понятия (такие реакции оказались наиболее частотными, что вполне предсказуемо) – *неуверенность, недостоверность*:

1. *Неуверенность в чем-либо, в какой-либо информации.*
2. *Неуверенность в чем-либо, размышление над чем-то; состояние перед выбором.*
3. *Неуверенность в себе, в своих знаниях или в ком (чем)-либо еще.*
4. *Неуверенность в чем-либо.*
5. *Неуверенность в предъявленном аргументе; ставить под сомнение.*
6. *Неуверенность в чем-либо или ком-либо, колебания.*

7. *Неуверенность в чём-то. Отсутствие четкого мнения по какому-либо вопросу.*

8. *Неуверенность в выборе того или иного варианта.*

9. *Неуверенность в истинности того, о чем человек говорит; частичное несогласие со словами собеседника.*

10. *Маловероятность, сложности в выборе правильного решения.*

11. *Неуверенность в достоверности информации.*

12. *Недоверие, отказ от общения с человеком.*

13. *Процесс, при котором человек не уверен в правильности своей мысли, в её точности.*

14. *Отсутствие достоверных фактов, указывающих на точность, уверенность в чём-либо.*

Среди реакций можно выделить группу ответов с характеристикой эмоционально-оценочной семантики сомнительности, близких к научному определению данного понятия, что во многом объясняется участием в эксперименте студентов-филологов:

1. *Состояние самого человека, при котором он не может принять конкретное решение по тому или иному вопросу. Его начинают посещать разные мысли, которые еще больше вводят в заблуждение.*

2. *Состояние человека, когда он принимает решение, взвешивая все «за» и «против». В этот период человек находится в раздумье и не действует, но переживает и просчитывает свои дальнейшие действия.*

3. *Сомнение – состояние человека в ситуации, когда ему что-то не нравится в предъявленной информации.*

Также чётко обозначилась группа понятий, которые отражают эмотивно-оценочный компонент семантики сомнительности:

1. *Чувство, вызванное у человека выбором, который он не знает, как совершить.*

2. *Чувство неуверенности.*

3. *Чувство неопределенности по поводу совершения какого-либо поступка, нерешительность.*

4. *Эмоциональное состояние человека, в котором он чувствует некую неопределенность, спорность своего выбора.*

5. *Состояние человека, характеризующее неуверенность в правильности высказывания собеседника.*

6. *Состояние неуверенности, колебания в принятии решений.*

7. *Чувство неуверенности в чем-либо.*

8. *Состояние человека, когда он разочаровывается в чем-то и пытается найти замену чему-то, ищет доказательства.*

На первый план выходит семантическая характеристика понятия, связанная с достоверностью/недостоверностью, с уверенностью/неуверенностью, эмотивно-оценочная составляющая категории также описывается через систему соответствующих понятий: *эмоциональное состояние, чувство, эмоция* и др.

Проведённый нами эксперимент позволяет присоединиться к мнению И.Г. Никольской о дискомфортном для говорящего характере данной эмоции [8], выраженной весьма разветвлённо как вербальными, так и невербальными средствами. Эксперимент в полной мере подтвердил гипотезу, что для носителей языка в понимании значения сомнительности важны такие факторы, как 1) его отнесённость к семантическому макротипу достоверности/недостоверности, уверенности / неуверенности в сказанном; 2) эмоционально-оценочный характер данной категории.

Литература

1. *Гоголина Т.В.* Психолингвистический эксперимент как метод изучения грамматической семантики: учебное пособие/ Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 116 с.

2. *Гоголина Т.В.* Коммуникемы со значением сомнительности как отражение лингвокреативной деятельности говорящего// Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2014. – № 2. – С. 181-185.

3. *Гоголина Т.В.* Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-semanticheskoe-pole-somnitelnosti-v-sovremennom-russkom-yazyke>

4. *Гоголина Т.В., Караваева М.А.* Средства выражения семантики сомнительности в речи современных студентов: экспериментальные данные// Перспективы науки-2015: сборник док-

ладов I Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ. Казань, 2015. – С. 178-183.

5. *Иванова Е.Н.*, Городецкая Е.Л. Психолингвистический эксперимент как форма организации научно-исследовательской работы студента-филолога // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2015. – № 4. – С. 134-147.

6. –*Никольская И.Г.* Выражение семантики сомнения в современном русском языке // Известия РГПУ им А.И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 197-201.

7. *Никольская И.Г.* Семантика сомнения и способы её выражения в русском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-semantiki-somneniya-v-sovremennom-russkom-yazyke>.

8. *Никольская И.Г.* Дискомфортная эмоция сомнения в русской языковой картине мира // Trends in Slavic Studies. – М., 2015. – С. 489-500.

©Гоголина Т.В., 2016

©Караваева М.А., 2016

УДК 811.161.1'23:811.161.1'373
ББК Ц141.12-3+Ш141.12-006

Е.С. Гребнева, И.В. Кирилова
Екатеринбург

**Ассоциативный эксперимент как способ отражения
восприятия названий нечистой силы
современными носителями языка**

Аннотация: Данная статья посвящена описанию психолингвистического эксперимента, направленного на выявление восприятия названий нечистой силы современными носителями языка. Для определения психологической реальности значения демонологической лексики авторы статьи использовали свободный ассоциативный эксперимент. По мнению авторов, данный экспериментальный метод должен был подтвердить гипотезу о том, что мотивировочный признак, отраженный в прозрачной внутренней форме демонологемы, будет входить в ядро ассоциативного поля. В ходе эксперимента выявляются основные направления ассоциирования, а также устанавливаются причины их расхождений или перекрещиваний. Для описания результатов эксперимента была использована модель интерпретации И.А.Стернина, А.В. Рудаковой, включающая в себя четыре этапа и позволяющая выстроить помимо традиционной ядерно-периферийной полевой структуры номинации семную структуру, базирующуюся на совокупном индексе яркости значения.

Ключевые слова: психолингвистика, свободный ассоциативный эксперимент, демонологема, ядро и периферия ассоциативного поля, показания языкового сознания.

Сведения об авторах:

Гребнева Екатерина Станиславовна, студент 3 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; catrina-n.tagil@hotmail.com.

Кирилова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук.

Место работы: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Должность: доцент кафедры общего языкознания и русского языка.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; Irishakuz@yandex.ru.

E.S. Grebneva, I.V. Kirilova
Yekaterinburg

Associative experiment as a way to reflect the perception of the modern names of evil spirits by native speakers

Abstract: This article is devoted to description of psycholinguistic experiments aimed at identifying the perception of names of evil spirits modern speakers. To determine the psychological reality of values demonological language authors have used the free associative experiment. According to the authors, this experimental method was to confirm the hypothesis that motivational sign is reflected in a transparent inner form demonologemy, will be included in the core of the associative field. In the course of the experiment revealed the main directions of the association, as well as the established causes of their differences or crossings. For interpretation model was used to describe the results of the experiment Sternin I.A., Rudakova A.V., which includes four stages and allows to build in addition to the traditional nuclear peripheral field structure category Semnyi structure, based on the total index of the brightness values.

Key words: psycholinguistics, free associative experiment, demonologema, the core and the periphery of the associative field, evidence of linguistic consciousness.

About the authors:

Grebneva Ekaterina Stanislavovna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Kirilova Irina Vladimirovna, Candidate of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Post: Assistant Professor of Commonl Linguistics and Russian Language Department.

В настоящее время возрастает интерес к изучению народной духовной культуры в самых разных ее проявлениях (например, в представлениях о сверхъестественной силе, в лексике и фразеологии народных праздников и обрядов, народного календаря природы и т.д.). В этой связи актуальным представляется обращение к описанию отдельных фрагментов языковой картины мира, отражающих воплощение в языковом знаке национальной ментальности. Одним из таких фрагментов лексико-семантической системы является семантическое поле «Нечистая сила». Главная его особенность заключается в специфичном денотате, относящемся к квазиденотативному пространству, т.е. такому, за которым не стоят определенные, четко закрепленные за вербальным обозначением предметы или явления. В данном случае вербальная единица, обозначающая персонаж нечистой силы, выступает своеобразным «симулякром», означающим без реального означаемого, означаемое лежит в сфере ментальных представлений, это своего рода «виртуальная реальность».

Для выявления психологической реальности демонологом мы провели ряд психолингвистических экспериментов: свободный ассоциативный, направленный ассоциативный и метод семантического дифференциала. По мнению А.А. Залевской, «методики такого рода позволяют не только обнаружить сформировавшиеся в прошлом опыте человека системы связей, но и разграничивать «ядро» и «периферию» отдельной системы, измерять степень семантической близости между ее элементами, проследить динамику связей внутри исследуемой системы» [2, с. 9].

В свободно ассоциативном эксперименте мы ставили перед собой **исследовательскую задачу** определить, насколько значим для носителей языка мотивировочный признак, связанный с принципами номинации. Испытуемым было дано задание записать первые две-три ассоциации, которые у них возникнут на слова-стимулы. В данном эксперименте испытуемые не знали, что предложенные им слова-стимулы являются названиями нечистой силы.

Гипотеза эксперимента: мы считаем, что мотивировочный признак, закрепленный во внутренней форме демонологемы, составляет ядро ассоциативного поля.

Испытуемые: студенты в возрасте от 19 до 22 лет. Задействовано 16 респондентов.

Отбор материала для эксперимента определялся с учетом важных для нас критериев: 1) все демонологемы относятся к числу малоизвестных носителям языка и нераспространенных номинаций нечистой силы; 2) слова-стимулы имеют прозрачную внутреннюю форму; 3) все названия нечистой силы относятся к одному принципу номинации – совершаемое персонажем действие. Испытуемым были предложены следующие слова-стимулы: *Крѣкса, Лизун, Обдерѣха, Ледѣя, Блуд, Облакогонители, Расслабѣя, Сухота*.

Интерпретация полученных данных проводится в 4 этапа.

Получив реакции испытуемых на предложенные нами слова-стимулы, мы проводим количественную обработку: высчитываем частотность реакций (она указана в скобках) и строим ассоциативное поле слов-стимулов, где располагаем их от меньшего к большему. Затем выполняется качественная обработка материала, где мы разделяем полученные реакции по нескольким категориям: парадигматические, синтагматические, тематические и неадекватные. Затем, опираясь на исследование И.А.Стернина и А.В. Рудаковой, пытаемся дать семантическую интерпретацию (3 этап) и найти психологически реальное значение слова, отраженное в сознании носителей языка (4 этап).

На примере демонологемы *Обдерѣха* покажем методику обработки и интерпретации полученных данных. По народным представлениям *Обдерѣха* – это злой дух в женском облике, обитающий в бане, почти всегда опасный для находящихся в бане людей, т.к. душит, «задирает» моющихся [1, с. 361]. Итак, мотивировочный признак данной номинации заключен в глаголе *обдирать*. Обратимся к результатам эксперимента.

1 этап. Количественная обработка полученного материала. Ассоциативное поле слова-стимула *Обдерѣха* представлено следующими реакциями: *облепиха (5); воровка (3); бабка (2), расстение (2); акции, афѣра, базар, «Банник и Обдерѣха» - народная*

быличка, беднота, воровство, демон, деньги, дорого, жадность, злость, кислая, кожа, колючка, кровь, коррупция, лес, негосударственный пенсионный фонд, неспустиха, нехороший человек, обида, обман, ободранное дерево, ободрать, ограбление, порванные вещи, продавец, ругань, скупость, сочная, топь, тролль, тряпки, ягода.

2 этап. Качественная обработка полученного материала.

Ядро ассоциативного поля представлено лексемой *облепиха* и обусловлено сближением паронимов. В зоне ближней и дальней периферии располагаются номинации, связанные с указанием на род деятельности – *воровка*, возраст – *бабка* и родовое понятие по отношению к облепихе – *растение*. Зона крайней периферии представлена следующими направлениями ассоциирования: 1) растительность (*лес, колючка, ободранное дерево, ягода, кислая*); 2) деньги (*беднота, воровство, дорого, жадность, коррупция, негосударственный пенсионный фонд, ограбление, скупость и пр.*); 3) нечистая сила (*демон, банник и обдериха – народная быличка*).

3 этап. Семантическая интерпретация результатов эксперимента для каждого слова-стимула.

На данном этапе ассоциации распределяются по денотативным группам. После чего, каждому из значений даётся семное описание, где похожие реакции интерпретируются как одна сема, которая обозначается нами самостоятельно.

«При описании значений выделенные семы приводятся жирным шрифтом, в скобках приводятся курсивом обобщенные этой семой ассоциативные реакции, подсчитывается совокупный индекс яркости значения (СИЯ) как совокупная частотность реакций, актуализирующих данное значение. Отказы интерпретируются как неактуальность лексемы для языкового сознания. Неинтерпретируемые ассоциативные реакции приводятся отдельным списком» [3, с. 130].

Обдериха

1. **Лицо или организация** 8 (*воровка 3, негосударственный пенсионный фонд, нехороший человек, продавец, бабка, базар*), которые **обворовывают, грабят** 8 (*афёра, воровство, деньги, дорого, жадность, ободрать, ограбление, скупость*), с

помощью 3 (акции, коррупция, обман), что приводит к бедности, ругани и обидам 3 (беднота, обида, ругань). СИЯ – 22

2. **Растение 9 (облепиха 5, растение 2, ягода, колючка), на вкус 2 (кислая, сочная), растет в 2 (лес, топь).** СИЯ – 13

3. Семы, сближающие слово-стимул с **народными суевериями и нечистью 5 («Банник и Обдериха» - народная быличка, злость, демон, неспустиха, тролль).** СИЯ – 5

4. Утратившее целостность, **ободранное, порванное 5 (кожа, кровь, ободранное дерево, порванные вещи, тряпки).** СИЯ – 5

4 этап. Психолингвистическое описание слов-стимулов, попытка найти психологически реальное значение слова и построить семантему слова.

Обобщим полученные от респондентов данные и представим семантему лексемы *Обдериха*:

1. Лицо или целая организация, которое(-ая) промышляет грабежом и обворовыванием граждан с помощью хитрых махинаций, доводящая людей до бедности. СИЯ 22.

2. Облепиха, растение, кислое и сочное, которое растет в лесах, на топях. СИЯ 13.

3. Нечисть, то, что относится к народным суевериям. СИЯ 5.

4. Что-то порванное, ободранное, утратившее целостность 5. СИЯ 5.

Проанализировав полученные в ходе эксперимента ассоциации носителей языка, мы пришли к следующим выводам:

1. В ходе эксперимента мы выявили, что направления ассоциирования у информантов весьма различны, так, на отобранные нами слова с прозрачной внутренней формой, носители языка в равной степени выдавали реакции, 1) опирающиеся на мотив именования – действие; 2) опирающиеся на звуковую оболочку слова и структура демонологемы. Зона крайней периферии достаточно обширна.

2. Мотивировочный признак – совершаемое персонажем действие, не всегда является доминирующим и в ряде случаев не входит в ядро ассоциативного поля.

3. Методика анализа лингвистического материала, разработанная И.А Стерниным и А.В. Рудаковой, позволяет выстроить семную структуру, которая дополняет традиционную ядерно-периферийную полевую структуру.

Литература

1. *Власова М.Н.* Русские суеверия: энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 2000. – 672 с.

2. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. – 208 с.

3. *Стернин И.А., Рудакова, А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание: монография. – Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

©Гребнева Е.С., 2016

©Кирилова И.В., 2016

УДК 81'38
ББК Щ05.55

Т.А. Гридина, А.В. Нифонтова
Екатеринбург

Игровые практики современных телешоу

Аннотация: В современной телекоммуникации увеличивается количество программ, ведущие которых используют различные техники языковой игры. В статье рассматриваются игровые практики одного из развлекательных телешоу как особые субжанры, специально ориентированные на вовлечение адресата в диалог с ведущим. К такого рода субжанрам относятся шуточные предрекламные анонсы телешоу «Смак». Основой данного субжанра является парадоксальная мотивация слова (преимущественно – намеренно ложная этимологизация). Авторы делают вывод о том, что анализируемые игровые анонсы этого телешоу имеют не только развлекательную функцию, но организуют особый регистр интерактивной коммуникации.

Ключевые слова: механизмы языковой игры, ложная этимология, жанр телешоу, И.Ургант.

Сведения об авторах:

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук.

Место работы: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Должность: профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; tatyana_gridina@mail.ru.

Нифонтова Анна Васильевна, студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; nifontovaav@gmail.com.

T.A. Gridina, A.V. Nifontova
Yekaterinburg

Game practices of modern TV shows

Abstract: In modern telecommunications is increasing the number of programs, which the leading uses different techniques of language game. The article deals with the practice of one of the gaming entertainment TV show as a special subgenre, specifically targeted at the recipient's involvement in dialogue with leading. For this kind of subgenres include humorous announcements of the TV show "Smak". The basis of this subgenre is paradoxical words of motivation (mainly - intentionally false etymologization). The authors conclude that gaming analyzed announcements of TV shows are not only entertaining function, but will organize a special register of interactive communication.

Key words: mechanisms of language game, a false etymology, the genre of TV shows, I. Urgant.

About the authors:

Gridina Tatyana Alexandrobna, Doctor of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Post: Professor, Head of Commonl Linguistics and Russian Language Department.

Nifontova Anna Vasiljevna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В современной телекоммуникации высокий рейтинг получают различные техники языковой игры. Особой популярностью пользуется жанр телешоу, который характеризуется организацией интерактивного взаимодействия ведущего с непосредственными участниками передачи и со зрителями. Игровые практики развлекательных телешоу можно рассматривать как особые субжанры, специально ориентированные на вовлечение адресата в занимательный диалог, позволяющий ему оценить остроумие ведущего и проверить собственные интеллектуальные способности.

К такого рода субжанрам относятся, например, шуточные предрекламные анонсы телешоу «Смак». Эта кулинарно-

развлекательная программа Первого канала ориентирована не столько на продвижение разных рецептов приготовления блюд, сколько на презентацию через общение в неофициальной обстановке (во время приготовления пищи совместно с ведущим) приглашенных гостей (актеров, спортсменов, политиков и т.п.). Ведущего «Смака», известного шоумена Ивана Урганта, отличают харизматичность, остроумие, широкая эрудиция, врожденное чувство юмора, а также способность к импровизации. Каждая рекламная пауза предваряется шутливым комментарием, начинающимся с фразы: *А после рекламной паузы вы узнаете, что...* (дается название блюда, продукта) *в переводе с ...* (далее следует ссылка на язык «перевода») *означает...* (дается парадоксальное толкование, никак не связанное с реальным смыслом названия). Например: *Треска (в переводе с болгарского) означает – линия высоковольтных передач*. Комический эффект достигается путем парадоксальной семантизации слова через сближение с *треск* (обозначение звука, издаваемого проводами, по которым идет ток высокого напряжения). Интересно, что данное шутливое толкование перекликается с исконной этимологией слова (*треска* производно от *трещать*, *трескаться* по признаку ее ломкости, сухости). Привязка *перевод с болгарского* намекает на полную произвольность толкования.

Подобная техника языковой игры, заключающаяся в намеренно ложной мотивации, не является новой. Она, в частности, была реализована в жанре «Этимологического словаря» Б.Ю. Нормана, в Послесловии к которому автор сформулировал 3 основных принципа таких игровых «этимологий»²: 1. Словообразовательная правдоподобность «этимологий» (типа *дантист* – исследователь творчества Данте)³; 2. Малознакомость

² Само слово *этимология*, намеренно трансформированное в *энтимология*, имеет целью показать «ненастоящность», условность установленного по случайному созвучию толкования, его шутливый характер. Этот «Этимологический словарь» изначально был опубликован в качестве юмористической рубрики «Литературной газеты».

³ Ср. словообразовательное тождество *дантист* (исследователь творчества Данте) и узувального *пушкинист* (исследователь творчества Пушкина).

толкуемого слова (типа *банкетка*, *дрожки*, *химера* и др.)⁴; 3. Опора на яркие семы, устойчивость (кучность) ассоциаций, связанных с предложенным словом [9, с. 208]. Подробнее о механизмах намеренно ложной этимологизации см.: [2; 3; 4; 5; 6; 7])⁵; ср. также анализ примеров из телешоу «Смак» в: [1, с. 156-159].

Приведем примеры подобных «этимологий» в субжанре предрекламных анонсов телешоу «Смак» с некоторыми комментариями, касающимися их потенциальной интерпретации (с учетом адресации носителю обыденного языкового сознания).

В качестве стимульных слов для толкования в данном случае выступают реальные названия разных национальных блюд (причем привязка к национальной кухне, которую предлагает ведущий, сама по себе является произвольной и нередко откровенно парадоксальной, однако ссылки на источник шутивного перевода наполняют толкования разного рода импликатурами – этносоциокультурным и политическим подтекстом). «Ассоциативная выводимость» и «ассоциативная провокация» являются основой моделирования игрем в данном субжанре. Вместе с тем дешифровка ассоциативного контекста создает и эффект, определяемый принципами «ассоциативного наложения», и «ассоциативной идентификации», и «имитации».⁶

Часто И. Ургант эксплуатирует переключение кулинарного кода, применяя название к характеристике человека или каким-

⁴ В выборе слов для толкования проявляется принцип «ассоциативной провокации» [7], нарушение прогноза, соответственно эффект языковой игры строится, с одной стороны, на опрокидывании ожиданий (парадоксальном толковании знакомого слова), с другой стороны, на обыгрывании экзотичного (незнакомого слова), значение которого в игровом плане отождествляется с чем-то совершенно обычным (что тоже создает эффект неожиданности). Ср.: *модуль* – франт, *капелла* – пипетка (примеры Б.Ю. Нормана).

⁵ Чем глубже ассоциативный контекст слова-игремы, спровоцированный его произвольной мотивацией, тем большее удовольствие получает адресат от самого процесса и результата ее декодирования [8].

⁶ Все перечисленные принципы языковой игры выделены Т.А. Гридиной в рамках ассоциативной концепции языковой игры, где данный феномен рассматривается как особая форма лингвокреативного мышления (стратегия актуализации и ломки, переключения ассоциативных стереотипов восприятия, употребления, порождения вербальных знаков) [7].

то ситуациям межличностного взаимодействия и представляя содержание толкуемого слова в виде чьей-либо реплики, причем адресат сам должен вывести основания для такой интерпретации. Например: *После рекламы Вы узнаете, что брауни (в переводе с армянского) означает – мама, папа, не пугайтесь, просто в солярии заклинило дверь*. Ср. *брауни* – шоколадное пирожное (от англ. brown – «коричневый»). Комический эффект, предполагаемый восприятием шутового анонса, достигается только в том случае, если адресату известно значение стимула или он, понимая условность мотивации, «считывает» логику шутового толкования. В предложенном толковании признак «пирожное **темно-коричневого** цвета» актуализирован применительно к характеристике ребенка, который застрял в солярии и «перезагорел» до неузнаваемости. Этимологическая привязка *в переводе с армянского* отсылает адресата к образу смуглого армянского мальчика. Не исключено и ложноэтимологическое сближение *брауни* с созвучным *брань* (ср. «не пугайтесь», в устах ребенка «не ругайтесь»).

Профитроль (*в переводе с армянского*) означает: *мой дедушка играл в массовке в фильме «Хоббит»*. Профитроль – пирожное из заварного теста с кремом (ср. фр. profiterole, profit – «выгода, польза»; во Франции изначально этим словом называли небольшое денежное вознаграждение). Комический эффект достигается путем омофонического переразложения слова: выделение сегментов *профи* (ср. *профи* – профессионал) и *троль* (один из многочисленных героев фэнтези «Хоббит»). Таким образом, моделируется следующий смысл: дедушка – актер массовки, сыгравший роль безымянного тролля в известном фильме «Хоббит» (в качестве имплицатуры выступает ироническая дискредитация «значимости» сыгранной дедушкой роли).

Маффин (*в переводе с армянского*) означает – *знали бы вы, какие у Гургена Самвеловича связи в налоговой*. Реальное значение слова *маффин* – сладкая выпечка с начинкой (ср. нем. Muffen – «пирожок»). Комический эффект достигается путем ложноэтимологического сближения *маффин* с *мафия* и *финансы* (по фонетическому сходству, наличию в звуковом составе ассоциатов общего сегмента *фин*), ср. *фининспекция* как синоним к

налоговая инспекция. Этимологическая ссылка *перевод с армянского* содержит намек на успешность предпринимательской деятельности армян в разных сферах (в том числе в кулинарной).

Мусака (*в переводе с греческого*) означает – *передайте бабушке, чтобы брилась быстрее.* Реальное значение слова – «блюдо из баклажанов» (ср. араб. *musaqqa* – «охлажденный»). *Перевод с греческого* – ложный ориентир, маркирующий шуточный характер предлагаемой этимологии. Комический эффект достигается сближением *мусака* с мотиватором *ус*. Фонетический код языковой игры (установление значения слова на основе случайного созвучия) становится стимулом для развертывания ассоциативной цепочки по принципу ассоциативной провокации: *усы – бриться* (ср. выражение *сбрить усы*) – *бабушка*. Последний ассоциат заключает в себе парадокс, т. к. процесс бриться соотносится с характеристикой не мужчины, а женщины: *усы бреет бабушка*. Визуальный образ усатой бабушки ассоциативно связан с этническим (чаще свойственным представлением о внешности старой женщины у южных народов) стереотипом.

Зраза (*в переводе с чешского*) означает – *моментальная фотография.* Зразы (сразы) – «кушанье, фаршированная капуста» (заимств. из польск.). Комический эффект достигается намеренным ассоциативным отождествлением (подменой) парономазов *зраза* и *сразу*: моментальная фотография – буквально «та, которую получаешь сразу же после съемки» (или «с одного раза»).

Мюсли (*в переводе с чешского*) означает – *я знаю, что ты обо мне думаешь.* Мюсли – еда из злаков, фруктов и орехов (ср. нем. *Mus* – «каша, пюре»). Комический эффект достигается путем сближения парономазов *мюсли* и *мысли*. Реплика содержит импликацию «плохие мысли», вызывая визуальный образ мимического движения, связанного с пережевыванием пищи (ср. гримасу пренебрежения).

Безе (*в переводе с литовского*) означает – *только без рук.* Безе – пирожное (от франц. *baiser* – «поцелуй»). Комический эффект достигается ложноэтимологическим сближением *безе* с приставкой *без*. Учитывая исходную этимологию слова, можно также предположить наличие следующих смыслов: «можете поцеловать меня, но только без рук», «целуйте, но не давайте волю

рукам» и т.п. Ср. также выражение *распускать руки* (вести себя развязно, бесцеремонно, агрессивно). *Перевод с литовского* может иметь в современной ситуации и политический подтекст, намек на отмежевание Литвы от России.

Чеснок (в переводе с литовского) означает – детектор лжи. Чеснок – растение, которое употребляется в качестве приправы к пище. Комический эффект достигается путем ложной мотивации слова *чеснок* созвучным прилагательным *честный*. Ср. разг.-жарг. наречие *по чесноку*, т.е. «честно, ничего не скрывая». Ссылка на *перевод с литовского*, возможно, содержит политическую импликацию, связанную с напряженными отношениями между Литвой и Россией.

Пудинг (в переводе с литовского) означает – Инга, зая, весы просто сломались, не расстраивайся. Пудинг – английский десерт с фруктами (ср. англ. pudding – «набухать»). Комический эффект достигается путем омофонического переразложения *пудинг* на сегменты *пуд* (единица массы) и *Инга* (женское имя, ассоциированное с «инговым» окончанием толкуемого слова). Принцип ассоциативной выводимости, поддержанный ссылкой на *перевод с литовского*, содержит импликации: «литовские женщины – довольно крупные», а «пудинг – калорийный продукт, от которого поправляются»), хотя, конечно, ради утешения можно списать лишний вес на сломанные весы.

Инжир (в переводе с литовского) означает – после той физиотерапии в Клайпеде я прибавил два килограмма. Ср.: инжир – «винные ягоды, фиги (из тур. inžir)». Комический эффект достигается ассоциативной выводимостью значения *инжир* через ложный мотиватор *жир* (в ситуативном значении «лишние килограммы»). Включение в шутовое толкование названия *Клайпеда* (морской курорт в Литве) создает следующий смысл: человек позволил себе расслабиться на курорте и в итоге набрал несколько лишних килограммов. Жалобы на физиотерапию воспринимаются иронически. В *перевод с литовского* отсылает к названию упоминаемого популярного места отдыха.

Песто (в переводе с румынского) означает – финансовый кризис. Песто – соус итальянской кухни (от итал. pestare – «толочь, молоть, размельчать»). Комический эффект достигается

сближением паронимов *песто* и *пусто* (последнее ситуативно употребляется в значении «финансовый кризис», отсутствие денег). В данной шутке (при считывании этимологической ссылки) содержится намек на действительно плачевное финансовое положение Румынии.

Чернослив (в переводе с румынского) означает – двойная бухгалтерия. Комический эффект толкования достигается намеренно парадоксальной ремотивацией слова *чернослив* «сушеная черная слива»: сближением с *черный* в значении «скрываемый незаконный доход» (ср. черная бухгалтерия) и *сливать* (в значении «скрывать прибыль от налогообложения», подменяя компрометирующие документы подложными). Этимологическая ссылка является абсолютно произвольной, но выбор источника связан, возможно, с намеком на импорт сушеных фруктов из Румынии в Россию по завышенной стоимости.

Блинчик (в переводе с белорусского) означает – детский разряд по тяжелой атлетике. Блин – лепешка из жидкого теста (от прасл. *млинъ*, родственного *молоть*). Отсылка к переводу с белорусского намекает на кулинарные «пристрастия» славян (в данном случае любовь к блинам белорусов). Вообще испечь блин – это особое искусство, требующее ловкости (ср. выражение *первый блин комом*). Комический эффект достигается обыгрыванием прямого и переносного значений существительного *блинчик* (блин для штанги – спортивный снаряд для взрослых и меньший по весу – детский блинчик). В предложенном толковании содержится импликатура: чтобы стать сильным, как взрослые тяжелоатлеты, ребенку нужно много блинчиков поднять и много «блинчиков съесть» (ср. выражение *мало каши съел* – о том, у кого недостает физической силы – обычно о ребенке). Ассоциативно всплывает и ситуация любимой детьми игры в блинчики – бросание камешков в воду, от которых по воде расходятся круги. Выигрывает тот, у кого получилось больше блинчиков. Принцип ассоциативного наложения потенциальных значений слова создает основу моделирования данной игры, ее «неоднородное» прочтение при декодировании.

Личи (в переводе с белорусского) означает – господин президент, давайте сделаем групповое селфи. Личи – экзотический

фрукт. Комический эффект достигается ложноэтимологическим сближением *личи* с *лицо* (на групповом снимке, ср. также *личность*). Обигрывается актуальная для современности форма фотографировать самих себя (делать селфи), к которой в последнее время присоединились даже политические деятели. Ссылка *перевод с белорусского* намекает на публичность политической деятельности президента Лукашенко.

Прошутто (в переводе с белорусского) означает – на звание народного артиста Белоруссии я выдвигаю собственную кандидатуру. Прошутто – итальянская сухая ветчина (от итал. *prosciutto* – «окорок»). Ложноэтимологическая идентификация с глагольной словоформой *прошу* получает комическую ситуативную привязку – самовыдвижение актера на звание народного артиста Белоруссии (очевидно без всяких на то оснований). Ср. также фонетическое сходство ассоциатов *прошутто* и *шутка* (Ургант – шутник, юморист – вряд ли может «пройти мимо» такого явного созвучия). Отсылка к *переводу с белорусского* содержит намек на кулинарные предпочтения белорусов (простую здоровую и сытную пищу, любовь к мясу, в частности копченой свинине). Естественно, этот смысл считается только при знании реального значения слова. Если же не принимать во внимание эту «кулинарную» семантику, то может срабатывать эффект игровой имитации произнесения слова (просьбы) якобы по-итальянски.

Каперс (в переводе с белорусского) означает Люб, дай пару капель. Каперсы используются в качестве пряной приправы к пище. В создании игремы реализован принцип ассоциативной выводимости – ложноэтимологического сближения *каперс* с мотиваторами *капля*, *капать*. Данное толкование отсылает к фразе «выпить по пять капель». Имя Люба в предложенном шутовском толковании употреблено Ургантом не случайно, в связи с тем, что гостьей программы была в тот момент тогда Любовь Успенская. Примечание в переводе с белорусского «апеллирует» к этническим стереотипам (обычаю «выпивать рюмочку, стопочку» за обедом», принятому у русских, украинцев, белорусов).

Лепёшка (в переводе с болгарского) означает – мастерская скульптора. Лепешка – мучное изделие (от праслав. *lěpiti* – «ле-

пить»). Парадоксальной мотивация слова (по принципу ассоциативной выводимости) перекликается с этимоном *лепить*, но в значении «лепить скульптуры». Идиоматичность словообразовательной структуры слова *лепешка* допускает его потенциальное толкование в значении «скульптор» и метонимически «мас-терская скульптора». В приведенном шутиливом толковании проявляются также оценочные коннотации мотиватора *лепить*: «делать что-то грубо, небрежно», «тяп-ляп». Ср. также выражение *разбиться в лепешку* (трудиться в поте лица для достижения желаемого результата) как потенциальный ассоциат «пищевой» тематики, применимый к ситуации работы скульптора в переносном и прямом смысле (ср. возможность случайно или намеренно разбить слепленную скульптуру). Заметим, что эти потенциально выводимые смыслы требуют углубленной рефлексии над ассоциативным контекстом игры.

Фейхоа (в переводе с болгарского) означает – мальчик вырос и уехал в Россию работать певцом. Фейхоа – экзотический фрукт, названный по имени бразильского ботаника Жуана да Силвы Фейжо). Комический эффект достигается псевдоссылкой на перевод с болгарского, что дает основание дешифровать характеристику певца как относящуюся к Филиппу Киркорову, который для российской публики является неким «экзотическим фруктом» (певец обладает яркой внешностью и экстравагантной манерой одеваться).

Мучица (в переводе с сербского) означает – в молодости дедушка был сердцеедом. Мучица – производное от мука (ср. праслав. *moka – «мять, «месить», «давить» «мучить»; родственно мѹка). Комический эффект достигается намеренным сближением омофонов (с различным ударением) мучица (уменьш. от мука) и мучиться (в ситуативном значении «испытывать муки любви»). Дедушка был сердцеедом, т.е. заставлял девушек мучиться, разбивал им сердца. Шутиливое толкование перекликается с исходной этимологией стимула (получение муки требует усилий, этот труд – мука). Ср. переносный смысл выражения «перемелется – мука будет» (трудности, в том числе сердечные переживания, заканчиваясь на определенном этапе, дают чело-

веку ценный опыт). Ссылка на сербское происхождение слова также паронимастически отсылает к ассоциату *сердце*.

Горгондзола (в переводе с чешского) означает – мать жены. Горгондзола – итальянский сыр с плесенью (от итал. Gorgonzola, названия небольшого городка близ Милана). Комический эффект достигается ложноэтимологическим сближением *горгондзола* со словоформой прилагательного *злой* (ср. краткую форму *зол*) и *Горгона* (*Медуза*), один взгляд которой (согласно греческой мифологии) заставлял людей каменеть ужаса. Импликатура («теща – страшное зло» для зятя) актуализирует распространенный социальный стереотип. Ср. многочисленные анекдоты про тещу (не только у русских, но и у других славян). В данном случае использован прецедентный ассоциат.

Отруби – это то, что сказал Робеспьер палачу. Отруби – продукт питания из зерновых культур, буквально «то, что сбито с зерна». Ассоциативная идентификация омографов «óтруби» и «отрубí» создает комический эффект. В шутовском толковании «актуализирован» исторический прецедент: Робеспьер – французский революционер, который был казнен на гильотине. Парадокс предъявленной реплики, якобы принадлежащей Робеспьеру, который сам отдает приказание палачу отрубить ему голову, «выворачивает» ситуацию наизнанку, что является свойственной Урганту игрой «на грани фола» (насмешкой над тем, что осмеяния «не допускает»).

Казан (в переводе с грузинского) означает – столица Татарстана. Казан – котел для приготовления пищи (из тур. kazan – «котел»). Ассоциативная идентификация паронимазов *казан* и *Казань* (столица Татарстана) подкрепляется имитацией грузинского акцента при произнесении слов, оканчивающихся на мягкий согласный (ср. фрагмент анекдота: Урок русского языка в одной из кавказских школ. Учитель: - *В русский язык слова сол, мол и бол пишуца с мягкий знак*). Намек на эту имитацию содержит «этимологическая» ссылка «перевод с грузинского». В то же время приготовление пищи в казане принято в Татарстане (отсюда ситуативная национально-культурная выводимость ассоциации *казан* с *Казань*).

Папайа (в переводе с грузинского) означает – отец народов. Папайа – экзотический фрукт. Комический эффект достигается путем омофонического переразложения существительного «папайа» на сегменты *papa* (отец) и [йа] (такова, в частности, письменная и устная передача «я» в «олбанском» языке, ср. *выпей йаду, йа креведко*). В данном шутовском толковании, безусловно, намек на личность И.В. Сталина (ср. выражение «Сталин – отец народов», а также указание на перевод с грузинского). Ассоциативное отождествление и ассоциативная выводимость создают контекст данной игры.

Рагу (в переводе с грузинского) означает – такое мог извлекать только Зураб. Рагу – блюдо из тушёного мяса, рыбы, овощей (из франц. *ragoût* от *ragoûter* – «вызывать аппетит»). Комический эффект считается в свете существующих суждений о творчестве грузинского скульптора Зураба Церетели (многочисленные произведения которого, заполонившие столицу, по мнению некоторых искусствоведов, страдают эклектичностью, стилевой неоднородностью). В данном шутовском толковании слова *рагу* и *Зураб* сближаются и по фонетическому сходству (на основе общего сегмента «ра»). Ссылка на перевод с грузинского в данном случае вполне оправданна в плане дешифровки игры.

Сангрия (в переводе с молдавского) означает – санитарный день. Сангрия – испанский напиток на основе вина с добавлением фруктов и ягод (от испанского *sangre* – «кровь»). Ложноэтимологическое сближение с *санитарный* (в значении «день, когда магазин, очевидно винный, закрыт для проведения санитарных работ») в данном случае (со ссылкой на перевод с молдавского) содержит импликацию (магазин не работает по причине того, что продавцы не смогли выйти на работу, выпив большое количество молдавского вина). Здесь также актуализирован этнический стереотип: молдаване предпочитают сухое местное вино, которое они пьют и за обычным обедом и ужином, и за праздничным столом.

Перепёлка – в переводе с молдавского означает – бабушка перебрала. Перепел – небольшая птица (от общеслав. *perpelъ*, которое рассматривают отчасти как подражание крику птицы, отчасти – как передачу шума при ее взлете). Комический эффект достигается путем ложноэтимологического сближения *перепел*

ка и *перепить* «перебрать алкоголя». В опоре на данную ситуацию всплывает и ассоциация с *петь* (ср. намек на традицию – в данном случае молдаван – петь застольные песни, особенно в нетрезвом состоянии).

Темпура (в переводе с молдавского) означает – *Зина, двигайся быстрее, все-таки это диско*. Темпура – блюдо японской кухни (ср. порт. Tempora «время особых дней поста»). Толкование слова через мотиватор *тем* создает условие его шутивого использования в качестве побуждения к быстрому движению. Ср. выражение *двигаться в темпе* – быстро и энергично. Ссылка на *перевод с молдавского* содержит намек на темперамент молдаван, в частности проявляющийся в их зажигательных танцах (в противоположность спокойному, сдержанному темпераменту японцев). Сама фонетическая оболочка слова *темпура* ассоциативно уподобляется в контексте языковой игры фамилии известной молдавской певицы Софии Ротару.

Сырники (в переводе с польского) означает – *молодые артисты балета*. Сырники – лепешки из творога, творожники (слово заимствовано из укр., где оно является суф. производным от сир – «творог»). Комический эффект достигается сближением *сырник* с *сырой* в значении «молодой», «неопытный». Суффикс *-ник* в структуре данной словообразовательной модели актуализирует потенциальное значение «лицо, характеризующее обозначенным в производящей основе признаком» (буквально: артист балета, из которого еще предстоит «слепить» настоящего мастера). В *перевод с польского* – возможно, намек на отношение поляков к украинцам и украинской кухне.

Гренки (в переводе с польского) означает – *перед выступлением мэтров эстрады работают победители конкурса молодых талантов*. Гренки – поджаренные кусочки хлеба (суф. производное от *грать*). Комический эффект достигается путем парадоксальной мотивации слова. Перед выступлением мэтров эстрады работают молодые исполнители, как говорится, «на разогреве». Таким образом, исходная этимология слова перекликается с шутивым толкованием (при актуализации переносного значения слова-мотиватора).

Сальник (в переводе с польского) означает – дедушка любит неприличные анекдоты. Сальник – богатый жировыми отложениями участок брюшной полости. Комический эффект достигается ассоциативной выводимостью значения слова *сальник* через отсылку не к мотиватору *сало*, а к прилагательному *сальный* в значении «непристойный», «неприличный» (ср. выражение *сальный анекдот*). В создании игры использован словообразовательный потенциал существительных с суффиксом *-ник* (ср. *шутник*).

Брюссельская капуста – это бюджет Евросоюза. Брюссельская капуста – вид капусты, который был выведен в Брюсселе. Комический эффект создается по принципу ассоциативного наложения прямого и переносного значений слова капуста. Ср. *капуста* в сленговом значении «деньги» (бюджет) с намеком на то, что Брюссель является «денежным мешком», ведающим распределением бюджета для всего Евросоюза.

Тартар (в переводе с карельского) означает – лодочный мотор. Тартар – французский соус (от франц. *tartare* – «потатарски»). Комический эффект достигается путем обыгрывания существительного *тартар* как подражания звукам лодочного мотора. Имитационный принцип языковой игры создает переключение «пищевой» тематики в русло «транспорт» (соус – жидкая приправа к пище – лодочный мотор). Перевод с карельского поддерживает ложную этимологию (ср.: Карелия – страна озер).

Тортилья (в переводе с итальянского) означает – а нет ли у вас черепашки. Тортилья – лепёшка со специями (ср. исп. *tortilla* – «круглая лепёшка»). Комический эффект достигается путем сближения паронимов *тортилья* и *Тортилла* (прецедентным именем черепахи из сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино»). Этимологическая «справка» имеет реальную привязку, указывающую на «происхождение» названия блюда итальянской кухни.

Подытоживая сказанное, отметим, что основой субжанра «шутливый предрекламный анонс» в кулинарном телешоу Иваном Ургантом «Смак», выступает парадоксальная мотивация слова (прежде всего – намеренно ложная этимологизация). Механизм игровой трансформации заключается в «замещении кулинарной семантики» названия другим предметным кодом (припи-

сывании слову нового, неожиданного смысла другой предметной сферы). Интерес представляет сам процесс выведения игровых смыслов, считывание которых требует от адресата быстрой реакции и ассоциативной гибкости (способности переключиться вслед за автором шутливой реплики на новый ассоциативный регистр восприятия слова, наведенный соответствующим мотиватором). В качестве стимулов (прототипов игрем) выступают названия блюд, каких-либо ингредиентов пищи, посуды для приготовления пищи и т.п., шутливое толкование является намеренно отдаленным, не сразу угадываемым. Заметим, что глубина дешифровки многослойного ассоциативного контекста игрем разная, хотя сам по себе такой контекст создает поле для рефлексии, требуя от адресата телешоу известных лингвокреативных усилий.

Среди предлагаемых телеведущим игровых предрекламных анонсов есть как легко дешифруемые реплики, «шутки ради шутки», так и злободневные, отягощенные глубинным смыслом (содержащие разного рода импликатуры). В целом игровой дискурс телешоу «Смак» характеризуется ориентацией на зрителей разных возрастов. Одним из популярных векторов парадоксальной интерпретации названий блюд выступает семантика родства (мама и папа, бабушка и дедушка, а также теща и свекровь – постоянные «субъекты» и объекты» шутливых высказываний). Некоторые стимулы (названия блюд, продуктов) повторяются в эфирах телешоу неоднократно (ср. *каперсы, инжир, трубы*), но с различными вариантами шутливого толкования. Это иллюстрирует ориентацию автора толкований на создание целых серий кулинарных «энтимологий».

Особый компонент представленных шутливых анонсов представляет отсылка к языку перевода, которая, как правило, содержит в себе разные импликатуры: подчеркивает национальные кулинарные приоритеты, актуализирует этнокультурные стереотипы восприятия темперамента, речи, обычаев, сферы профессиональной деятельности представителей разных народов; обыгрывает соотношение реальной и ложной этимологии слов-стимулов и созданных на их основе игрем. Нередко такие ссылки имплицитно злободневный политический подтекст. Во всех случаях в

основе предлагаемых шуток Ивана Урганта лежит остроумная языковая игра, даже если она на грани фола, что также определяет игровой стилистический регистр данного шоумена.

Рассмотренные игровые анонсы (парадоксальные толкования названий блюд) в телешоу «Смак» имеют не только развлекательную функцию, но организуют особый регистр интерактивной коммуникации: это предъявление игрем, которые должен считать адресат в режиме живого общения путем самостоятельного вывода их смысла и сопутствующих импликатур.

Литература

1. *Вепрева И.Т.* Языковые игры на метаязыковом поле: о нарочито ложной этимологии слов // Лингвистика креатива-3/ Под общей редакцией проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – С. 149-161.

2. *Гридина Т.А.* Проблемы изучения народной этимологии: пособие к спецкурсу. – Свердловск: СГПИ, 1989. – 72 с.

3. *Гридина Т.А.* О характере смысловых ассоциаций в процессе народной этимологии // Этимологические исследования: сб. науч. трудов. – Свердловск, 1984. – Вып. 3. – С. 141-154

4. *Гридина Т.А.* Народная этимология и языковое творчество ребенка // Педагогическое образование. – 2012. – №11. – С. 21-23.

5. *Гридина Т.А., Ченьковский В.* Теория народной этимологии // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2004. – № 2. – С. 223-249.

6. *Гридина Т.А.* Мотивационная рефлексия в детской речи: лингвокогнитивный аспект // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2004. – № 2. – С. 19-32.

7. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996. – 215 с.

8. *Гридина Т.А.* Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности // Проблемы отнolingвистики:

механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции – 2015: Материалы международной конференции. – СПб., 2015. – С. 47-51.

9. *Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. – Минск: Вышэйшая школа, 1987. – 222 с.

©Гридина Т.А., 2016

©Нифонтова А.В., 2016

УДК 811.111:39
ББК Ш143.21-006.3

Е.В. Ермолова
Екатеринбург

**Лингвокультурный типаж «ученик»
в английской культуре**

Аннотация: В статье рассматривается проблема закреплённости лингвокультурного типажа «ученик» в английской культуре. Номинация «ученик» используется нами как обобщение рассматриваемых типажей, а именно – «A-student», «B-student», «C-student», «D-student», «E-student», «F-student». Номинация «ученик» используется как обобщённая по отношению к анализируемым типажам. Также приводится фрагмент ассоциативного эксперимента. Цель эксперимента заключается в выявлении ассоциативного потенциала изучаемого типажа. В опросе приняли участие 25 англоязычных информантов в возрасте от 15 до 40 лет. Основным видом опроса являлось электронное анкетирование с вопросами открытого типа. Испытуемым предъявлялся список слов-стимулов и предлагалось написать пять-семь первых приходящих ему в голову слов.

Ключевые слова: английская культура; лингвокультурный типаж; ученик; ассоциативный эксперимент.

Сведения об авторе:

Ермолова Екатерина Владимировна, студент 3 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; kat-ermolo@yandex.ru.

E.V. Ermolova
Yekaterinburg

Linguocultural type of «pupil» in the English culture

Abstract: This paper examines the problem of fixedness of a linguocultural type «pupil» in the English culture. The category «pupil» is used by us as generalization of the considered types – «A-

student», «B-student», «C-student», «D-student», «E-student», «F-student».

It shows the fragment of associative experiment. The purpose of this experiment is identification of associative potential of the studied type. 25 English-speaking informants aged from 15 till 40 years took part in poll. Main type of poll was electronic questioning with questions of open type. The list of words-incentives was shown to examinees. Respondents had to write five-seven first the words coming to its mind.

Key words: English culture; linguocultural type; pupil; associative experiment.

About the author:

Ermolova Ekaterina Vladimirovna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Актуальность исследования обусловлена стремлением оптимизации понимания специфики культурных особенностей носителей английского сознания. Обобщенные типы личностей в рамках определенной лингвокультуры и определенного общественного института (образование) воплощают в себе важную информацию о реальных коммуникативных и поведенческих нормах рассматриваемой культуры, что способствует пониманию культурных доминант поведения; учет этих доминант, в свою очередь, способствует оптимизации межкультурной коммуникации (см., например: [1; 2; 3; 4]).

Для выявления ассоциативных признаков лингвокультурных типажей нами использован метод психолингвистического эксперимента. В опросе приняли участие 25 англоязычных информантов в возрасте от 15 до 40 лет.

Испытуемым предъявлялся список слов-стимулов и предлагалось написать 5-7 первых ассоциаций на предложенные слова.

Обратимся к анализу ассоциативного эксперимента типажа «F-student». Всего, при анализе эксперимента было получено 75 ассоциаций. Нами были выделены следующие ассоциативные зоны:

1. Ядро – *stupid* (тупой), *silly* (глупый), *dumb* (безмозглый);

Каждое из данных прилагательных характеризует умственные способности ученика. Синонимичной при их переводе на

русский язык является сема, обозначающая их умственную ограниченность – *глупый*.

2. Зона ближней периферии – *lazy* (ленивый), *disorganized* (неорганизованный), *impassive* (равнодушный, безучастный), *remiss* (невнимательный, небрежный).

3. Зона дальней периферии – *troublemaker* (смутьян), *firebrand* (подстрекатель, зачинщик), *precarious* (ненадежный, сомнительный).

При анализе ответов ассоциативного эксперимента нами были выделены парадигматические, синтагматические и тематические ассоциации.

Парадигматические ассоциации были разделены на три вида:

1) координации: *lazy* (лентяй), *troublemaker* (смутьян), *firebrand* (подстрекатель, зачинщик);

2) субординации: *bad* (плохо), *failing* (неудача, провал);

3) суперординации: *student* (ученик) или *pupil* (школьник).

К синтагматическим были отнесены следующие ассоциации: *carefree* (легкомысленный), *not focus* (не сосредотачивается), *with problems* (с проблемами), *wobbler* (ненадежный).

Для анализа тематики ассоциаций мы использовали метод членения на тематические группы. В качестве исходных групп нами взяты характеристики, выявленные в ходе первого этапа эксперимента. Ассоциации трех основных зон распределены по пяти группам:

1. Сфера деятельности – *school* (школа), *student* (ученик), *pupil* (школьник);

2. Оценка деятельности – *bad* (плохо), *failing* (неудача, провал);

3. Коммуникативное поведение – *disrespectful* (непочтительный), *troublemaker* (нарушитель спокойствия);

4. Мировосприятие, характер – *lazy* (ленивый), *silly* (глупый), *careless* (небрежный), *disorganized* (неорганизованный);

5. Оценка и восприятие – *irresponsible* (безответственный), *stupid* (тупой), *uncertain* (ненадежный), *indifferent* (незаинтересованный).

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента позволил представить структуру ассоциативного поля кон-

цепта «F-student» и доказать, что значительное место принадлежит характеристикам из двух последних групп.

При анализе ассоциативного эксперимента концепта «E-student» было получено 70 ассоциаций, и выделены следующие ассоциативные зоны:

1. Ядро – *lazy* (лень), *school* (школа), *student* (ученик), *pupil* (школьник);

2. Зона ближней периферии – *carefree* (беззаботный), *disorganized* (неорганизованный);

3. Зона дальней периферии – *underachiever* (отстающий, неудачник), *unmotivated* (немотивированный), *procrastinator* (откладывание, отсрочка), *incapable* (неспособный, неумелый), *cheat* (жулик, мошенник, обманщик).

Нами выделены следующие парадигматические ассоциации:

1) координации: *underachiever* (отстающий, неудачник), *cheat* (жулик, мошенник, обманщик), *talker* (болтун);

2) субординации: – ;

3) суперординации: *student* (ученик) или *pupil* (школьник), *learner* (учащийся, ученик).

К синтагматическим ассоциациям мы отнесли: *hasn't luck* (не везет), *bad learner* (плохой ученик).

Тематически ассоциации были разделены следующим образом:

1. Сфера деятельности – *student* (ученик), *pupil* (школьник), *learner* (учащийся, ученик), *school* (школа);

2. Оценка деятельности – *laggard* (отстающий);

3. Коммуникативное поведение – *talker* (болтун);

4. Мировосприятие, характер – *lazy* (лень), *sly* (хитрый), *carefree* (беззаботный);

5. Оценка и восприятие – *underachiever* (отстающий, неудачник), *unmotivated* (немотивированный), *procrastinator* (откладывание, отсрочка) *incapable* (неспособный, неумелый), *disorganized* (неорганизованный).

Можем отметить, что основу ассоциативного поля «E-student» составляют характеристики оценки и восприятия, которые входят в зону ближней и дальней периферии.

По результатам ассоциативного эксперимента типажа «D-student» было выявлено 80 ассоциаций, которые были разделены на три ассоциативные зоны:

1. Ядро – *school* (школа), *student* (ученик), *pupil* (школьник), *unconcentrated* (несконцентрированный), *lazy* (лень);

2. Зона ближней периферии – *problems* (проблемы), *sociable* (общительный), *distracted* (рассеянный), *bad marks* (плохие оценки);

3. Зона дальней периферии – *selective* (избирательный), *underachiever* (отстающий), *poor* (слабый, недостаточный), *blushing* (краснеть).

Парадигматические ассоциации, выделенные в ходе анализа, были разделены на следующие группы:

1) координации: *outsider* (крайний, профан);

2) субординации: *bad marks* (плохие оценки), *mistakes* (ошибки);

3) суперординации: *student* (ученик) или *pupil* (школьник), *person* (человек).

Нами выявлены следующие синтагматические ассоциации: *struggling* (в бедственном положении), *blushing* (краснеющий), *unconcentrated* (несконцентрированный), *distracted* (рассеянный), *selective* (избирательный), *underachiever* (отстающий, неудачник).

Тематически ассоциации разделены на следующие группы:

1. Сфера деятельности – *student* (ученик) или *pupil* (школьник), *school* (школа);

2. Оценка деятельности – *bad marks* (плохие оценки), *low concentration* (низкий уровень внимания), *errors* (ошибки), *underachiever* (отстающий), *poor* (слабый, недостаточный);

3. Коммуникативное поведение – *sociable* (коммуникабельный);

4. Мировосприятие, характер – *distracted* (рассеянный), *unconcentrated* (несконцентрированный)

5. Оценка и восприятие – *under-achiever* (неудачник), *struggling* (в бедственном положении), *misery* (страдание, боль).

Можно сделать вывод о том, что самыми частотными ассоциациями при анализе типажа являются характеристики оценки деятельности.

По результатам ассоциативного эксперимента типажа «C-student» было выявлено 85 ассоциаций, которые были разделены на три ассоциативные зоны:

1. Ядро – *average* (средний), *medium* (средний), *forgetful* (забывчивый), *regular* (регулярный);

2. Зона ближней периферии – *ordinary* (обычный), *reasonable* (рациональный, рассудительный), *attending* (посещающий), *lazy* (ленивый);

3. Зона дальней периферии – *irresponsible* (безответственный), *mediocre* (посредственный), *relax* (отдохнуть), *chill* (холодный, бесчувственный), *disinterested* (равнодушный, безучастный), *evasive* (уклончивый).

Парадигматические ассоциации, полученные в ходе анализа, разделены на следующие группы:

1) координации: *average* (средний), *medium* (средний), *achiever* (успевающий);

2) субординации: *error* (ошибки);

3) суперординации: *student* (ученик), *pupil* (школьник).

Нами выявлены следующие синтагматические ассоциации: *forgetful* (забывчивый), *still smart* (все-таки умный), *ordinary* (обычный), *reasonable* (рациональный, рассудительный), *attending* (посещающий), *lazy* (ленивый), *irresponsible* (безответственный), *evasive* (уклончивый).

Тематически ассоциации разделены на следующие группы:

1. Сфера деятельности – *student* (ученик) или *pupil* (школьник), *school* (школа);

2. Оценка деятельности – *average student* (средний студент), *errors* (ошибки), *no achievement* (нет достижений), *attending* (посещающий), *evolving* (развивающийся);

3. Коммуникативное поведение – *has rich social life* (имеет насыщенную социальную жизнь),

4. Мировосприятие, характер – *disinterested* (бескорыстный), *forgetful* (забывчивый), *selective* (избирательный).

5. Оценка и восприятие – *irresponsible* (безответственный), *potential* (потенциал), *reasonable* (разумный).

Проанализировав полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что самыми частотными ассоциациями при анализе данного типажа являются характеристики оценки деятельности.

Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента типажа «B-student». Нами выявлены 87 ассоциаций и выделены следующие ассоциативные зоны:

1. Ядро – *smart* (умный), *organized* (организованный), *responsible* (ответственный);

2. Зона ближней периферии – *motivated* (мотивированный), *understanding* (понимание), *potential* (потенциал), *attention* (внимание), *thinking* (мышление), *clever* (умный);

3. Зона дальней периферии – *intelligence* (интеллект), *balanced* (уравновешанный), *capable* (дееспособный).

Парадигматические ассоциации:

1) координации: *smart* (умный), *achiever* (успевающий);

2) субординации: *few errors* (мало ошибок), *above average* (выше среднего);

3) суперординации: *student* (ученик).

К синтагматическим ассоциациям мы отнесли: *organized* (организованный), *focused* (сосредоточенный), *curious* (любопытный), *responsible* (ответственный), *motivated* (мотивированный), *interested* (заинтересованный).

Тематические ассоциации разделены на такие группы:

1. Сфера деятельности – *student* (ученик), *school* (школа);

2. Оценка деятельности – *work* (работа), *thinking* (мышление);

3. Коммуникативное поведение – *sociable* (общительный);

4. Мировосприятие, характер – *organized* (организованный), *focused* (сосредоточенный), *curious* (любопытный), *responsible* (ответственный), *keen* (сообразительный), *sociable* (общительный);

5. Оценка и восприятие – *motivated* (мотивированный), *potential* (потенциал), *smart* (умный).

Анализ показал, что в основе типажа лежат ассоциации из группы «мировосприятие, характер».

Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента типажа «А-student». Получив 90 ассоциаций, выделим следующие ассоциативные зоны:

1. Ядро – *smart* (умный), *good* (хороший), *bright* (смышсленный), *organized* (организованный), *intelligence* (интеллект);

2. Зона ближней периферии – *motivated* (мотивированный), *persistent* (настойчивый), *punctuality* (точность), *discipline* (дисциплина), *hardworking* (трудолюбивый);

3. Зона дальней периферии – *dedicated* (занимающийся), *passionate* (увлеченный), *obsessive* (одержимый), *excellence* (превосходство, безупречность), *serious* (серьезный).

Были выделены следующие парадигматические ассоциации:

1) координации: *smart* (умный), *bright* (смышсленный, способный), *hardworking* (трудолюбивый);

2) субординации: *works hard* (усердно работает), *good grades* (хорошие оценки), *no recreation* (нет отдыха);

3) суперординации: *student* (ученик).

К синтагматическим ассоциациям мы отнесли: ученик, старательный, активист, успешный, целеустремленный, опрятный.

Тематические ассоциации были разделены на такие группы:

1. Сфера деятельности – *student* (ученик), *studying* (изучающий, обучающийся);

2. Оценка деятельности – *good grades* (хорошие оценки), *no recreation* (нет отдыха);

3. Коммуникативное поведение – *liked by teachers* (любят учителя);

4. Мировосприятие, характер – *persistent* (настойчивый), *punctuality* (пунктуальность), *discipline* (дисциплинированность), *organized* (организованный);

5. Оценка и восприятие – *motivated* (мотивированный), *smart* (умный), *perfectionist* (перфекционист – человек, во всём стремящийся к совершенству), *bright* (смышсленный, способный).

Анализ ассоциаций показал, что в основе типажа лежат характеристики оценки восприятия и характера.

Таким образом, все реакции можно разделить на два типа: 1) реакции, отражающие понятийный компонент концепта; 2) реакции, отражающие эмоционально-оценочный компонент кон-

цепта, выражающие оценку отношения. Выявлено, что частота реакций второго типа выше реакций первого типа, однако зону ядра концептов составляют понятийные ассоциации, что может говорить о том, что первичная реакция информантов направлена на раскрытие понятийного аспекта слова-стимула. Кроме того, анализ реакций продемонстрировал: в большинстве всех исследуемых типажей в зону ядра включено понятие *школа*, а значит, рассматриваемые типажи ассоциируются со сферой деятельности и местом обучения.

Попыткой психологического анализа типажей является наличие в реакциях испытуемых оценки мировосприятия и характера.

В заключение отметим, что анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента позволил представить структуру ассоциативного поля концептов в сознании носителей английского языка и доказать, что значимое место в структуре концептов принадлежит ценностному (эмоционально-оценочному) компоненту.

Литература

1. *Васильева О.В.*, Ворошилова М.Б. Ассоциативные признаки лингвокультурного типажа «грузин» в русском языковом сознании // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: материалы междунар. научн. конф. Екатеринбург, 12-14 ноября 2007 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007 – С. 95-97.

2. *Дмитриева О.А.* Алгоритм описания лингвокультурного типажа // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. науч. ст. – Волгоград, 2007. – С. 22-25.

3. *Карасик В.И.* Языковые ключи: монография. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.

4. *Мурзинова И.А.* Лингвокультурный типаж "британская королева": дис ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 194 с.

©Ермолова Е.В., 2016

УДК 821.161.1-32(Матвеева А.)
ББК ШЗЗ(235.55)64-8,444

Е.В. Зорникова
Екатеринбург

Коннотативный фон поэтонимов, называющих главных героев в рассказе А. Матвеевой «На картине»

Аннотация: Статья посвящена анализу коннотаций, связанных с именованиями главных героев рассказа уральской писательницы А. Матвеевой «На картине» – Весноватова и Зои. Наиболее коннотативно нагруженным оказываются именования героя: в его имени и фамилии прослеживаются ассоциации с весной, нечистой силой, приземленностью, связью с Георгием Победоносцем. В результате именования главного героя достаточно подробно репрезентируют его роль в судьбе главной героини. Имя главной героини практически однозначно: оно означает «жизнь», и именно это этимологическое значение оказывается единственно важным – герой изменяет героиню и ее жизнь.

Ключевые слова: литературная ономастика, имя, именование, ономастическое пространство, коннотация, А. Матвеева.

Сведения об авторе:

Зорникова Елена Васильевна, студент 3 курса филологического факультета ИГНИ УрФУ (Екатеринбург).

Контакты: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; fasmer@yandex.ru.

E.V. Zornikova
Yekaterinburg

Connotative background of poetonyms calling the main characters in the story A. Matveeva "In the picture"

Abstract: This article is devoted to analysis of the connotative meanings associated with the naming of the main characters of the story of the Ural writer A. Matveeva "In the picture" – Viskovatov and Zoe. Most connotative is loaded naming of the hero, drawing a picture, "guessing" the content of dreams character: his name and surname can be traced association with spring, the evil spirit, earthi-

ness, a touch with St. George. The result of naming the main character in enough detail representerait its role in the fate of the protagonist. The name of the protagonist is almost unique: it means "life", and this etymological meaning is the only important hero cheating on the heroine and her life.

Key words: literary onomastics, name, naming, onomastic space, connotation, A. Matveeva.

About the author:

Zornikova Elena Vasiljevna, Student of Philological Faculty, Ural Federal University (Yekaterinburg).

Имя собственное – один из самых важных элементов художественного текста. В произведении оно выступает средством характеристики созданного образа. Писатель вкладывает в имя особый смысл, важный для дальнейшего продвижения сюжета, и оно становится одним из средств создания образа художественного текста в целом. В. И. Супрун отмечает: «В большинстве эпических и драматических художественных текстов ономастические единицы являются неотъемлемой частью речевой ткани, обеспечивают оптимальную передачу смысловых установок текста, взаимодействуя с другими компонентами, выступают в качестве смысловых вех смысловой структуры текста. Ономастичность – важный параметр текстуальности, необходимый фактор текстообразования» [8, с. 51]. За последнее время особенно усилился интерес к специфике ономастики разных родов литературы: эпического, драматического, лирического. Это связано с тем, что собственные имена в каждом художественном тексте имеют свою специфику. Подобно другим средствам языка, собственные имена, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в «сложной и глубокой образной перспективе-перспективе художественного целого» [3, с. 18–20].

Целью настоящей статьи является исследование коннотаций онимов, обозначающих главных героев в рассказе А. Матвеевой «На картине».

Интрига рассказа состоит во вторжении в жизнь главной героини Зои, живущей в рутинных обстоятельствах и тяготящейся

ими, нового лица – неизвестного художника, угадавшего в сюжете своей картины приснившийся Зое сон, привлечший тем самым ее внимание и в дальнейшем изменивший ее существование.

В ходе повествования используются различные номинации этого активного персонажа: *Весноватов* (26 употреблений), *Георгий Весноватов* (1), *Георгий Иванович* (3), *Георгий Иванович Весноватов* (1). Героиня Зоя обращается к Весноватому только по фамилии. Остальные персонажи чаще всего используют конструкцию «имя + отчество».

Оним *Весноватов* вводится еще до встречи героев: фамилией подписана картина неизвестного художника, которую находит Зоя в своем кабинете, придя на работу: *Вот почему я удивилась запакованной по всем правилам картине с незнакомой фамилией на обороте. Весноватов.*

Таким образом, первое впечатление о персонаже можно составить уже по его фамилии без описания облика. В литературном языке есть лексема *весноватый* ‘человек, имеющий веснушки’ [4, с. 143]. Фамилия образована при помощи суффикса -ов-, стандартного для русской языковой системы. Ассоциативно читатель ожидает увидеть героя с веснушками, что является вполне логичным: как носители языка, мы ощущаем связь между словами *весноватый* и *веснушки*. На то же указывает автор: *Весноватов... К такой фамилии требовались веснушки, но их не было.* И действительно, при дальнейшем описании оказывается, что веснушки отсутствуют.

При дальнейшем рассмотрении можно выявить скрытую семантику фамилии – связь со словом *весна*. В поэтической речи весна означает расцвет жизни, молодость, но и обновление. По сюжету произведения, именно Весноватов приносит обновление в жизнь Зои. Признавшись в усталости от постоянного лицемерия, именно Весноватову героиня раскрывается по-настоящему. Однако стоит учесть, что происходит это не по ее воле: художник – полумистический персонаж, способный читать мысли Зои. Отвечая на ее тайные помыслы, он не позволяет рутинному миру полностью захватить ее жизнь. Речь идет об эпизоде с продажей картины, на которой изображен ее сон.

– *Я готова купить вашу картину.*

— О, даже не знаю, что вам сказать, — откликается Весноватов. — Мы должны спросить Зою.

— Нет! — кричу я. — Ни за что!

Только представляю себе, как мои личные пеликан и черепаха будут висеть на стене в доме Конуры, — ни за что! Дом у нее, я уверена, весь белый, как платная больница.

— Зоя, что происходит? — это угрожающе шепчет Гера Борисовна.

— Зоя? — беспокоится Вась-Вась. У него почему-то кошелек в руке, и он, рыжий-бедный, так похож сейчас на Иуду. «Тайная вечеря» по-английски — «последний ужин». Какой примитивный язык!

Даже Венецианян безотрывно смотрит на меня сонными и надменными восточными глазами. Она похожа на верблюда! — наконец-то догадываюсь я.

— Точно! — говорит Весноватов. — Думаю, мне пора уходить.

— А как же картина?

Весноватов подходит к стене и снимает картину. Таким решительным движением — как, наверное, платья с любовниц. Смотрит на картину влюбленным взглядом, а потом вручает мне.

— Бери! Надо же тебе выяснить, зачем снится черепаха.

Мистическая роль персонажа также находит отображение в фамилии. В диалектных словарях фиксируются однокоренные лексемы, в которых есть семантика нечистой силы. Так, в Словаре русских народных говоров находим лексему *веснуха*. Слово имеет 10 значений: *Веснуха*, *и*, *ж*. 1. Веснушки. Пек. Пек., 1902—1904. Пек. «Веснушка». Слов. Акад. 1847 [с пометой «простонародное»]. = *Веснухи*, 2. Лихорадка. Волог., 1822. Арх.* Малярия. Метин. Новг., 1948. — Ср. Весновка (в 5-м знач.). 3. Туберкулез. 4. Желтуха. Белозер. Новг., 1898. 5. Ревматизм. Верхнеуд. Забайк., 1925. 6. Дьявол, ведьма. Заон. Олон., 1896. + Нечистая сила. Полев. Свердл., Глазырина, 1958. 7. Бранное слово. Олон., 1852. *Веснуха темная* — ругательное слово. Смол. 8. Шельма, плутовка. Петрозав. Олон., 1899. 9. Рожь весной, еще не выколосившаяся. Смол., 1914. 10. М. и ж. Человек с рыжими волосами. Алан., Полев. Свердл., 1964 [5, с. 187]. Как видим, из 10 значений 7 говорят о болезнях, нечистой силе или брани.

«Дьявольская сторона» веснухи указывается только в уральском регионе, в других диалектах она не зафиксирована.

О бесовской сущности Весноватова думает и сама Зоя, что только подтверждает наши умозаключения относительно близости его фамилии к Веснухе. Хотя в ее речи действует фонетический фактор: звуки *б* и *в* довольно близки в системе по месту образования. В тексте эта близость подчеркнута: *Бесноватый!* – думала я.

Таким образом, можно сделать вывод о соответствии онима *Весноватов* тому референту, с которым он связан автором. Нереальный персонаж, который неожиданно появился в обычно размеренной жизни Зои, способен читать ее мысли, рисует картины по ее снам.

Онимы *Георгий* и *Иванович* используются значительно реже, нежели фамилия персонажа. Оним *Георгий Иванович* используется четыре раза, в основном в официальной речи героев. Оним *Георгий Весноватов* употреблен один раз – при представлении Весноватова Зое. Однако и они несут свою смысловую нагрузку, из-за чего мы считаем уместным привести в данной работе их анализ.

Имя *Георгий* связано со святым Георгием Победоносцем. Согласно различным источникам Георгий родился в христианской семье. Когда начались гонения на христиан, он встал на их сторону, за что подвергся множественным пыткам, и после каждой его раны заживали чудесным образом. Такими чудесами он обратил в христианство множество язычников. В конце ему отрубили голову. С этой точки зрения связи имени Весноватова и его роли в тексте почти нет. Однако известно, что в фольклорном сознании *Георгий* обрел особое значение. Сосуществуют два образа святого: один из них приближен к церковному культу св. Георгия – змееборца и христороливого воина, другой, весьма отличный от первого, к культу скотовода и землепашца, хозяина земли, покровителя скота, открывающего весенние полевые работы [2]. О принадлежности имени именно к земледельчеству говорит сравнение Весноватова художников с холопами, которые в прежние времена работали на земле, руками, а не умствовали о высшем: *Строгая!* – восхищенно сказал художник. *Он сгреб свою бороду в кулак и, кажется, собирался засунуть ее в рот, но передумал. – Как с холопом! И то верно – нечего нас*

распускать, а то на шею сядут. Вон у вас на шее уже сидит парочка, видите?

Таким образом, именованная главного героя коннотативно весьма нагружена: они, с одной стороны, вызывают ассоциации с обновлением, освобождением (*Весноватов – весна, Георгий – Георгий Победоносец*), с другой – содержат намек на мистический характер появления героя в жизни героини (*Весноватов – бесноватый, веснуха*), наконец, с третьей – подчеркивают обычность, даже некоторую приземленность героя (*Георгий – землепашец, диалектные переключки с фамилией Весноватов*)

Имя главной героини – *Зоя* – упоминается в тексте всего 12 раз, что во многом объясняется ее функцией рассказчика, от лица которого ведется повествование. В произведении используется две номинации персонажа: *Зоя* (9 раз), *Зоенька* (2 раза). Таким образом, полная парадигма имени неразвита, в тексте присутствует только имя, которое дважды употребляется в ласкательной форме.

Зоя работает в галерее, как она сама признается, «галерной рабыней». У нее есть двенадцатилетняя дочь-бунтарка, сестра живет в Швейцарии. На момент действия рассказа ей предстоит открытие очередной выставки. В самом начале произведения героиня признается, что устала лицемерить. Попав в среду художников, она сама уже начинает думать картинами, инсталляциями: их она видит в повседневной жизни, картинами представляет свои сны. *Весноватов* при помощи своего дара возвращает Зою в реальную жизнь. Очевидно, не случайно героиня носит имя *Зоя* – от греч. *zōē* ‘жизнь’ [7, с. 290]. Так можно сложить следующий сюжет. Есть некая женщина, способная к настоящей жизни, но запертая в рамках условностей и правил ложных правителей мира. В определенный момент рядом с ней появляется человек, связанный с нечистой силой, и благодаря ему в глазах общества героиня совершает грехопадение. С любовью точки зрения произошел бунт. Для окружающих *Зоя* отказалась играть по общим правилам, для самой *Зои* произошло освобождение. Бунтом становится эпизод с продажей картины, который мы с полной уверенностью можем назвать кульминационным.

Становится понятна роль Весноватова в рассказе: автору понадобился мистический персонаж, чтобы вывести героиню из «нарисованной» жизни в настоящую, реальную. Как мы уже говорили выше, герой подвигнул Зою на бунт против устоявшегося вокруг нее мира, чем вызвал неудовольствие окружающих.

Таким образом, анализ имен главных героев рассказа А. Матвеевой позволяет глубже понять авторский замысел, уточнить характеристики персонажей.

Литература

1. *Матвеева А.А.* Подожди, я умру – и приду: рассказы. – М.: АСТ, 2013. – 316 с.
2. *Афанасьев А.Н.* Русский народ. Полная иллюстрированная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://bibliotekar.ru/rusAf/index.htm> (дата обращения: 06.08.2016).
3. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
4. *Словарь современного русского литературного языка.* В 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич – М.: Русский язык, 1991. – Т. 2.
5. *Словарь русских народных говоров* / АН СССР, Институт рус. яз.; Гл. ред. Ф. П. Филин – 4-е изд. – Л.: Наука., 1969. – Вып. 4.
6. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 272 с.
7. *Суперанская А.В.* Теория и методика ономастических исследований // Отв. ред. А. П. Непокупный. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
8. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

©Зорникова Е.В., 2016

УДК 811.161.1'23:811.161.1'373:336.71
ББК Ш141.12-324+Ш141.12-006+У262.10

Т.А. Зуева, Л.В. Пайвина
Екатеринбург

Банковская терминология в аспекте ее восприятия

Аннотация: В статье анализируются результаты направленного ассоциативного эксперимента, верифицирующего степень наличия в языковом сознании современных носителей языка банковской терминологии. Определяются факторы, влияющие на актуализацию данного вида терминов в языковом сознании респондентов. Обработка данных психолингвистического эксперимента позволяет к основным факторам, влияющим на степень владения современными носителями языка банковскими терминами, отнести наличие специального образования и частотность обращения клиента к конкретной банковской услуге.

Ключевые слова: банковская терминология, термин, психолингвистический эксперимент, языковое сознание.

Сведения об авторах:

Зуева Татьяна Алексеевна, кандидат филологических наук.

Место работы: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Должность: доцент кафедры общего языкознания и русского языка.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; zta51@yandex.ru.

Пайвина Лариса Витальевна, магистрант 2 года обучения Уральского педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; payvina.l@mail.ru

T.A. Zueva, L.V. Paivina
Yekaterinburg

Banking terminology in the aspect of its perception

Abstract: The article analyses the results of the directional psycholinguistic associative experiment, verifying the degree of existence in the linguistic consciousness of modern media language bank-

ing terminology. Factors that affect the actualization of this type of terms in the linguistic consciousness of the respondents are determined. Data processing psycholinguistic experiment allows the main factors affecting the degree of knowledge of modern native speakers of the language of banking terms, to include the provision of special education and the frequency of client calls to a specific banking service.

Key words: banking terminology, the term psycholinguistic experiment, linguistic consciousness.

About the authors:

Zueva Tatyana Alexeevna, Candidate of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Post: Assistant Professor of Commonl Linguistics and Russian Language Department.

Paivina Larisa Vitaljevna, Undergraduate of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В последние годы повышается интерес к изучению лексического состав языка в психолингвистическом аспекте, что во многом обусловлено общей антропоцентрической направленностью современных лингвистических исследований, акцентирующих свое внимание на отражение человеческого фактора в языке [1], [2].

Статья посвящена описанию одного из актуальных фрагментов современной языковой ситуации – банковской терминологии.

Обращение к специальной лексике банковского дела – одной из социально значимых и бурно развивающихся в настоящее время отраслей экономики, ее изучение в психолингвистическом аспекте может стать основой для разработки рекомендаций по практическому использованию данного вида терминов, в частности, в работе с клиентами, потребителями банковских услуг.

С **целью** выявления того, насколько продуктивно банковские термины представлены в языковом сознании современных носителей языка, нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент.

В эксперименте в качестве испытуемых выступили две группы студентов: студенты финансового колледжа, обучающиеся по специальности «Бухгалтерский учет», в количестве 16 человек, в возрасте от 16 до 18 лет, и студенты-филологи Уральского государственного педагогического университета в количестве 16 человек, в возрасте от 20 до 23 лет.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Вы принимаете участие в психолингвистическом эксперименте. Укажите пол и возраст. Вспомните и напишите известные вам банковские термины».

В ходе эксперимента была выдвинута следующая **гипотеза**: степень продуктивности владения банковскими терминами современными носителями языка зависит от ряда факторов: от наличия специального образования и от частотности обращения к конкретной банковской услуге.

Интерпретация полученных данных студентов, обучающихся в колледже по специальности «Бухгалтерский учет»

Состав полученных реакций, подвергнутых количественной обработке (с учетом повторяющихся реакций), позволил выявить ядерную и периферийные зоны ассоциативных полей.

Ядерные реакции: *кредит (15), банковская карта (12), безналичный расчет (11), валютный счет (11), кредитная история (10), ипотека (10), инкассация (8), депозит (8), кредитная карта (8), аудит (7)*.

Ближняя периферия: *физическое лицо (5), инвестиции (4), юридическое лицо (4), банкомат (4), вклад (4), ценные бумаги (5), дебет (4), процентная ставка (4)*.

Дальняя периферия: *коллекторы (3), кредитор (3), процентная ставка (3), банковский заем (3), курс валют (3), брокер (2), дебитор (2), заемщик (2), залог (2), расход (2), ссуда (2), налоги (2), капитализация процентов (2)*.

Крайняя периферия, единичные реакции: *золотые слитки, инкассаторы, рассрочка, банкротство, дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, бюджет, акция, вексель, капитал, заледная, лизинг, посредники, доллар, поручитель, курс валюты, банковская ячейка, банкир*.

Всего 50 реакций.

Интерпретация полученных данных студентов-филологов

Количественная обработка результатов эксперимента.

Ядерные реакции: *кредит (14), банкомат (11), ипотека (8), банковская карта (8)*.

Ближняя периферия: *валюта (5), банковский счет (4)*.

Дальняя периферия: *кредитная карта (2), курс (2), ценные бумаги (2)*.

Крайняя периферия, единичные реакции: *акция, банковский терминал, бартер, ваучер, дивиденды, девальвация, дефолт, кредитование, доллар, процентная ставка*.

Всего 22 реакции.

Психолингвистический эксперимент, проведенный с респондентами обеих групп (студентами, обучающимися в колледже по специальности «Бухгалтерский учет», и студентами-филологами), позволяет сделать следующие выводы:

1. Банковские термины достаточно продуктивно представлены в языковом сознании испытуемых (современных носителей языка).

2. Сопоставительный анализ ядерных и периферийных реакций испытуемых наглядно демонстрирует различную степень владения ими банковской терминологией.

Реакции студентов, имеющих специальное образование, отличаются не только количественным составом (50 реакций), но и носят более специализированный характер.

Так, в ядре и в зоне ближней и дальней периферии у респондентов этой группы нами были выявлены следующие банковские термины, достаточно ограниченные по сфере употребления: *депозит, кредитная история, дебет, аудит, лизинг, валютный счет, брокер, капитализация процентов, заемщик, дебиторская задолженность, вексель, залоговая*.

Данные реакции свидетельствуют о наличии у испытуемых специального уровня подготовки, профессиональных знаний в финансовой области.

Реакции студентов-филологов отражают в основном характер типовых повседневных банковских услуг, таких, как снятие денежных средств со счета или его пополнение, получение кредита от банка.

Не случайно в числе ядерных у студентов-филологов оказываются реакции: *кредит, банкомат, банковская карта, ипотека*.

Результаты эксперимента подтвердили выдвинутую в ходе его проведения гипотезу о том, что степень продуктивности владения банковскими терминами современными носителями языка зависит от ряда факторов: от наличия специального образования и от частотности обращения к конкретной банковской услуге.

Литература

1. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34 – 47.

2. Зуева Т.А., Воробьев А.М. Психолингвистический эксперимент как способ выявления эффективности ойконима // Филологический класс. – 2015. – № 1(39). – С. 33 – 37.

©Зуева Т.А., 2016

©Пайвина Л.В., 2016

УДК 811.161.1'42(091)
ББК Щ141.12-03+Ш141.12-51

Е.Н. Иванова, А.Д. Лапина

Екатеринбург

Стилистические особенности частных писем П.А. Демидова

Аннотация: Статья выполнена в русле актуальных историко-лингвистических исследований и посвящена рассмотрению частных писем конкретной исторической языковой личности XVIII века. Под частными письмами понимаются тексты, в которых затрагиваются личные темы, касающиеся адресанта и адресата. В статье предпринята попытка рассмотреть лексические и синтаксические средства, индивидуализирующие стиль писем П.А. Демидова. В плане лексических особенностей отмечается сосуществование генетически и функционально разнородных слов в одном тексте, иногда в одном предложении. С точки зрения синтаксических особенностей значимым является такой прием, как сравнение. В статье анализируются источники прецедентных текстов адресанта, именно: фольклорные и религиозные тексты.

Делаются выводы о наличии индивидуальных черт, отличающих письма П.А. Демидова, в частности, об их стилистической неоднородности и экспрессивности.

Ключевые слова: частное письмо, прецедентные тексты, лексические особенности писем, синтаксические особенности, П.А. Демидов.

Сведения об авторах:

Иванова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук.

Место работы: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Должность: доцент кафедры общего языкознания и русского языка.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; z3411828@yandex.ru.

Лапина Анастасия Дмитриевна, студент 3 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26;
nastyha-devil@mail.ru.

E.N. Ivanova, A.D. Lapina

Yekaterinburg

Stylistic features of P.A. Demidov's private letters

Abstract: The article is executed in line with the actual historical and linguistic researches devoted to the consideration of private letters of the historical language personality of the XVIII century. Private letters are understood as texts, which address personal issues relating to the sender and the recipient. The article attempts to examine the lexical and syntactic means of individualizing the style of the letters P.A. Demidov. In terms of lexical features observed the coexistence of genetically and functionally dissimilar words in one text, sometimes in the same sentence. From the point of view of syntactic features important is this technique as a comparison. The article analyzes the sources of precedent texts addressee, namely folklore and religious texts.

Conclusions about the availability of individual features distinguishing letters P.A. Demidov, in particular, about their stylistic heterogeneity and expressiveness are drawn.

Key words: private letter, precedent texts, lexical features letters, syntactic features, P.A. Demidov.

About the authors:

Ivanova Evgenia Nikolaevna, Candidate of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Post: Assistant Professor of Commonl Linguistics and Russian Language Department.

Lapina Anastasia Dmitriyevna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В XVIII в. стали оформляться функциональные стили русского литературного языка практически в современном их понимании (см., например, [1]). На фоне этого значительного явления

складывались и иные, индивидуальные, стилистические черты, особенно заметные в жанре частного письма.

Данная статья основывается на материале частных писем второй половины XVIII в., автором которых был Прокофий Акинфиевич Демидов (1710–1786), старший сын уральского заводовладельца Акинфия Никитича Демидова. Эти письма опубликованы в книге «Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735-1786» [4].

Ю.Н. Караулов, характеризуя языковую личность, отмечал, что индивидуальность личности максимально проявляется на мотивационно-прагматическом уровне, единицами которого являются коммуникативно-деятельностные потребности, отражающиеся, в частности, в наборе прецедентных текстов [2, с. 56, 216]. Рассмотрим, какие прецедентные тексты нашли отражение в письмах П.А. Демидова.

Одной из ярких черт писем П.А. Демидова является регулярное включение **пословиц** в свой текст. Данный жанр фольклора встречается в блоке основного содержания, компонент «Сообщение о каких-либо событиях», автор использует при этом своеобразный «ввод»: **по пословице**. Например, «*Да'и'пословица – ни'в'марте воды, ни'в'апреле травы*», «*...по'пословице – неблагодарныя глаза и'дымъ терпятъ*», «*...а'по'пословице – песь от'скуки лежа куську своего лижитъ*», «*А'по'пословице, и'в'хитромъ найдетца простоты*», «*А'пословица: не'радъ, да'готовъ, да'без'вины виноватъ*», «*...а'по'пословице черезъ силу и'конь не'повезетъ*», «*...а'по'пословице нахальныя глаза и'дымъ терпятъ*», «*Тебе не'представляет'ли из'блохи словновъ, да'барыша улыбаецца*», «*И'по'пословице – борода и'глазамъ замена*», «*...козьи рога в'мехъ не'лезутъ*» (образное выражение, с помощью которого П.А. Демидов характеризовал деятельность чиновников).

Пословицы могут находиться и в конечном блоке, в постскриптуме к письму. Например, в письме к М.И. Хозикову (зятю) от 5 октября 1783 года П.А. Демидов приписывает 5 таких выражений: «**P.S.** *Нахальные глаза и дымъ терпятъ. Туда не'еду, домой не хочу, повези меня къ нам. Не все перенять, что по реке плыветъ. Москва бьетъ съ'носка, а'вреть день четверика по*

три. Ни шьетъ, не'поретъ, а'только вежливость, какъ молодая блоха счачетъ». Пословицы и поговорки в письмах Демидов использует очень часто, что свидетельствует о его сознательном обращении к ним.

Такой элемент, как **сказка**, отмечается в двух письмах П.А. Демидова, может располагаться как в начале основного блока содержания (в этом случае мы ориентируемся на жанровое определение самого автора письма), так и ближе к концу (здесь о сказочном сюжете можно догадаться по контексту): «*Когда мужикъ з'горы з'гориками везъ два воза, одну лошад[ь] мужикъ велъ, а'другая сама шла, и'взвилась, то'та мужикъ з'горя болтнулъ: чортъ взвалилъ. Блиско чертовка ребенка на'коленях кормила, сынокъ матери жалуетца: вотъ, матушка, ты свидетель, что я не'ходилъ. Отвечала: дететка, духъ твой тамъ былъ. Вотъ тебе сказочка, ты, моя сударыня, не'умБешъ сказакъ посылас[ь]*» (письмо к А.И. де Рибас). «*А'сказывают: у'царя-девицы на'тридесятомъ царстве растутъ яблоки, поешь – будешь молодъ. Того'та царства я не'сыщу, а'ежели'бы зналъ, твою'бы кривошлыкую тещу туда'бы за'яблоками прогналъ*» (письмо к М.И. Хозикову). В данном письме П.А. Демидов обращается к жанру сказки, которую, возможно, услышал в детстве. Данный элемент письма заключает в себе прагматическую функцию, т.е. функцию **воздействия** на адресата.

В двух письмах П.А. Демидова мы встретили цитаты из **песен и былин** Кириши Данилова, который является предполагаемым составителем первого сборника русских былин, исторических, лирических песен, духовных стихов: «...о селе Романовске, а ныне называютъ с чево Преображенскимъ» (одна из песен К. Данилова), «...войди бешеная» (песня «У Спаса к обедне звонят», выражение означает «разгневаться, прийти в сильное возбуждение»), «...раскупили житие нонешнаго [и]менинника Касьяна Михайловича», «...главное изъяснение – онъ любительную болезнь сочинилъ и'ис'Киева внутрь государства принес...» (из былины К. Данилова «Сорок калик со каликою»).

В рассматриваемых письмах крайне редко П.А. Демидов обращается к **евангелию**: «Я сказал сущую *по'евангелской правде* – получилъ да'и'промоталъ, таперя нетъ, а'ежели пятницу ума-

стеришь, такъ подарю», «А святые отцы написали: кто влюбится мыслями в краавицу, сочтутъ, будто (вольный пересказ фрагмента евангелия) <...>, и три года не причастица».

Так, фольклор является основной сферой прецедентных текстов в письмах П.А.Демидова, а религиозные тексты в некоторой степени расширяют этот список.

Далее рассмотрим лексические и синтаксические средства, создающие индивидуальный колорит писем П.А. Демидова.

Как известно, **просторечные слова и выражения** чаще всего используются в разговорной речи, в неофициальной ситуации общения. У П.А. Демидова эти элементы сосуществуют в тексте с **заимствованными и церковнославянскими** по происхождению словами. Например: «Ушъ не'за'то'ли, что я в'работе при'Воспитательномъ доме, она учредила, а'таперя бросила. Так'то и'я хочу, окончавъ карделожъ, бросить, да'пойду в'университетъ» (**учредить**⁷ – основать, создать нечто общественно значимое (заимствовано из церк.-слав. *чреда*, однако в данный период слово *учредить* используется в официальных письмах), **таперя** – теперь (прост.), **карделожъ** (корделож) – среднее здание, входящее в ансамбль из трех зданий, расположенных в форме буквы П (ср. фр. *corps de logis*); «**Таперича** бумаги брошены во'второй **департаментъ**» (**таперича** – теперь, **департаментъ** – название министерства, ведомства либо их подразделения (ср. фр. *département*); «И так'то губы мазать убыточно – уже в'Сенате за'печкою проваляйтца. <...> **Кабы** подождать маслину, **авось** бы на'первой недели кончилось или в'воскресенье» (**сенат** – один из высших органов государственной власти, часто верхняя палата законодательного собрания (парламента) (ср. лат. *senātus*), **кабы** – как бы, **авось** – может быть, вдруг), «Знаеши'ли ты и'ведаеши, что семидесятной старикъ с'ума севодни **спятить**, нашо'ль севодни'же бумашку, а'жelaетъ, ежели'бы последнѣе Богъ услышалъ ево прошение» (**ведать** – знать, иметь сведения о ком-либо/чем-либо (слав.), **спятить** – сойти с ума, помешаться (разг.)).

⁷ При характеристике лексики писем функционально-стилистические пометы и этимологические справки указаны с опорой на словари [5; 6].

Отмечается и употребление заимствований и славянизмов в одном эпистолярном тексте, например: *«Бумагу зело прекрасную сегодня получилъ. Спасибо, спасибо Кошелевскому, что онъ канцерть в'зубахъ потягиваетъ, и'хорошо барышничаетъ»* (*зело* – очень (слав.), *канцерт* – публичное исполнение музыкальных произведений (ср. итал. concerto).

Другой характерной особенностью писем П.А. Демидова является использование **нецензурной лексики (обсценизмов)**. Данные слова встречаются в блоке основного содержания. Например, *«Толко онъ назябся, что свиная <...>», «А'в'чужихъ краяхъ для'общества все сделано очень дешева, а'доходы получаютъ с'тех мастеровъ, которыя вдруг по'два ребенка <...>»*. Использование данных слов для Демидова не является чем-то невозможным в письменном тексте, если с помощью этих слов он привык выражать эмоции.

В письмах встречаются **междометия и звукоподражания**, передающие непосредственность общения: *«...да'я с'ними на'одной доске наряду, и'мне предпочтения перед'ними нетъ, кроме тово какъ – ха, ха, ха, да'зачем ты с'ними вязался, да'опять тыки – ха, ха, ха»*.

Такая синтаксическая фигура, как **сравнение**, является яркой отличительной чертой писем П.А. Демидова. Сравнения чаще всего встречаются в блоке основного содержания: *«Она такъ лгать любит, какъ орехи грысть»*, *«Уповаю, Наська с'Николкою шуметь какъ галикъ будутъ, пожалуй, ихъ попроси, чтоб не'ворчали»*, *«Болише, пишет, расходы и'делами мантишь, какъ овечку хлебом, а'конца ничево»*, *«Магистратской президентъ господинъ Дурасовъ к'Ивану Ивановичу вкрался, какъ мышъ в'закрамъ»*. Сравнения делают письма выразительными и в некоторой степени индивидуальными.

Несмотря на преобладание в письмах П.А. Демидова живого разговорного языка, отмечаются нами фрагменты, в которых автор переходит к более **высокому поэтическому стилю**. Чаще всего в этих фрагментах описываются разнообразные природные явления. Например: *«У'нас дни хороши, зело ветрены, и'по'ночамъ были морозы. Ныне морозов нетъ, земля изнемогла. Желаю Вамъ всемъ благополучия. Дни хорошо, да ветренны,*

дожджа нет»; «У'нась хоша л[ъ]ду нетъ. Однако утренния морозы – с'снегомъ и'холодно. И'можно сказать, еще не'видали и'о'празднике благораствореннаго и теплаго воздуха. Все сиверка полуношныя и'восточныя ветры нась замучили»; «От 1 сентября Ваше письмо получено, а'во'оном, что бабье лето у'вась приехала, а'у'нас уже 7 и 8 числа былъ два дни снегъ, толко без'мороза, а севодни пасмурно и'без'мороза»; «У нась вчера жаворонки прилетели. Ночью морозы, а'днем солнушко, а'часто пасмурныхъ дней. Прогалинакъ в'поле очень мало, а'снегу много. Вода в'реке еще не'прибываетъ»; «Дни у'нас пасмурныя и'солнечныя, и'стужа от 5 до 2 градусов, капли мало, снегу довольно, а'в'протчая, слава Богу, здорово».

Эти своеобразные «отступления» в текстах П.А. Демидова могут быть расценены как проявления стилистической неоднородности, в целом характерной для его манеры письма.

По мнению его современников и биографов (например, К.Д. Головшикова), П.А. Демидов отличался от своих современников чудачеством и необычным чувством юмора, что отразилось в его личных письмах. Например: «А'сказывают: у'царя-девицы на'тридесятomъ царстве растутъ яблоки, поешь – будешь молодъ. Тово'та царства я не'сыщу, а'ежели'бы зналъ, твою'бы **кривошлыкую тещу** (о своей жене) туда'бы за'яблоками прогнать», «Знаешь'ли ты и'ведаешь, что **семидесятной старикъ с'ума севодни спятить**, нашолъ севодни'же бумашку, а'желаетъ, ежели'бы последнѣ Богъ услышалъ ево прошение», «Всегда готовым слугою остаюсь **семидесятой молодецъ**» (о самом себе).

Известно, что у него была библиотека. Он следил за книжными новинками, просил своих родных и знакомых присылать их ему, мог выразить свое отношение к прочитанному. П.А. Демидов предпочитал развлекательную литературу, народные сказки и другие фольклорные произведения. Сам он – автор так называемого трактата «О пчелах», опубликованного в журнале «Русский архив» за 1883 г.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что П.А. Демидов был умным, начитанным человеком, хорошо знакомым с фольклором и церковными книгами, любил пошутить и

с юмором относился к самому себе, уважал и ценил того, кому посылал письмо. «Читая письма Прокофия Акинфиевича, снова и снова убеждаешься, как хорошо, как мастерски он владел всем богатством русского языка, его образностью, выразительностью и точностью в передаче явлений жизни, чувств, настроений людей и их поступков» [7, с. 391]. Однако в оценке степени его начитанности не все современные исследователи однозначно положительны: глава о его библиотеке названа «Читал ли книги Прокофий Демидов?» [3, с. 26–28].

Таким образом, к стилистическим особенностям писем П.А. Демидова относятся: 1) на уровне **лексикки** использование принципиально различных средств с точки зрения происхождения (заимствования из западноевропейских языков, церковнославянизмы) и с точки зрения функциональной ограниченности (общенизмы, просторечные элементы); преобладание разговорных и просторечных слов; 2) на уровне **синтаксиса** отмечается такой прием, как сравнение, и специфический способ оформления прецедентных текстов (*по пословице...*); 3) источниками прецедентных текстов являются преимущественно фольклорные и некоторые религиозные тексты; 4) индивидуализирующие стилистические приемы в письмах П.А. Демидова: ирония, самоирония, элементы возвышенного повествования; 5) стилистические приемы в письмах обладают воздействующей (прагматической) и экспрессивной функциями.

Литература

1. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века: монография. – М. Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы: монография. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2000. – 208 с.
4. Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735-1786. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. – 496 с.
5. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1984–... Вып. 1–...

6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Азбука, 1996. – Т. I–IV.

7. *Черкасова А.С.* Прокофий Акинфиевич Демидов: автопортрет в письмах // Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735-1786. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. – С. 297-400.

©Иванова Е.Н., 2016

©Лапина А.Д., 2016

УДК 821.161.1-32(Сомов О. М.)
ББК ЦЗЗ(2Рос=Рус)5-8,43

И.В. Кирилова, Н.Ю. Кнор
Екатеринбург

Образ русалки в романтических новеллах О.М. Сомова

Аннотация: Данная статья посвящена анализу образа русалки в новеллистических произведениях писателя-романтика XIX века О.М. Сомова. Характерной чертой приверженцев романтического течения было обращение к народным истокам, к традиционным мотивам, а также использование фольклорных образов в своих произведениях. Для того, чтобы выявить традиционные представления о мифологическом персонаже, авторы статьи обращаются к этнолингвистическому словарю Н.И. Толстого, в котором в полной мере отражена культурная информация, связанная с образом русалки: ипостась, происхождение, внешний вид, место обитания, время появления, основные действия и пристрастия, обереги, мотивы, а также способы коммуникации и нейтрализации персонажа. Анализ новелл О.М. Сомова демонстрирует тесную взаимосвязь авторского восприятия и традиционных представлений о нечистой силе.

Ключевые слова: О.М. Сомов, нечистая сила, фольклор, романтизм, новеллистика, этнолингвистика.

Сведения об авторах:

Кирилова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук.

Место работы: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Должность: доцент кафедры общего языкознания и русского языка.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; Irishakuz@yandex.ru.

Кнор Наталья Юрьевна, студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; knor.natalya@yandex.ru.

I.V. Kirilova, N.Yu. Knor
Yekaterinburg

The image of a mermaid in romantic novels O.M. Somov

Abstract: This article analyzes the mermaid image in novelistic works of Romantic writer of the XIX century, O.M. Somov. A characteristic feature of the romantic current supporters was an appeal to national sources, the traditional motives, as well as the use of folk images in his works. In order to identify the traditional notion of a mythological character, the authors refer to the dictionary N.I. Tolstoy «Slavic antiquity», which fully reflects the cultural information associated with the image of a mermaid: subsistence, origin, appearance, habitat, time of occurrence, the main actions and passions, charms, motives and methods of communication and neutralizing character. Analysis of the short stories O.M. Somov demonstrates the close relationship the author's perception and traditional notions of evil spirits.

Key words: O.M. Somov, evil spirit, folklore, romanticism, short stories, ethnolinguistics.

About the authors:

Kirilova Irina Vladimirovna, Candidate of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Post: Assistant Professor of Commonl Linguistics and Russian Language Department.

Knor Natalja Yurjevna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

О.М. Сомов стал известен своими произведениями о жизни простого народа, так называемыми «малороссийскими былями и небылицами», в основе которых лежат народные предания украинского народа. Писатели нередко используют в своих произведениях фольклорные мотивы, поскольку, как отмечает Н.А. Воробьева «безусловно, автор произведения является носителем той или иной культуры, установки, ценности которой не могут не повлиять на формирование мировоззрения человека, воспринимающего окружающий его мир «сквозь призму собственной культуры»» [1, с. 38].

Стремление к лучшему и возвышенному – одна из основных особенностей писателей-романтиков. Они хотели показать борьбу в человеке бога и дьявола и для этого подвергали его всяческим испытаниям, в том числе и нечистой силой, чтобы дать возможность проявиться этим самым «стремлениям». Острые повороты сюжета мотивируют развитие характеров, заставляют делать выбор между добрым и плохим поступком, это определяет связь новеллистического сюжета с проблематикой романтического течения. Из всего многообразия мифологических персонажей, встречающихся в произведениях О.М. Сомова, для данной статьи мы выбрали образ русалки, который является традиционным в народной культуре. Обратимся к словарю Н.И. Толстого «Славянские древности» и посмотрим этнокультурную информацию о данном персонаже, отраженную в нем. Русалка – персонаж восточнославянской мифологии, вредоносный дух, появляющийся в летнее время в виде длинноволосой женщины в злаковом поле, в лесу, у воды, способный защекотать человека насмерть или утопить в воде. Русалка – один из наиболее вариативных образов народной демонологии, и представления о ней, бытующие на Русском Севере, Поволжье, Урале, существенным образом отличаются от южнорусских. Для северного типа доминирующими характеристиками являются: 1) женская ипостась, 2) появление у воды, 3) мотив расчесывания волос. О происхождении русалок северного типа ничего не известно либо сообщается, что это души утопленниц; души умерших детей, проклятых при жизни своими родителями. По другим свидетельствам, русалками становились девочки, пропавшие без вести, похищенные злыми духами из-за материнского проклятия (т.е. русалки – это не мифические существа, а живые люди, попавшие во власть нечистой силы; их можно вернуть в человеческий мир, если накинута на них нателный крест). Представления о сезонности появления русалок на земле в севернорусских поверьях практически отсутствуют.

Зоной наиболее активного бытования поверий и быличек о русалках являются Украина, Белоруссия и южнорусские земли. К типичным характеристикам русалок этого типа относятся: 1)

женская ипостась, 2) сезонность пребывания на земле (троицко-русальный или купальский период), 3) принадлежность к категории «заложных покойников», 4) появление в злаковом поле, в лесу, на деревьях, реже – у воды, 5) щекотание. Представления о внешнем виде русалок противоречивы: в одной и той же местности они могут описываться как молодые красивые девушки, обнаженные или в белых одеждах; как девушки покойницы, похороненные в свадебном наряде (в венках, с фатой на голове); как маленькие дети; как страшные бабы, косматые и безобразные.

Общим для всех традиций является представление о том, что русалки – это души умерших детей (преимущественно детей, девушек), либо тех из них, кто покончил жизнь самоубийством. В Полесье преобладают представления о происхождении русалок из душ девушек, умерших до замужества, особенно тех, кто умерли просватанными накануне свадьбы. Привязка к сезону – одна из ярких особенностей южнорусских русалок. Считалось, что в весенне-летний период (Троицкие праздники, Зеленые святки, Духов день, Русальная неделя, Иван Купала) их можно видеть в злаковом, конопляном поле, в огородах, на межах, в лесу на деревьях, по берегам источников или в воде, на перекрестках, на кладбищах. По прошествии отведенного им «земного» срока они уходят «на свое место» (на «тот свет», в воду и т.п.). Встреч с русалками люди очень боялись. Считалось, что русалки преследуют тех, кто оказался вне дома на Русальной неделе. Они заманивают прохожих в лесную чащу или в воду, пугают, топят, душат, бьют и губят иными способами, а также проникают в дома и похищают детей. Щекотание русалок способно довести человека до смерти. Объектом преследований русалок чаще всего оказываются женщины и дети. По поверьям русалки любят раскачиваться на растениях или в воде на волнах, они поют и танцуют, водят хороводы, приходят на звук свирели. При этом слышится громкий крик, визг, смех, хлопанье в ладоши. Бегая по ржи, русалки собирают цветы и вяют себе венки. В Полесье популярны рассказы о русалке, которая, придя на Русальной неделе, оставалась в доме целый год, сидела молча за печью, ничего не пила, не ела, а

питалась лишь паром от горячей пищи, а когда вновь наступила Русальная неделя, и появились русалки, она вдруг захлопала в ладоши и с криком: «Наши идут! Наши идут!» – исчезла.

Защитой от русалок служили молитвы, закрещивания, железные предметы, растения-обереги, словесные формулы. Неодолимым препятствием для русалок считался круг, начертанный ножом на земле; внутри него человек должен был лечь лицом вниз и оставаться неподвижным. Самым действенным оберегом от русалок считалась полынь, которую следовало носить при себе весь «русальный» период.

Мотив любовной связи русалок с человеком присутствует в рассказах, обнаруживающих следы книжного влияния. В южнорусских быличках русалка так зачаровывает парня, что он отбивается от дома, бродит возле рек и озер в поисках встречи с ней и, в конце концов, либо топится, либо вешается на дереве [2, с. 495-499].

Теперь обратимся к произведениям О.М. Сомова и посмотрим, насколько отражаются традиционные представления о русалках в его новеллах и в чем проявляется отличие авторского восприятия от народного.

В новелле «Купалов вечер» повествуется история встречи витязя Кончислава и юной русалки, которая заканчивается гибелью героя. Отметим, что О.М. Сомов использует традиционный хронотоп, разделяя мир на «наш» и «иной»: лес, где происходит встреча, является местом опасным, сакрально негантированным, местом обитания нечистой силы. Кроме того, автор выбирает и самое опасное время – ночь. Витязь попадает на русальный праздник, где видит белые тени, прыгающие через зажженные костры. Белый цвет несет в себе негативную символику – это цвет смерти, савана. Из хоровода к Кончиславу подбегает одна девушка, Услава, и заманивает его на праздник. Укрывшись с ней в шатре, витязь вдруг оказывается в водной пучине и гибнет, зацекоченный русалкой.

Внешний облик русалки амбивалентен: очень привлекателен сначала – «самая пригожая, самая резвая, самая приветливая, подлетела птичкой к витязю» и ужасен в конце – «ему коварно усмехалась злобная русалка, зеленые, длинные волосы

которой мшистым шелком упали на бледные обнаженные плеча и на грудь, холодную, как вечные льды Кавказа. И вмиг она снова залилась громким, исступленным смехом» [3, с. 112].

В данной новелле мы находим отражение традиционных мотивов: противоречивая, изменчивая внешность мифологического персонажа, место обитания – лес и вода, время встречи – Купалов вечер. В этом произведении нет упоминания о происхождении русалок, а также не раскрываются обереги, помогающие при встрече с ними.

В новелле «Русалка» также находит отражение народное поверье о Русальной (зеленой) неделе. Автор поясняет, что по рассказам малороссиян, русалки бегают по лесам на зеленой неделе, аукают и качаются на деревьях, а если же поймают живого человека, до смерти его щекочут. Отсюда малороссияне и боятся откликаться на лесное ауканье в продолжение сей недели. [3, с. 145]. Сюжет новеллы строится на попытке матери, старой Фены, вернуть в мир живых свою дочь Горпинку, которая стала русалкой. В этом произведении О.М. Сомов, следуя народной традиции, рассказывает о том, как девушка превратилась в русалку: она бросилась в воду и утонула после того, как ее оставил жених Казимир. Мать не находит себе места, желая похоронить дочь по христианскому обряду, и обращается за помощью к колдуну. Старый колдун Боровик дает Фенне волшебные предметы: черную свечу и клык черного вепря и объясняет последовательность ритуальных действий: «В самый полдень пойдешь в лес, отыщи поляну... очерти клыком круг около себя и в середине круга воткни черную свечу... Только заметишь свою дочь – схвати ее за левую руку и втащи к себе в круг... вынь свечу из земли и, держа ее в руке, веди дочь к себе в дом» [3, с. 141]. Наказы колдуна помогают матери поймать дочь, но Горпинка уже не та, что была. Она просит Фенну отпустить ее домой, на дно Днепра, зовет ее с собой, рассказывает о прекрасной подводной жизни. Попадая в родную хату, девушка «каменеет»: «лицо ее посинело, все члены окостенели и стали холодны как лед; волосы были мокры, как будто бы теперь только она вышла из воды» [3, с. 142]. И далее автор описывает традиционное поверье, когда в Русальную неделю ру-

салка вдруг оживает, хлопает в ладоши и с криком «Наши! Наши!» убегает из дома. Старая Фенна не может пережить еще одну потерю дочери и уходит в монастырь, оплакивая ее. А в лесу найден мертвым Казимир, когда-то бросивший Горпинку. Его лицо и шея были синими от напряжения. Поскольку «никакой раны, никакого знака насильственной смерти не заметно было на теле... народ объяснял дело проще: он говорил, что покойника русалки защекотали» [Там же].

В этом произведении О.М. Сомова также во многом находят отражение народные поверья и суеверия о нечистой силе, однако авторский замысел не ограничивается ими. Писатель, например, вводит дополнительные волшебные атрибуты, не закрепленные в этнолингвистическом словаре (клык вепря, черная свеча), ритуальные действия: необходимость ухватить русалку именно за левую руку, держать свечу над ее головой и пр.

Таким образом, в новеллах О.М. Сомова, как и в произведениях других писателей-романтиков первой половины XIX века, перед читателем предстает особый художественный мир, наполненный различными сверхъестественными существами, заимствованными из традиционной народной культуры.

Литература

1. Воробьева Н.А. Моделирование «виртуальной» реальности в мистике А. Погорельского // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. – 2014. – №2. – С. 38-43.
2. *Славянские древности*: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – Т.4. – 656 с.
3. Сомов О.М. Были и небылицы. – М.: Советская Россия, 1984. – 368 с.

©Кирилова И.В., 2016

©Кнор Н.Ю., 2016

УДК 81'42
ББК Щ100.3+Ш105.51

А.А. Колпакова
Екатеринбург

**Анализ вербальных и невербальных
представлений о Сакральном**

Аннотация: Статья посвящена анализу представления сакрального компонента в сознании современных носителей языка. Предметом исследования является сакральный компонент, его место в современном обществе и в сознании современных носителей языка в частности. Автор статьи определяет сферу функционирования сакрального компонента, дает определение лексемы *сакральный*, ссылаясь на словарную статью Большого академического словаря, выделяет основные компоненты значения лексемы *сакральный* (*священное, ритуальное, религиозное*), а также указывает ее основные семантические доминанты. Автором также выделяются семантические доминанты для трех других лексем: *священное, ритуальное, религиозное*, т.к. они являются основными компонентами в составе значения лексемы *сакральный*. Кроме того, автор предлагает экспериментальное исследование, целью которого является выявление невербальных представлений носителей языка о *сакральном* и их последующее сравнение с полученными ранее вербальными представлениями. В ходе эксперимента были выделены основные доминанты невербального (образного) представления *сакрального*. Далее в статье представлен сравнительный анализ вербальных и невербальных представлений о сакральном, а также основные результаты исследования.

Ключевые слова: сакральный компонент, священное, ритуальное, религиозное, анализ.

Сведения об авторе:

Колпакова Александра Анатольевна, студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; alexandra.kolpakova17@gmail.com.

A.A. Kolpakova
Yekaterinburg

Analisis of verbal and nonverbal representation of Sacral

Abstract: This article is devoted to analysis of submission of sacral component in mind of language bearers nowadays. The subject of research is sacral component, its place in present society and language bearers mind in particular. The author of this article define the sphere of function of sacral component and give definition of lexeme sacral, highlights the main components of meaning sacral lexeme with reference to vocabulary entry from “Big Academic Dictionary” and also indicates its core semantic dominant. Semantic dominant of three another word: sacred, ritual, religious as core components in meaning of lexeme sacral also indicated by author. Furthermore the author propose experimental research for revealing of nonverbal representation on sacral from language bearers and their subsequent comparison with previous verbal representations. Core dominant of nonverbal representation on sacral indicated during experiment. Article contains comparative analysis of verbal and nonverbal representation on sacral and main result of this research.

Key words: Sacral component, sacred, ritual, religious, analisis.

About the author:

Kolpakova Alexandra Anatoljevna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Одним из основополагающих компонентов любой культуры и религии является сакральный компонент, имеющий широкую сферу функционирования (см., например: [2; 3; 4; 5]). Кроме того, сакральный компонент обязательно есть в каждом священном обряде, будь то венчание или крестины, в любом ритуале, тайном действии (заговоры, гадания и т.п.) [3; 5].

В Большом академическом словаре даются следующие значения *сакрального*:

1. Сакральный – относящийся к религиозному культу; обрядовый, ритуальный. От лат. *sacer* – священный;
2. Сакральный, спец. Относящийся к крестцу; крестцовый. Сакральный отдел позвоночника [1, с. 57-58].

Во многих словарях искомая лексема или отсутствует, или ее значение в некоторых словарях полностью совпадает, в связи с чем сложно судить о расширении значения, его динамике. В то же время нами отмечается, что какие-то компоненты значения взаимозаменяются, например, обрядовый – ритуальный, а какие-то присутствуют в каждой словарной статье, в нашем случае – отнесенность к религиозному культу. Этот компонент значения можно поместить в ядро семантического поля. Также очень важны такие характеристики *сакрального* как *религиозный* и *ритуальный*. Они являются дополняющими понятиями по отношению к *сакральному*, объясняют его суть, и по частотности это самые близкие к ядру значения.

Сравнив между собой словарные статьи нескольких нормативных словарей (БАС, МАС и др.), мы выделили следующие семантические доминанты лексемы *сакральное*:

1. Отнесенность к религиозному культу;
2. Религиозный компонент значения;
3. Ритуальный компонент значения.

В связи с тем, что лексема *сакральное* является весьма обширной по своему лексическому значению, т.е. в ее значении присутствует множество важных компонентов, таких как *священное*, *ритуальное*, *религиозное*, в дальнейшем мы рассмотрели каждый компонент значения отдельно и в ходе анализа этих трех важнейших составляющих выделили семантические доминанты для каждой.

Так, лексема *священное* имеет следующие семантические доминанты:

1. Общее значение святости, божественности;
2. Характеристика человека:
 - а) положительный во всех отношениях человек;
 - б) посвятивший свою жизнь служению богу, церкви.

Лексемы *ритуальное* имеет одну семантическую доминанту, а именно: все, что относится к ритуалу.

Лексема *религиозное* имеет несколько доминант:

1. Вера в высшие божественные силы;
2. Характеристика человека;
3. Все, что относится к религии.

Далее в ходе работы мы предложили студентам ИФКиМК УрГПУ творческое задание с рисунками: они должны были изобразить ассоциации на слова-стимулы: *сакральное, священное, ритуальное, религиозное*.

В ходе нашего исследования мы опирались на существующий в психолингвистике постулат о том, что знание может быть представлено разными способами: как вербально, так и невербально.

Слово, по мнению Джона Миллера, всегда вызывает некий психический образ и чем абстрактнее заданное слово, тем конкретнее образ.

Заданные нами стимулы абстрактны, следовательно, в результате мы должны получить относительно конкретные визуальные образы, ситуативно конкретизирующие семантику языкового знака.

Цель эксперимента:

Соотнести вербальные и невербальные представления носителей языка о *сакральном*, сопоставить полученные ранее вербальные доминанты с невербальными (образными) и на основе этого выявить базовые смыслы.

В соответствии с поставленной целью нами была выдвинута следующая **гипотеза**: предполагается, что большинство полученных образов будут конкретными, т.к. заданные слова-стимулы абстрактные (восхождение от абстрактного к конкретному).

Скорее всего, большинство реакций будут в той или иной степени относиться духовной сфере жизни общества, в частности – к религии. Это определяется заданными стимулами, их семантикой; также могут повлиять индивидуальный жизненный опыт испытуемых, их личные ассоциации и время проведения эксперимента – в период празднования Пасхи.

Возможно, что среди полученных результатов будут образы, связанные с различными культурами и религиями, в соответствии с личными предпочтениями, взглядами испытуемых.

В рисунках могут прослеживаться элементы быта, какие-то атрибуты, места, содержащие в себе сакральный компонент. Скорее всего, одним из основных будет образ человека, его роль в духовной сфере жизни.

Проанализировав полученные результаты, мы выделили следующие **доминанты**:

1. Для лексемы *сакральное*:

- Образы атрибутов из религиозной сферы (православие): библия, икона, храм, чаша; также атрибутика из других религий – Будда.

- Образы людей: мать и дочь, девочка;

- Образы места: пирамида Майя, храмы, пирамида со всевидящим оком (масонский символ).

2. Для лексемы *священное*:

- Образы атрибутов из религиозной сферы: крест, нимб, чаша, книга, библия;

- Образы еды (в том числе, имеющей сакральный компонент): творожная пасха, гамбургер, вино и хлеб;

- Образы места: дом, храмы;

- Образы людей: люди у церкви, человек, совершающий ритуал, люди как связанные между собой (узы) и окружающей природой (солнце, звезды).

3. Для лексемы *ритуальное*:

- Образы ритуальных действий: совершение жертвоприношения (алтари, виселица), порезанная рука над чашей, сожжение масленицы, хороводы у костра

- Образы места: алтарь для жертвоприношений, храмы, прорубь;

- Образы атрибутов для совершения ритуалов: бубен, сфера, свеча, ловцы, снов, пасха творожная, чучело масленицы, огонь, образы костра.

4. Для лексемы *религиозное*:

- Образы религиозных атрибутов: крест, библия, шапка патриарха, кадило;

- Образ места: церковь;

- Образ религиозных действий: крестный ход.

На основе выделенных доминант можно сделать следующие выводы: полученные образы вполне конкретны. В зависимости от лексемы меняются и доминанты, например, образы каких-то действий изображались в основном только на слово-стимул ри-

туальное, была еще единичная реакция на слово-стимул религиозное (крестный ход), при анализе других лексем изображения ритуальных действий не было.

Некоторые доминанты присутствовали почти у всех лексем – образы атрибутов, места и человека. Как мы смогли убедиться, образ человека очень важен, именно его испытываемые помещают в центр своих рисунков, он приходит в храм, он водит хоровод у костра, он совершает обряды жертвоприношения и т.д.

Важным также является то, что в рисунках присутствуют образы и символы из разных культур и стран, не только славянской, например, китайский храм и пирамида Майя, пирамида с изображением всевидящего ока – символ масонов, ловцы снов – индейские обереги от злых духов, статуя Будды и т.д. Это свидетельствует о разносторонности, культурном уровне испытуемых, говорит в какой-то степени о сфере их увлечений; также на сегодняшний день имеет значение свобода вероисповедования, доступность информации и возможность путешествовать – полученные результаты показывают личный опыт, культурную осведомленность, индивидуальные ассоциации, отношение к культуре и религии в целом.

Кроме того нельзя не отметить, как повлияло время проведения эксперимента на результаты. Эксперимент проводился в период празднования Пасхи, что нашло отражение в рисунках. Встречаются образы творожной пасхи, накрытого стола, пасхальных яиц, символичной аббревиатуры «ХВ», чучела масленицы, людей у костра, много образов храмов и ангелов.

Результаты также показали, что в сознании респондентов закреплены образы некоторых животных, например, священное животное – кошка, также встречается образ быка, его можно рассмотреть как некое священное животное или как жертву для ритуальных действий (жертвоприношение), змея также неоднозначный образ: ее можно рассмотреть как олицетворение злого начала или мудрости.

Выделенные нами невербальные (образные) доминанты весьма отличаются от рассмотренных ранее вербальных, однако, есть и общие черты.

Анализ доминант позволяет выявить базовые смыслы, которые присутствуют в сознании носителей языка.

Опираясь на данные таблицы, можно сказать о том, что часть доминант совпадает в вербальном и невербальном представлении носителей языка о *сакральном*.

Вербальные доминанты являются более общими, абстрактными, невербальные – более конкретными, точными. Это связано в первую очередь с тем, что заданные слова – стимулы сами по себе абстрактны, их трудно объяснить, но можно изобразить, основываясь на индивидуальных ассоциациях и личном опыте. Абстрактное слово, таким образом, вызывает в сознании конкретный образ.

Невербальные (образные) доминанты более разнообразны, чем вербальные. Возможно, это зависит и от времени и от источников: вербальные доминанты выделены на основе нормативных толковых словарей, большинство из которых еще советского издания, там уже несколько устаревшие данные; невербальные (образные) доминанты выделены на основе данных, полученных в результате эксперимента этого года, со студентами не старше 22 лет. Можно увидеть, насколько изменилось видение мира в целом, как расширился кругозор людей по сравнению с советским временем. Показателен уже тот факт, что большинство полученных визуальных образов так или иначе связаны с религиозной, духовной сферой, что вряд ли могло бы быть в советское время.

Опираясь на приведенный анализ можно сказать о том, что испытуемые достаточно точно считали основные компоненты значений заданных слов – стимулов и воплотили их в конкретных образах.

Как и предполагалось, большинство полученных невербальных (образных) реакций так или иначе связано с религиозной, духовной сферой. Кроме того, важно отметить разнообразие культур и религий, воплощенных в образах. Это может быть связано с личными взглядами и предпочтениями респондентов.

На основе приведенных данных можно сказать о том, что *сакральное*, в различных своих проявлениях, занимает очень важное место в культуре и повседневной жизни народа, во многом

определяя его сознание и образ жизни и за века своего существования оно не утратило ни своего ведущего лексического значения, ни своей актуальности.

Литература

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17 т. – *Кайу Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 12-13.

2. *Кайу Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.

3. *Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 278 с.

4. *Коновалова Н.И.* Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. – №3 (29). – 2012. – С. 5-12

5. *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М.: Экономика, 1993. – 302 с.

©Колпакова А.А., 2016

УДК 372.46:81'23
ББК Ч410.241.3+Ш100.6

Е.С. Красноперова
Екатеринбург

Усвоение грамматических форм в дошкольном онтогенезе

Аннотация: В статье рассматривается процесс освоения грамматики на ранних этапах онтогенеза с привлечением теоретического аппарата ассоциативно-сетевой модели владения языком, предложенной Ю.Н. Карауловым. По результатам проведенного исследования сделаны выводы о частотности грамматических форм в речи детей в возрасте от двух до пяти лет, а также о роли указанных форм в процессе конструирования ребенком собственной языковой системы.

Ключевые слова: онтогенез, конструктивистский подход, ассоциативная грамматика, ассоциативно-вербальная сеть, диссипация.

Сведения об авторе:

Красноперова Евгения Сергеевна, студент 2 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; evgenia113@gmail.com.

E.S. Krasnoperova

Yekaterinburg

The acquisition of grammatical forms in pre-school ontogenesis

Abstract: The article discusses the process of development of grammar in the early stages of ontogeny, involving theoretical apparatus associative network model of language proposed by Y.N. Karaulov. According to the results of the research conclusions about the frequency of grammatical forms in the speech of children aged two to five years, and the role of these forms in the process of constructing the child's own language system.

Key words: ontogeny, constructivist approach, associative grammar, verbal associative network dissipation.

About the author:

Krasnoperova Evgenia Sergeevna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Систематический анализ усвоения ребенком грамматического компонента языка показывает, что примерно к трехлетнему возрасту в речи ребенка представлены все основные формы связной речи: центральные функции морфологических категорий, наиболее системные средства их выражения.

Столь быстрое освоение грамматики родного языка в рамках генеративного подхода объясняется наличием у ребенка уже при рождении некоторых готовых форм, которые в дальнейшем лишь модифицируются, приспособляясь к языку окружающих ребенка людей. Такие формы получили название «универсальной грамматики». Сторонники противоположного, функционально-конструктивистского подхода считают, что языковая система формируется прижизненно, на основе самостоятельно осуществляемой им обработки речевого инпута, в результате естественно-го для человека стремления к общению с другими людьми.

В настоящее время положение о врожденности универсальной грамматики сменяется идеей о врожденной способности ребенка к освоению языка. Данный тезис вполне сопоставим с положениями функционально-конструктивистского направления.

В рамках нашего исследования используется конструктивистский подход, который предполагает, что компоненты языковой способности изменяются (развиваются, усложняются, совершенствуются) в ходе онтогенетического развития. В сознании ребенка фонематические, лексические и грамматические обобщения формируются не одномоментно, а постепенно, что позволяет исследователям наблюдать смену временных языковых систем на каждом возрастном этапе. Ср.: «... язык не дается ребенку при рождении..., но зато ему дана уникальная способность самостоятельно выстраивать в собственном сознании все компоненты языковой системы (фонологический, морфологический, синтаксический, лексический и ряд иных), а также перестраивать и совершенствовать эту систему в течение всей жизни при взаимодействии с другими людьми» [9, с. 14].

Для описания языковой системы, выстраиваемой в сознании ребенка, обратимся к модели владения языком, предложенной Ю.Н. Карауловым [3; 4]. Согласно этой модели в сознании носителя языка грамматические формы и значения воплощаются в конкретных лексемах, следовательно, грамматические знания в памяти индивида хранятся лексикализовано. Ср.: «...правила словоизменения, соединения слов и словообразования, т.е. грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком «размазана», разлита по ассоциативно-вербальной сети» [3, с. 6-7].

Такой способ представления грамматики в сознании носителя языка, в интериоризованном виде, не совпадающем с результатами ее лингвистического описания, назван «ассоциативной грамматикой». Ассоциативная грамматика – это грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, грамматика речевой деятельности, намерений, тенденций и готовностей говорящего, грамматика «в живом, готовом к употреблению виде» [3, с. 7].

Диссипация, свойственная ассоциативно-вербальной сети, то есть потенциальность, принципиальная неполнота и размытость парадигмы каждого конкретного слова и ее распределенность между разными лексемами в сети, обнаруживается на уровне грамматических структур в неполноте словоизменительной парадигмы, низкой частотности некоторых грамматических форм [3, с. 252-254]. Неравномерность распределения грамматических форм по ассоциативно-вербальной сети, позволяет предположить, что именно более частотные формы несут на себе основную нагрузку в речевой деятельности.

В качестве гипотезы выдвигается предположение, что генетически первичные грамматические формы, усваиваемые ребенком, остаются наиболее частотными на дальнейших этапах речевого развития, несут на себе основную речевую нагрузку, составляя ядро языковой системы, конструируемой ребенком.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы определили последовательность усвоения грамматических форм внутри грамматических категорий падежа и рода существительного, лица глаго-

ла, проследив процесс формирования грамматического строя по трудам А.Н. Гвоздева [1; 2], С.Н. Цейтлин [9; 10].

А.Н. Гвоздев выделяет этап формирования первых форм слов (1 год 10 месяцев – 2 года 1 месяц), когда начинается конструирование субстантивной и глагольной парадигматики.

Самыми первыми из осваиваемых ребенком категорий существительного являются категории числа и падежа, самой последней – категория рода (большинство детей осваивает ее к двум с половиной – трем годам). Усвоение всех шести падежных форм происходит к началу третьего года жизни. Первыми грамматическими формами являются следующие: формы именительного падежа единственного числа и множественного числа, формы винительного падежа, затем появляются формы родительного (чаще в функции объекта) и предложного падежа, формы творительного и дательного падежа усваиваются последними.

К двум годам в речи ребенка появляются прилагательные, чаще всего в форме именительного падежа мужского или женского рода, но без согласования с существительными. Ошибок в построении форм прилагательного в речи детей старше двух – двух с половиной лет практически не встречается. Исключены ошибки и в выборе формы числа, падежа и рода прилагательных, относящиеся к освоению плана содержания соответствующих категорий. Поскольку категории рода, числа, падежа прилагательных выполняют структурные функции, они осваиваются очень рано благодаря формированию согласовательных схем, связывающих формы существительных и прилагательных. Тем не менее, согласование по роду осваивается позднее, чем согласование по числу и падежу. Ошибки согласования представляют собой не соответствующий норме выбор формы рода прилагательного. Таким образом, в грамматической категории рода форма среднего рода усваивается последней.

Осознание речевого дейксиса, позволяющее соотнести участников отображаемой в высказывании ситуации с говорящим и слушающим, начинается обычно на втором году жизни и находит свое выражение в использовании личных местоимений и личных форм глагола. В сфере освоения личности наблюдаются существенные различия между детьми – некоторые из них осваи-

вают личные местоимения и личные формы глагола уже к середине второго года жизни, другие путают местоимения Я и ТЫ или говорят о себе в 3-м лице вплоть до трех лет.

Общая последовательность усвоения личных форм предполагает первоначальное использование формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения и 3-го лица единственного числа изъявительного, затем освоение форм 1-го лица единственного числа и, наконец, форм 1-го и 3-го лица множественного числа. Формы 2-го лица множественного числа не появляются в речи ребенка в рассматриваемый период.

Выделены генетически более ранние формы различных грамматических категорий, а также формы, не востребованные на начальном этапе речевого развития. Для существительных актуальными становятся формы именительного и винительного падежа единственного и множественного числа, для глаголов повелительного и изъявительного наклонения формы 1-го и 3-го лица единственного числа, для прилагательных формы мужского и женского рода. Не актуальными для ребенка на этапе развития от двух до пяти лет являются формы 2-го лица множественного числа глаголов, редко используемыми формы среднего рода прилагательных.

Определение в нашей работе некоторых грамматических форм как генетически более ранних и актуальных на определенном этапе развития, а некоторых как мало или совсем невостребованных в конструируемой ребенком языковой системе требовало дальнейшей проверки.

Объективирование фрагментов ассоциативно-вербальной сети носителя языка проводилось методом анализа словоупотреблений. Определение ассоциативной грамматики как грамматики речевой деятельности, намерений, тенденций и готовности говорящего позволяет нам рассматривать ряд словоупотреблений конкретного слова в речи носителей языка как серию одномоментных фиксаций состояния ассоциативно-вербальной сети, ее определенного участка [5, с. 7].

В качестве материала для первичного исследования были использованы записи детской речи, взятые из дневника наблюдений А.Н. Гвоздева [1; 2], Корпуса детских высказываний

В.К. Харченко [7], Словаря детской речи В.К. Харченко [6] и Словаря детских словообразовательных инноваций С.Н. Цейтлин [8]. Все высказывания как спонтанные, так и произнесенные в ходе диалога, принадлежат детям в возрасте от двух до пяти лет. На данном этапе исследования нас интересовала частотность грамматических форм падежа существительных, родовых форм прилагательных, а также личных форм глагола.

Было проанализировано 50 словоупотреблений существительных «книжка», «мяч», «яблоко». В процентном соотношении формы винительного падежа составляют 66% всех словоупотреблений, формы именительного падежа – 14%, родительного – 14%, творительного – 4%, предложного – 2 %. Формы дательного падежа не были представлены в речи детей.

К началу третьего года жизни ребенок усваивает все падежные формы существительного, но в рассматриваемый нами период актуальной для него, самой частотной остается форма винительного падежа, усвоенная одной из первых. Относительно невысокий процент употреблений форм именительного падежа можно объяснить тем, что анализируемые существительные обычно выступают в высказывании в качестве объектов.

Полученные данные соотносятся с иерархией падежей по степени их распространенности в ассоциативно-вербальной сети: винительный, именительный, предложный, родительный, творительный, дательный [3, с. 21]. Высокий процент словоупотреблений в форме родительного падежа объясняется характером инпута, получаемого ребенком, частым использованием данной формы для обозначения частичного и неопределенного объекта.

Анализ случаев употребления качественных прилагательных выявил широкую представленность в речи детей размерных прилагательных «большой», «маленький», которые появляются в лексиконе одними из первых. Неправильное согласование прилагательных и существительных по роду говорит о том, что некоторые родовые формы не усвоены, поэтому в данном исследовании нас, в первую очередь, будут интересовать именно такие случаи.

Из 130 словоупотреблений прилагательных лишь в 5 отмечается неправильное согласование по роду. Три случая неправильного согласования с существительными среднего рода, один случай – неправильное согласование по роду под влиянием существительного среднего рода. Можно предположить, что категория рода как согласовательный класс усваивается на ранних этапах овладения языком, но формы среднего рода остаются трудными для освоения. Ю.Н. Караулов, анализируя представление категории рода существительных в ассоциативно-вербальной сети, отмечает существенно меньшее количество форм среднего рода. Вероятно, носитель языка преодолевает возникшие сложности согласования на следующем этапе речевого развития, но количество данных форм в речи как было, так и остается значительно меньшим по сравнению с количеством форм мужского и женского рода.

В исследовании частотности личных форм глагола объектом анализа стали предложения, имеющие в своем составе личные формы глаголов *играть*, *гулять*, *спать*. Эти глаголы действия рано появляются в лексиконе ребенка. Для анализа использовались формы изъявительного наклонения настоящего и будущего времени.

Было проанализировано 60 словоупотреблений личных форм глаголов *играть*, *гулять*, *спать* (приложение № 3). В процентном соотношении формы 1-го лица ед.ч. составляют 50% всех словоупотреблений, формы 3-го лица ед.ч. – 27%, 1-го лица мн.ч. – 10%, 3-го лица мн.ч. – 8%, 2-го лица ед.ч. – 5 %. Формы 2-го лица мн.ч. - не были представлены в речи детей.

Преобладание 1-го лица ед.ч. одна из характеристик детской речи (на определенном этапе развития ребенка), выделяемая исследователями. Отмеченное в ассоциативной грамматике преобладание форм 3-го лица, объясняемое его «известной нейтральностью», «немаркированностью» [3, с. 37], проявляется на этом этапе и, вероятно, будет усиливаться в дальнейшем.

Таким образом, гипотеза о высокой частотности генетически первичных грамматических форм, усвоенных на ранних этапах речевого развития, получает свое первоначальное подтверждение на материале детской речи.

Литература

1. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. – СПб.: Детство-Пресс, 2007. – 472 с.
2. *Гвоздев А.Н.* От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. – М.: КомКнига, 2005. – 320с.
3. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330с.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. *Караулов Ю.Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.
6. *Харченко В.К.* Словарь детской речи. – Белгород: Белгородский гос. пед. ун-т, 1994. – 256 с.
7. *Харченко В.К.* Корпус детских высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2012. – 520 с.
8. *Цейтлин С.Н.* Словарь детских словообразовательных инноваций. – Munchen, 2001. – 205 с.
9. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
10. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

©Красноперова Е.С., 2015

УДК 811.161.1'42:769.82
ББК Ш141.12-51+Щ156.5

Е.А. Кузнецова
Екатеринбург

Лубок как культурный текст

Аннотация: В данной статье автором рассматривается один из интереснейших культурных феноменов XIX века – лубочная картинка. Дается общая характеристика лубка как текста городского культурного пространства. Приводится типология лубочных текстов на второй половины XIX века на бытовую тематику, выявляется специфика лубка как «многоязычного», поликодового и, в первую очередь, креолизованного текста.

Ключевые слова: лубок, культурный текст, креолизованный текст, типология.

Сведения об авторе:

Кузнецова Екатерина Александровна, студент 3 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; yejichka@mail.ru.

E.A. Kuznetsova
Yekaterinburg

Lubok as a cultural text

Abstract: In this article the author examines a lubok – one of the most interesting cultural phenomena of the 19th century. A general description of a lubok as the urban cultural space text is given. An author gives a typology of lubok texts the second half of the 19th century, reveals the specifics of lubok as a creolized text.

Key words: lubok, cultural text, creolized text, typology.

About the author:

Kuznetsova Ekaterina Aleksandrovna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Объектом рассмотрения в данной работе становится один из интереснейших культурных феноменов XIX века – лубочная картинка. С явлениями, близкими лубку, мы встречаемся и в современной культуре – это различные комиксы, красочные календари, плакаты, рекламные, газетные и другие тексты, сочетающие, как правило, визуальный и вербальный ряды. Но многие ли представляют себе лубок XIX века, стоящий у истоков городской массовой культуры?

Прежде всего, стоит пояснить само понятие «лубок» (иначе – «народные картинки», «лубочные картинки», «народная графика» [5, с. 13]). Это вид печатной графики, который представлял собой листы с изображением и подписью под ними. Для кого были предназначены такие картинки? Для «демократических слоев общества», то есть для городских обывателей (представителей мещанства), городского простонародья и крестьян (как живущих в деревне, так и отходников). Именно поэтому листы отличались простотой и доступностью образов, трансляцией знакомых всем, или новых – на злобу дня – понятных и расхожих сюжетов (фольклорных – сказочных, песенных; исторических; бытовых). Основным местом изготовления лубочных картинок была Москва (на втором месте – Санкт-Петербург). Здесь листы и продавались: «разносились по улицам, развешивались для обозрения, продавались на толкучках, в лавочках», на ярмарках и торгах [5, с. 15]. Офени-торговцы из столиц развозили листы по деревням и провинциальным городам России. Такие листы, как правило, покупались и прикалывались на стены в домах и избах и долго служили украшением жилища и «окном в мир» для простонародного зрителя-читателя, удовлетворяя познавательные и эстетические потребности человека из народа.

До сих пор к изучению лубков обращались в основном искусствоведы (к числу первых и известных работ о народной картинке можно отнести труды Д.А. Ровинского и И.М. Снегирева), реже – филологи и фольклористы. Первые работы были посвящены истории и тематике лубка, типологии лубочных гравюр по темам и сюжетам, изучению техник печати народной гравюры, рассмотрению её стилистических и художественных особенностей, обзору сведений об издателях лубочных листов. Позже появились ра-

боты, в которых делались попытки более глубокого осмысления и интерпретации лубочной картинки. Исследователи обратились к рассмотрению «функций лубочной картинки в народной культуре, ее роли в формировании народного мировоззрения» [6].

В современных исследованиях, посвященных народным картинкам, ставятся вопросы их многогранности и сложности, особенностей их бытования и распространения, о специфике восприятия лубочных текстов адресатом. Исследователей интересует, какой смысл имели народные картинки для потребителей, почему они были так важны для простонародья, в чем заключалась их культурная специфика. В связи с обозначенными вопросами интерес представляют работы Б.М. Соколова, рассматривающего народную картинку «цельный художественный организм», в котором одинаково значимы «изображение, слово, сюжет, техника, цена, культура продавца и покупателя» [6] (о поликодовости текста лубка речь пойдет ниже). Интересен также подход А.В. Лебедева, который характеризует лубочную эстетику как отражение эстетики «примитива» – специфической разновидности искусства «третьего сословия» (мещанства, городского простонародья), находящегося в промежуточном положении, на границе, между ценностями высокого «ученого» искусства (дворянского) и народного (крестьянского) и пытающегося преодолеть этот разрыв, заполнить культурный «вакуум», синтезируя культурные традиции, находящиеся на разных полюсах [3]. Все эти подходы направлены на более глубокое осмысление места народной картинки в культуре. По словам А.И. Рейтблата, для понимания народной картинки нам необходимо «реконструировать горизонт понимания» читателей, воспринимающих ее, условия восприятия картинки аудиторией, рассматривающей рисунок (ситуация), ее [аудитории] культурные предпосылки, установки. Также для характеристики народной картинки необходимо пояснение механизмов ее создания, распространения и потребления.

Лубок – явление разнообразное и изменяющееся во времени. Само появление жанра народной гравюры относится к 70-80 годам XVIII века, угасание жанра – к концу XIX века. Ранняя народная картинка отличается от поздней техникой печати, отчасти – тематикой, сюжетами (хотя были сюжеты, которые сохранялись

и перепечатывались длительное время), охватом распространения, адресатом, функциями.

Рассматриваемый нами материал ограничен эпохой и содержанием (кругом тем). Это тексты второй половины XIX века на бытовую тематику, изображающие типичные городские ситуации, характеры, сцены. В чем специфика текстов этого периода? Народная графика оставалась «массовым искусством городского посада, которое находило сбыт среди купеческого и ремесленного сословий, равно как и в крестьянской деревенской среде» [5, с. 14], в то же время изготовители лубка стали больше ориентироваться на городское простонародье и крестьянскую среду (то есть лубок максимально спустился в «низы» общества). Именно в это время формируется тип массового простонародного читателя (что связано, в частности с появлением и распространением «малой прессы» и других дешевых изданий), а в круг лубочных сюжетов начинают все больше проникать бытовые сюжеты, отражающие ситуации и характеры, типичные для города и деревни этой эпохи, которые, как правило, были представлены в назидательном, сатирическом (влияние литературы критического реализма) или ироническом ключе. Лубок второй половины XIX века быстро откликается на события современной жизни, наполняется социально-заостренным содержанием.

На какие особенности лубочного текста стоит, на наш взгляд, обратить особенно пристальное внимание? С каких «фрагментов» мы будем их рассматривать?

I. Лубок как обобщение, стереотипный образ. Лубочные образы, ситуации, на наш взгляд, представляют собой некоторое обобщение, переводение сюжета (отдельной ситуации, сенсации, новости) в план общекультурный, значимый для целого коллектива людей в определенную эпоху. Если бытовой сюжет был воспринят лубком и картинка, изображающая его, неоднократно выпускалась, это свидетельствовало о том, что идея, лежащая в основе сюжета лубка, была близка каждому, значима, отвечала запросам общества. Отметим, что создатели текстов, сочинители были также представители «третьего сословия», то есть являлись также носителями простонародной, мещанской культуры. Народные картинки были широко распространены

среди посадского и крестьянского населения и, с одной стороны, влияли на создание культурных стереотипов в массовом сознании, с другой – отражали фрагмент существующей в народном сознании наивной картины мира. Лубочные тексты в перспективе будут рассматриваться нами как отражение фрагмента концептуальной и языковой картин мира русского горожанина «третьего сословия» второй половины XIX века. Нами была проведена типология лубочных листов бытового содержания второй половины XIX века, выявляющая актуальные для данного времени темы.

Типология лубочных текстов

1. Цикл текстов, связанных с **финансовыми отношениями, материальным благополучием**. Многие сюжеты строятся на оппозиции двух категорий: богатство – бедность. Чаще всего дается следующая ценностная характеристика: богатство – зло, богатые чаще всего люди не честные, зарабатывающие деньги не своим трудом; бедные же, как правило, люди честные, в бедности человеку живется хорошо и спокойно, он может быть счастлив. Яркий пример – картинка с примечательным названием: *«Как бог велел, так и должно жить, не всем же нам богатым быть, или сказка про Фому, как он богатым стал, как от богатства захворал и как щепка исхудал»*. Оппозиция богатство – бедность связана с другим существенным противопоставлением: честный труд – воровство. Вором в таких текстах чаще всего выступает приказчик, наживающийся на своем хозяине. Еще одна важная подтема – банкротство, разорение, неудача в финансовых делах. Она часто перекликается с мотивом финансовой зависимости, кредита, долга. Яркие примеры – картинки *«Вылетел в трубу»*, *«Воздушное путешествие. Вот как в трубу вылетают, кредиторов удивляют»*, представляющие собой буквальную визуализацию фразеологизма, обозначающего «финансовый крах, разорение».

2. Второй по значимости цикл текстов, отражающих представления о **взаимоотношениях мужчины и женщины, семейных отношениях (невесты – жениха, жены – мужа), гендерные стереотипы**. Типичные разыгрываемые в данных текстах сюжеты – выбор невесты (обратный сюжет – *«Жених нарасхват»*); обличение легкомысленного поведения жен – расточительство, измены, капризы (например, текст *«Вот мчится тройка удалая, или вот как Му-*

жся Жен исправляют, от глупостей отучают» – изображаются жены, впряженные в упряжку, которой управляют их мужья).

3. Тексты, отражающие **типичные городские ситуации, повседневные бытовые сцены** (сюжеты перекликаются с новостными, газетными). Например, сцена уличной драки в картинке *«Кулачные бойцы»*, *«Кабак»*, *«Совет мирской сходки в силу чая и водки»* и др. В этот цикл включаются также картинки, изображающие ярмарочные ситуации, транслирующие голоса городской ярмарки, праздника: *«Песня о патоке с имбирем»*, *«В Марьиной роще»*, *«Московский сбитеничик и ходебичик»* и др.

4. Тексты на тему **«Крестьянин (или провинциал) в столице»**. Героями оказываются или промотавший в столице все деньги ярославец (сюжет *«Вот как в Москве ярославцы половые трудятся, с красотками веселятся, а в деревню без гроша босые катают, родителей дивляют»*) или два деревенских паренька Пантюха и Сидорка, ведущие диалог в столичном трактире или на главной московской площади (у памятника Минину и Пожарскому).

5. **Отношения власть имущих и людей из простонародья** (*«Упрек старосты с бурмистром»*, *«Генерал Топтыгин»*, *«Мздоимец-ростовищик»*).

6. Тексты, посвященные теме **старости** (как должно и не должно вести себя в старости – *«Ступени человеческого века»*, *«Как старик богатый взбесился, на молодой Дарье женился»*; стремление старых стать молодыми – *«Перековка старых на молодых»*).

7. Тема **находчивости, смекалистости человека из простонародья** (*«Сказка о том, как портной чертями распоряжался, по-свойски с ними дрался»*, *«Господин повар»*).

8. Тема **«технический прогресс»** представлена вариациями картинки *«Железная дорога»*.

9. **Сенсация (газетная сенсационная новость)**. Картинки: *«Замечательнейший из великанов скороходов и уродов. Серно Дидло 20 лет»*, *«Даниил длинный великан»*.

Стоит отметить, что нельзя однозначно отнести каждый лубочный сюжет к какой-либо одной теме. В одном сюжете, как правило, заключено сразу несколько тем, лубочные листы, относящиеся к разным циклам, перекликаются друг с другом. Каждое изо-

бражение, текст содержат потенциал для описания нескольких культурно значимых концептов эпохи.

II. Вторая особенность лубочного текста – его поликодовость. Мы уже говорили о ней в связи с работами Б.М. Соколова, который говорил о взаимодействии в лубке изображения, слова, техники, культуры продавца и покупателя. На поликодовость, «многоязычный» способ организации текста в лубке обратил особое внимание Ю.М. Лотман. Он отметил сложное и динамическое взаимодействие изображения и картинки в народной картинке, «театральность» лубка, своеобразную игру аудитории с текстом при его восприятии [4]. Взаимодействие изображения и слова в лубке, двух «языков», на которых «говорит» народная картинка, позволяет нам отнести ее, прежде всего, к креолизованному тексту, то есть тексту, в котором сообщение представлено как вербально, так и иконически. Эти два кода, взаимодействуя друг с другом, обеспечивают целостность и связность текста, его коммуникативный эффект.

Покажем цельность креолизованного лубочного текста на конкретном примере. Рассмотрим картинку «Роспись приданого».

Когда зритель первый раз смотрит на гравюру, он обращает внимание, прежде всего, на изображение и название над ним. По обстановке, изображенной на картине, внешности, расположению персонажей, названию картины, зритель без труда восстанавливает в памяти типичную ситуацию, или сценарий (фрейм) зачитывания жениху росписи приданого потенциальной невесты. Такие росписи, как известно, составлялись в канун свадьбы для сведения жениха. До конца XIX века такие росписи были широко распространены во всех социальных слоях России, но, главным образом, в купеческом и мещанском кругу и являлись неотъемлемой частью обряда сватовства. Посмотрев на картину, вспомнив все атрибуты сватовства, «разыграв» мысленно предложенную нам ситуацию, что мы предполагаем увидеть в комментарии под картинкой? Скорее всего – описание счастливого сватовства или список богатого приданого невесты. В тексте мы действительно видим подробно расписанное по пунктам приданое, список довольно большой, это приданое можно назвать богатым. Но содержание текста переводит изображение и саму ситуацию в иронический план, переворачивает ее. В росписи встречаются такие пункты: *«Шелковый салон меховой, три лисьих овчинки да на сто рублей починки»*; *«Новомодная мантилия из гнилой материи»*; *«Комод и зеркало черного дерева лежит в закладе у поверенного»*, *«Кровать об трех ногах полено в головах»* и т. д. Наше впечатление от картинки сразу меняется при прочтении текста (на изображении мы видели богато обставленную гостиную, хорошо одетых персонажей). Характерен для интерпретации изображения и финал текста: *«Если вам, сударь, моя роспись в честь, то извольте посмотреть, и невеста здесь»*. Невеста «показывается» в последнюю очередь, после зачитывания приданого (это мы видим и на изображении – в центре композиции – жених и сваха, зачитывающая приданое, невеста стоит поодаль, возле двери, как бы скрыта от глаз, ждет, когда придет ее черед показаться). При соотношении, комплексном восприятии визуального и вербального рядов лубочной картинки зритель-читатель считывает главную мысль текста: первостепенной оказывается материальная, вещественная сторона брака, взаимоотношения, чувства невесты и жениха отодвига-

ются на второй план. Таким образом, мы можем отнести лубок к текстам с полной креолизацией. Между вербальным и иконическим компонентами устанавливаются синсемантические отношения (взаимозависимость). Кроме того, в представленном нами тексте мы замечаем интересное взаимодействие модальных ключей вербального и иконического компонентов текста, которые контрастируют друг с другом. Положительная оценочность иконического компонента «перекрывается» отрицательной оценочностью вербального, возникающий при этом диссонанс создает комический эффект «обманутого ожидания» [1, с. 33].

Все рассмотренные нами особенности лубочного текста позволяют нам отнести его к **культурному тексту** и осмыслить его в семиотическом аспекте как текст, «соединяющий пространства языка и культуры» [2, с. 15]. Текст в таком понимании не ограничен вербальными рамками, является «не последовательностью написанных или произнесенных слов, а некой последовательностью действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл и связанная с ними речевая последовательность». Такой текст, как правило, «многоязычен», включает в себя несколько «сторон языка» (например, вербальную, реальную, акциональную) [7, с. 15-16]. Следующие особенности лубочного текста позволяют нам отнести его к культурному тексту:

- 1) поликодовость;
- 2) ограничение эпохой и средой потребления – купцы, мещане, городское простонародье, крестьяне второй половины XIX века;
- 3) включенность восприятия лубка в определенную типичную ситуацию – ситуацию ярмарки, распродажи лубочных листов на улице, на торгах, посещения трактира, разглядывания лубка и игры с ним в домашней обстановке (настенные листы);
- 4) включенность сюжетики, тематики лубка в типичный и значимый контекст эпохи, определенного сословия позволяет рассматривать лубок как «семиотический способ трансляции культурно значимой информации», источник выявления национально-культурных стереотипов [2, с. 16].

Дальнейшая работа с лубочными текстами может быть связана с детализацией топологии лубочных сюжетов, выделением

значимых для данных текстов концептов, рассмотрением лубка как поликодового текста, анализом взаимоотношения вербального и иконического компонентов лубка, языковых и текстовых особенностей лубочных текстов.

Литература

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: ACADEMIA, 2003. – 128 с.

2. *Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 278 с.

3. *Лебедев А.В.* Художественный примитив в контексте культуры русской провинции. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennyy-primitiv-v-kontekste-kultury-russkoy-provintsii-vtoraya-polovina-xviii-pervaya-polovina-xix-veka> (дата обращения: 30.06.2016).

4. *Лотман Ю.М.* Художественная природа русских народных картинок [Электронный ресурс]. – URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/lubok.html> (дата обращения: 30.06.2016)

5. *Лубок. Bilderbogen.* Народная картинка России и Германии XIX – начала XX века. – М.: Художник и КНИГА, 2001. – 120 с.

6. *Рейтблат А.И.* Что нес с базара русский народ (Лубок в исследованиях последних лет) [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/44/84.html> (дата обращения: 30.06.2016)

7. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

©Кузнецова Е.А., 2016

УДК 811.161.1'373.6
ББК Щ141.12-323

С.В. Лыжин
Екатеринбург

**Этимологические заметки: диалектные дериваты
праславянского *boi- / *bei-**

Аннотация: В данной статье представлены новые этимологии некоторых диалектных слов, восходящих к древнему праславянскому глагольному корню *boi- / *bei- ‘бить’ (русские репрезентанты би-, бой-, бей-, бj-). В качестве источника первичного материала используются данные Словаря русских народных говоров, для получения сопоставительных данных – полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета и факты, зафиксированные различными диалектными словарями, в том числе Словарем живого великорусского языка В.И. Даля. Отобраны лексемы, которые ранее не подвергались этимологической интерпретации и в которых наличествуют некоторые фонетические или семантические отклонения от привычных словообразовательных моделей.

Ключевые слова: русские говоры, Русский Север, этимология, региональная лексикография, словообразовательная модель, праславянский корень.

Сведения об авторе:

Лыжин Сергей Васильевич, студент 3 курса филологического факультета ИГНИ УрФУ (Екатеринбург).

Контакты: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; fasmer@yandex.ru.

S.V. Lyzhin
Yekaterinburg

Etymological notes: dialectal derivatives proto-Slavic *boi- / *bei-

Abstract: In this article a new etymology of some dialect words dating back to ancient proto-Slavic verbal root *boi- / *bei- ‘to beat’ (the Russian representatives of bi-, boj-, bay-, bj-). As a source of primary material use data from the Dictionary of Russian folk dialects, to get comparative data – field recordings of the Toponymic

expedition of the Ural University and the facts fixed in various dialect dictionaries, including a Dictionary of the living great Russian language V.I. Dal. Selected tokens that were not previously subjected to etymological interpretation, and which has some phonetic or semantic deviation from the usual word-formation models.

Key words: Russian dialects, Russian North, etymology, regional lexicography, word-formative model, the proto-Slavic root.

About the author:

Lyzhin Sergej Vasiljevich, Student of Philological Faculty, Ural Federal University (Yekaterinburg).

Дериваты, восходящие к праславянскому глагольному корню **boi-* / **bei-* ‘бить’, в русском языке достаточно частотны, хотя их исходная мотивированность нередко оказывается затемненной под воздействием фонетических изменений, процессов переразложения и опрощения и, наконец, в результате ощутимых семантических сдвигов. Данные этимологические заметки имеют целью доказать принадлежность ряда диалектных лексем к указанному древнему корню, чтобы в дальнейшем полученные результаты позволили уточнить объем этимолого-словообразовательного гнезда глагола *бить* в русском языке. Исходный материал извлечен из Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ). Обратимся к исследуемым лексемам.

Будух. В СРНГ лексема зафиксирована в значении ‘человек, занимающийся сбором кедровых шишек’ том. [7, т. 2, с. 289]. Если предполагать, что это континуант этимолого-словообразовательного гнезда **bei-/boi-*, то следует выделить корень *би-*, где *-и-* дифтонгического происхождения (< **oi*). Это предположение подтверждается лексемами с прозрачной внутренней формой и идентичной семантикой (КЛС деятеля), встречающимися также на территории Сибири. Ср.: *боѣц* ‘человек, занимающийся сбором кедровых шишек бойком’⁸ том., кемер.,

⁸ *Боѣк* ‘палка, по большей части рябиновая, с петлёй для привешивания на шею; употребляется для сбивания кедровых орехов; а также палка с насаженным на конце долотом для битья бересты’ том., кемер., свердл.; ‘большая колотушка, которой бьют по стволу кедра при сборе кедровых шишек’ том.) [7, т. 3, с. 59–60].

ср.-урал. [7, т. 3, с. 60], *бо́йщик* ‘человек, занимающийся добычей кедровых шишек; тот, кто сбивает кедровые шишки’ том. [Там же, с. 68] и *сбо́йщик* ‘человек, занимающийся сбором кедровых шишек’ том., ср.-обск. [7, т. 36, с. 180]. Более того эта гипотеза поддерживается на уровне семантики другими дериватами этого же праславянского гнезда: собственно действие: *бить* ‘сбивать при помощи специальных приспособлений’ кемер., том., ср.-урал. [7, т. 2, с. 300], *отбива́ть шишки* ‘обмолачивать кедровые шишки’ новосиб. [7, т. 24, с. 115]; процесс (субстантивир.): *бой* ‘сбор кедровых шишек, кедровых орехов’ ср.-урал., кемер. [7, т. 3, с. 66]; инструменты: *бито́к* ‘палка, шест для сбивания кедровых орехов’ иркут. [7, т. 2, с. 299], *боёк* (см. сноску) том.

Лексема *бито́к* (< *bitъ < *biti [См. 10, т. 2, с. 101; 5, т. 3, с. 213]) также зафиксирована в говорах Сибири в значении ‘берестяная конусообразная корзинка с ручкой для собирания ягод’ сиб., камч., якут. [7, т. 2, с. 299]. А.Е. Аникин утверждает, что название мотивировано способом собирания ягод [5, т. 3, с. 213]. Вполне возможной кажется экстраполяция этого суждения на *бито́к* в значении ‘палка, шест для сбивания кедровых орехов’.

Вышеописанные лексемы формируют достаточно обширный и устойчивый круг номинаций процессов сбора и последующей обработки кедровых шишек. В этот же ряд вписывается и объект нашего анализа.

В слове *биду́х* можно выделить суффикс -ух- со значением носителя процессуального признака (ср. *пасти* – *пастух* [4, с. 156]). В этом случае -д-, предположительно, наращение глагольной основы за счёт финали *т*. Ср. *битух* ‘игрок в бабки, который бьет в кон’ волог. [7, т. 2, с. 299]. Вероятно, *д* – результат озвончения глухого согласного звука в интервокальной позиции, являющееся чертой диалектной фонетики.

Билень, било, била, бильцы. СРНГ вслед за В.И. Далем фиксирует лексемы *би́лень* влад. и *би́ло* влад. в значении ‘облучок у саней’ [2, т. 2, с. 88; 7, т. 2, с. 291], *би́ла*, мн. ‘разводы, отводы санные, дуги’ нижегор. [2, т. 2, с. 88], ‘изогнутые брусья, идущие от передка саней, служащие для придания им устойчивости’ нижегор., курск., орл. [7, т. 2, с. 291]. В СРНГ есть также

лексема *бі́льцы* ‘дощечки у саней, к которым привязывают верх (кибитку)’ [7, т. 2, с. 292]. По формальным признакам эти лексемы можно полагать континуантами праславянского корня **boi-/*bei-*. В таком случае в них выделяется корень **bi-* и аффиксы **-dl-* у *бі́ло* (< **bidlo* < **biti*) и *-ень* для производного *бі́лень*. ЭССЯ предлагает праславянскую форму **bidľнь* (*-ень* < **-ьнь*) [10, т. 2, с. 96], однако А.Е. Аникин пишет, что праславянская древность этой формы маловероятна [5, т. 3, с. 182].

С точки зрения семантики, суффикс **-dlo* – орудийный [Там же, с. 185–186]. Потому не вызывают сомнений другие значения слов *бі́ло* и *бі́лень* в русских говорах. Ср.: ‘пестик к ступе’ пск., ‘язык у колокола’ пск., смол., ‘маслобойный пресс’ твер. [7, т. 2, с. 291–292].

В значении ‘облучок у саней’ интересен семантический переход от орудия к объекту действия. Суффикс *-ень* обладает более широкой, чем **-dlo* семантикой по отношению к действию: субъект, результат, орудие действия [4, с. 154]. В том числе это может быть и объект действия («то, что прибито»). Ср. рус. *ставень*, *плетень*. Поскольку *бі́лень* – первоначально прилагательное, производное от **bidlo* при помощи суффикса **-ьnl-* [10, т. 2, с. 96] – возможно допустить параллельное развитие семантики производного и производящего слова, взаимовлияние после субстантивации. Это подтверждается целым рядом значений (см. выше), которыми обладают обе лексемы. Ср. укр. *бі́ло* ‘крылья или отводы в саях, предназначенные для того, чтобы они не опрокидывались’ [Там же, с. 95].

Лексему *бі́льцы* ЭССЯ возводит к прасл. **bidľьce*, производному с суффиксом **-ьce* от **bidlo* [Там же, с. 96].

Особого внимания требует донское *бі́льца* мн. ‘продольные бруски у бороны’ (ед. *бі́льце*) [7, т. 2, с. 292], являющееся морфологическим вариантом предыдущего слова.

Развитие семантики, вероятно, мотивировано способом воздействия бороны на землю: именно эти продольные бруски и были оснащены зубьями для измельчения верхнего, пахотного слоя земли. Либо речь идет о мотивации способом изготовления. Ср. ст.-польск. *bidlo* ‘брус в бороне, усаженный гвоздями’ [10, т. 2, с. 95], т. е. то, чья поверхность вся «убита» гвоздями.

Битовня ‘ватага рыбная, становье, место, где обряжают и солят рыбу’ арх. [2, т. 1, с. 91]. В.И. Даль также фиксирует значение ‘бойня, место, где бьют скот’ арх.

Интересующее нас значение, очевидно, вторично. Предположительно, в архангельских говорах мог произойти перенос семантики: становье, вероятно, коннотативно сопоставимо со скотобойней по производимым там действиям. Ср. описание становья на Мурманском берегу С.В. Максимова: «...тяглец отвёртывает головы, кормщик пластает рыбу, надрезая её по спине впродоль, и вынимает внутренности, вместе с хребетною костью, которая зуйками выбрасывается вместе с головами рыбы в море как ненужная» [3, с. 202].

Бойный ‘буйный’ калуж., пск. [7, т. 3, с. 67–68]. ЭССЯ указывает это значение, возводя к праславянскому **bojъnъ(jъ)*. [10, т. 2, с. 169]. Там же приводится укр. диал. *боїни* ‘буйный’.

Такая семантика встает в один ряд со схожими, образующими устойчивое и обильно наполненное семантическое поле энергичности, подвижности, бойкости человека. Ср.: рус. *боевой* ‘действующий энергично, решительно, бойкий’ [1, т. 2, с. 93–96], *разбитной* ‘бойкий, живой’ [1, т. 22, с. 164], *пробивной* ‘энергичный’ [1, т. 20, с. 624]; рус. диал. *битвенный* ‘бойкий, подвижный’ арх. [7, т. 2, с. 297], *боёвской* ‘энергичный, бойкий’ ср.-урал. [7, т. 3, с. 59], *боёк* ‘бойкий человек’ горьк. [Там же, с. 59–60], *бойкящий* ‘очень бойкий, расторопный человек’ [Там же, с. 67], *бойчак* ‘бойкий человек’ влад., курск. [Там же, с. 68], *отбёчный* ‘слишком бойкий’ дон. [7, т. 24, с. 118], *побойный* ‘бойкий’ петерб. [7, т. 27, с. 199], *побойский* ‘бойкий’ пск. [Там же], *прибойный* ‘энергичный’ волог. и др.

Набивушка ‘вид ружья’ ср.-амур. [7, т. 19, с. 115]. Общий вид дефиниции и отсутствие иллюстративного контекста не позволяют развернуть ряд полноценных доказательств. Однако можно предположить, что так называли разновидность ружья, которое заряжалось патронами, набитыми пыжами (прокладками в патроне, отделяющими пулю от заряда). Ср.: рус. проф. (в речи охотников) *набивать пыжи*.

Тогда лексему *набивушка* можно признать связанной с глаголом через промежуточное именное звено в словообразователь-

ном ряду: *набивать* – **набивуха*⁹ – *набивушка*. Однако в русском словообразовании аффикс *-ух(а)* называет предмет, производящий действие, названное мотивирующим глаголом. Ср.: рус. *развалуха, скрипуха, свистуха* [4, с. 152]. В то же время Н.В. Суворова со ссылкой на Г.А. Николаева говорит об усилении глагольности в процессе развития русского языка: «... имена существительные, обозначающие действие, действующее лицо, орудие, место и результат действия ... стали осмысляться как отглагольные производные независимо от их действительного происхождения, поскольку значение действия является общим категориальным значением глагола, а не имени» [9, с. 5].

В диалектах суффикс отыменных существительных *-ушк(а)* обладает также диминутивной семантикой, но способен к полной десемантизации. Н.В. Свешникова приводит такие лексемы в качестве примера: *боровушка* ‘бор’, *блеснушка* ‘блесна’, *звенушко* ‘звено’ [6].

Возможно, есть связь лексемы *набивушка* с разг. значением глагола *набивать* ‘убивать на охоте какое-л. количество зверя, птицы’ [1, т. 11, с. 23–25]. Тогда, по Н.В. Суворовой, это может быть непосредственно девербатив, который в ее классификации относится к семантическому подтипу ‘предмет, производящий действие или предназначенный для совершения действия, названного мотивирующим глаголом’. Ср.: *игрушка* ‘то, чем играют’ [9, с. 163–164]. Исходя из этой логики, *набивушка* – то, чем набивают, т. е. убивают.

Однако исследователь предполагает, что слово *набивушка* ‘ружье’ мотивировано глаголом *набивать* ‘начинять’ и относится к семантическому подтипу ‘предмет, который является объектом действия, названного мотивирующим глаголом’ [9, с. 14–15].

Набойник ‘набойчатый самовар’ пск., твер. [2, т. 3, с. 386; 7, т. 19, с. 124]. СРНГ дублирует дефиницию В.И. Даля, который определяет слово *набойник*, используя диалектную лексику *набойчатый* [удар.?], не поясняя ее значения.

В СРНГ *набойчатый* ‘искусственный (о мехе)’ брян., ‘сшитый из искусственного меха’ брян. [7, т. 19, с. 125], что ни тер-

⁹ В СРНГ зафиксирована лексема *набивуха*, но в семантически далёком значении ‘перина’ свердл. [7, т. 19, с. 115].

риториально, ни семантически не соотносится с исследуемым словом. Также приводится значение ‘сшитый из набивной ткани (набойки)’ моск. [Там же].

Для лексемы *набóйник*, кроме того, зафиксированы следующие значения: ‘самodelьная набивная ткань’ пск., твер., арх., перм.; ‘сарафан из набивной ткани’ пск., твер., арх., вят., перм.; ‘платье из набивной ткани с узорами’ арх.; ‘юбка из набивной ткани с узорами’ пск., перм. [7. т. 19, с. 124].

Если рассматривать исследуемое слово как многозначное, можно, с учетом совпадающего ареала, предположить развитие семантики в псковских и тверских говорах: перенос по ДС ‘узор’ с одежды на предмет утвари (здесь – самовар) – вполне вероятно, что на самовар тоже набивался узор или рисунок. К сожалению, неясная дефиниция и отсутствие контекста не позволяют делать более обоснованных утверждений.

Побóешно ‘побочно, на стороне, частным образом’ р. Урал [7, т. 27, с. 199]. Фонетическое сходство со словом *побочно* заставляет думать о *поббешно* как о диалектном варианте. Такая дефиниция семантически поддерживается рядом единиц изучаемого гнезда. Ср.: рус. *отбойный* ‘отдаленный, глухой, заброшенный’ [1, т. 14, с. 327], *отбиваться* ‘отдаляться, отстраняться’ [Там же, с. 321–323]; рус. диал. *отбív* ‘отделение, удаление от кого-, чего-либо’ кубан. [7, т. 24, с. 114–115], *отбóйное место* ‘отдаленное, глухое место’ сиб., бурят., южн.-урал. [Там же, с. 119–120] и др.

Подбёйка ‘печенье из непросеянной муки’ бурят. [7, т. 27, с. 335], **пóдбить** ‘сдоба (в тесте)’ пск., твер. [Там же, с. 340].

Наименования мотивированы способом добавления муки, дрожжей и т. п. во что-л. жидкое. Добавляя их, смесь взбалтывают, взбивают. Ср.: рус. *подбивать тесто* ‘перемешивать, взбивая или добавляя в тесто муки, сдобы и т. п.’ [1, т. 17, с. 429–432], *подбívка* ‘приправа к кушанью’ [Там же, с. 433], *подбóйка* ‘мучная заправка с яйцом или жирами’ [Там же, с. 440]; рус. диал. *подбивать* ‘взбалтывая, подмешивать (муку, дрожжи и т. п.) во что-л. жидкое’ сталингр., груз., р. Урал, перм., новосиб., тобол., ряз., ‘сдабривать (кушанье), заправлять, помешивая’ чкал., р. Урал, челяб., ‘добавлять муку в арбузный сок (при приготовле-

нии арбузного мёда) терск., *подбивать хмелины* 'приготавливать закваску для теста из дрожжей и муки' дон., *подбить гущу* 'добавить в квасную гущу муки (для возобновления брожения)' новосиб., *подбивать блины, оладьи* 'приготавливать тесто для блинов, оладий, взбивая его' чкал., ряз., дон. [7, т. 27, с. 336–337].

Убивальница 'рубаша невесты из тонкого полотна' орл. [7, т. 46, с. 117]. Мотивировано тем, что в этой рубаше невеста «убивается», т. е. плачет. Ср.: рус. разг. *убиваться* 'чрезмерно предаваться отчаянью, горю, страданию' [8, т. 16, с. 44–46], рус. диал. *слезами убиться* 'залиться слезами, заплакать, зарыдать' карел. [7, т. 46, с. 119].

Особого разговора заслуживают лексемы, включаемые в гнездо *бить* Словарем русских народных говоров. Таких единиц три: *битва́* 'верёвочная лестница' арх. [7, т. 2, с. 297], *битви́на* 'гибкая лоза, употребляющаяся для связывания кольев и изгороди' костром. [Там же], *битвинá* 'ботва' арх. [Там же], *забиту́шки* 'кручёные хлебцы' дон. [7, т. 9, с. 258]. Слова *битви́на*, *битвинá* и *забиту́шки*, несомненно, относятся к этимологичесловообразовательному гнезду **viti* (мена б/в – частотное явление в говорах). Слово *битва́* А.Е. Аникин связывает с глаголом *б́етать*, также *б́итаться*, *битáть* и сравнивает с «материально близким *битве́н* (< битенг, причины появл. в непонятны)» [5, т. 3, с. 210–211]. Нам, однако, кажется, что и в данном случае речь идет об исходном **витва* как деривате глагола *вить*. Таким образом, следует исключить приведенные единицы из этимологичесловообразовательного гнезда *бить*.

Литература

1. БАС – *Большой академический словарь русского языка*: в 23 т. – 3-е изд. – М.; СПб.: Наука, 2005–2014.
2. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 2-е изд. – М.; СПб., 1880–1882.
3. *Максимов С. В.* Год на Севере. – М.: Издание П. Н. Прянишникова, 1890.
4. РГ-80 – *Русская грамматика*: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1.

5. РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь: в 6 т. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–2012.
6. *Свешикова Н. В.* Модели диминутивного словообразования в русских говорах (функциональный аспект) // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. – СПб: Наука; Вологда : ВГПУ, 2007.
7. СРНГ – *Словарь* русских народных говоров : в 48 т. – М.; СПб.: Наука, 1965–2016.
8. ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 т. – 1-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
9. *Суворова Н. В.* Отглагольные существительные с суффиксами *-аз(а)*, *-ак(а)*, *-ух(а)* и *-ушк(а)* в истории русского языка : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Суворова ; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва [б. и.], 1999.
10. ЭССЯ – *Этимологический словарь* славянских языков: (Праславянский лексический фонд): в 38 т. / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1963–2014.

©Лыжин С.В., 2016

УДК 811.161.1:39:811.161.1'373:811.161.1''74
ББК Ц141.12-36+Ш141.12-006.3+Ш141.12-428

А.В. Магонова
Екатеринбург

**Представление диалектной фразеологии
в лингвокультурологическом словаре**

Аннотация: Статья посвящена актуальному направлению в современных исследованиях лингвокультурологической идиоматики. Предметом исследования является описание трансформации сельскохозяйственной идиоматики, в частности, устойчивых выражений, связанных с посевными работами и уборкой урожая, в сознании современных носителей языка. Автор статьи предлагает экспериментальное исследование сельскохозяйственной идиоматики, результаты которого показывают, что в сознании современных носителей русского языка сакральная семантика профанируется, то есть культурная информация сельскохозяйственных фразеологизмов либо осознается носителями языка не до конца, либо не считается ими совсем. На основании анализа существующих фразеологических словарей автор предлагает наиболее полную структуру словарной статьи для представления анализируемой группы идиом. Принципиально новым элементом структуры данной словарной статьи автор считает показания языкового сознания носителей языка, позволяющее уже на уровне словарной статьи продемонстрировать те изменения в смыслах, которые претерпевает идиома на современном этапе развития языка.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурология, сельскохозяйственная идиоматика, показания языкового сознания.

Сведения об авторе:

Магонова Анна Викторовна, студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26;
anna.magonova@yandex.ru.

A.V. Magonova

Yekaterinburg

The representation of direct phraseology in linguocultural dictionary

Abstract: The article is devoted to the actual direction of modern research in the linguistic study of idioms. The subject of this research is description of the agricultural transformation of the idiom, in particular, description of the stable expressions, which are associated with sowing and harvesting in the minds of modern native speakers. The author of the article offers an experimental study of the agricultural idiom, the results of which shows that the minds of modern Russian native speakers profanities sacral semantics, that is cultural information of the agricultural phraseologisms or understood by native speakers not until the end or not read by them at all. Based on the analysis of available phraseological dictionaries, the author offers the most complete structure of the dictionary article to represent the analyzed groups of idioms. Fundamentally the author considers that new element in the structure of this dictionary article is the view of linguistic minds of native speakers, all aware at the level of a dictionary article demonstrate those changes in the meanings which occur by the idiom at the modern stage of language development.

Key words: phraseologism, cultural linguistics, agricultural idioms, indication of linguistic mind.

About the author:

Magonova Anna Viktorovna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Язык является частью культуры любого народа. В аспекте лингвокультурологического анализа языковых данных наиболее показательным и культурологически емким оказывается фразеологический материал [1]. Большой лингвокультурологической ценностью обладают идиомы, связанные с сельскохозяйственной деятельностью русского народа.

При изучении диалектных выражений в лингвокультурологическом аспекте предметом нашего исследования стали народные устойчивые сочетания, отражающие специфику сельскохозяйственной деятельности, способные выполнять функцию

«языка» культуры. Выражения этого типа служат средством «освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно – ее оценивания в образных эталонах» [7]. Моделирование данного фрагмента языковой картины мира основано на семантике выполнения определенных действий, связанных с сельскохозяйственным аспектом жизни русского народа, в день определенного святого. Лингвокультурологический анализ единиц подобного типа, проводимый на основе интегративного принципа, позволяет не только выявить элементы культурной коннотации в семантике диалектных фразеологизмов, но и осуществить культурно-историческую интерпретацию определенного фрагмента языковой картины мира (см., например: [3; 4; 5; 7]).

Анализ функционирования идиом народного календаря невозможен без обращения к показаниям языкового сознания носителей языка, поскольку контексты употребления данных сочетаний, приведенные в словарях (А.Ф. Некрыловой [6], А.С. Ермолова [2], В.Н. Телия [7]), не всегда позволяют сделать вывод, актуальна ли в речи современных носителей языка идиоматика, относящаяся к сельскохозяйственной деятельности.

Семантика сельскохозяйственной идиоматики многослойна, поверхностный слой связан с обыденными ситуациями. Для выявления осознанности носителями языка особенностей сельскохозяйственной идиоматики нами были проведены психолингвистические эксперименты с использованием методики заполнения текстовых лакун, свободного ассоциирования и методики прямого толкования. В качестве стимулов носителям литературного языка было предложено 18 устойчивых сочетаний, при отборе которых учитывались следующие критерии:

1) наличие формально выраженного компонента, характеризующего определенный аспект сельскохозяйственной деятельности русского народа (название возделываемых культур, посадка урожая, сбор урожая и т.п.);

2) наличие в составе идиомы имени святого;

3) рифмовка частей идиомы.

Инструкция к эксперименту:

Каждый день народного календаря был приурочен к имени одного из святых. И для того, чтобы было легче определиться с

видом сельскохозяйственных работ, в народе существовали своеобразные «приметы-подсказки», например: *Пришел Евсей – овсы отсей.*

Вставьте пропущенные слова.

1. Сей _____ на _____ – родится, аки злото.
2. Сеян _____ у семи _____. Посеешь _____ на _____ – будут длинные льны.
3. Всякий _____ про себя разумеи: когда сеять, когда жать, когда в скирды убирать.

В результате анализа сельскохозяйственной идиоматики мы пришли к выводам о том, что в сознании носителей языка существуют определенные представления об особенностях бытования данных устойчивых сочетаний слов. На уровне созвучия компонентов большинству испытуемых удалось восстановить предложенные идиомы. Однако большинство респондентов рифмовали не имя святого и тип работы, а просто вставляли слова, каким-то образом подходящие по смыслу и рифмующиеся с написанными в материалах непропущенными словами в составе идиомы.

В большинстве случаев были восстановлены имена святых, так или иначе связанных с возделыванием земли: *Борис и Глеб (18), Иван (18), Евсей (15), Еремей (13), Федот (10), Луппа (8), Алена (8), Симон Зилот (6), Амос (6), Павел (6), Марина (4), Палей (4), Марья (4), Семен (4), Андрей (3), Георгий (3), Тит (3), Василиса (3), Лука (2), Иван Купала (2), Кирилл и Мефодий (2), Кирилл (2), Варфоломей (2), Яков, Илья, Федор, Алексей, Петр, Евдокия, Пимены, Ирина, Стратилат, Кузьма, Максим.*

Однако в ряде случаев лакуны были заполнены именами святых, мало связанных с сельскохозяйственными работами: *Юрий (5), Егор (5), Денис (2), Ольга, Артемий, Антон, Захар, Парамон, Макар, Мавей, Василий.*

Также встретились имена, которые не связаны с народным календарем: *Елисей (5), Арсений (2), Духов день (2), Матрена, Ерофей, Енакеич, Викентий, Савелий, Андрост, Андروت, Даниил (2), Сергей, Евкакий, Перун, Прохор, Агриппина, Каролина, Нина, Алина, Полина, Давид, Моисей, Заим, Николай, Александр, Доминик, Винсент, Алфей.*

На месте пропусков видов работ или растений были написаны названия самых значимых для русского крестьянина сельскохозяйственных культур: *овес (40), лен (36), хлеб (24), пшеница (19), рожь (10), лук (7), покос (7), зерно (7), капуста (6), гриб (5), ячмень (4), картофель (3), пилено (3), семена (3), жито (3), огород (3), горох (2), урожай (2), сено (2), гречиха (2), щавель (2), огурец (2), морковь, земляника, просо, паслен, трава, посев, навоз.*

Причинами неадекватного заполнения лакун могут быть изменения значимости сельскохозяйственной идиоматики. Данные фразеологизмы не часто употребляются в речи современных носителей языка. В структуре фразеологизмов присутствуют устаревшие грамматические формы, древние имена святых, которые редко встречаются в современной жизни. Также большое влияние мог оказать уровень общего интеллектуального развития респондента.

Наиболее удачными вариантами заполнения, по нашему мнению, являются: *Сей рожь на Федота — родится, аки злото. Сеян лен у семи Матрен. Посеешь лен на весны — будут длинные льны. Коли на Ивана погоже, то и уборка ржи пригожа. Коли на Семена погоже, то и уборка моркови пригожа.*

Данные варианты заполнения связаны с именами святых, относящихся к сельскохозяйственному периоду деятельности русских крестьян. Есть некоторое соотнесение дня святого и возможности выполнения данных действий, т.е. уборки или сбора тех или иных культур.

В результате исследования сельскохозяйственной идиоматики нами были выделены различные ассоциативные доминанты. Больше всего ассоциаций, обращенных к объекту сельскохозяйственной фраземы: «картошка» (7), «работа» (4), «огурцы» (2), «труд» (2), «ягоды» (1), «трава» (1).

Ассоциации, отражающие отнесенность сельскохозяйственных реалий к имени святого: «Борис и Глеб» (1), «мученики» (1). В большинстве случаев были восстановлены имена святых, так или иначе связанных с возделыванием земли. Ассоциаций, свидетельствующих о сакральном смысле сельскохозяйственных реалий, оказалось меньше всего: «святой» (8), «светлый» (1), «религия» (1). Это может свидетельствовать о том, что са-

кральная семантика профанизируется из-за смены ценностей современного общества. У людей пропала необходимость возделывать землю, все стало легкодоступно и потеряло свой священный смысл.

Доминанты, отражающие связь сельскохозяйственной идиоматики с устным народным творчеством и фольклором: «дурак» (9), «Иван-дурак» (1). Связь сельскохозяйственной идиоматики и фольклора очевидна. Изначально сельскохозяйственные идиомы выполняли функцию более легкого запоминания дня и самого вида работы, а бытовой или трудовой задачей всех фольклорных жанров было облегчение работы (создание ритма и т.п.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выделенные нами доминанты свидетельствуют о синкретизме представлений в сельскохозяйственной идиоматике, то есть данные эксперимента показали, что в качестве реакций, данных на сельскохозяйственные реалии, присутствовали понятия из разных сфер жизни человека: религия, познание мира, наука, быт, идеология, искусство и т.д. Однако сакральная семантика профанизируется, то есть культурная информация сельскохозяйственных фразеологизмов либо осознается носителями языка не до конца, либо не считается ими совсем. Следовательно, мы можем говорить о том, что в современном обществе сельскохозяйственные идиомы приобретают черты неологизмов.

На основании анализа существующих фразеологических словарей и сделанных нами наблюдений мы предлагаем следующую структуру словарной статьи для представления анализируемой группы идиом:

1. Заголовочная фразеологическая единица.
2. Перечисление связанных с фразеологической единицей показателей грамматических и смысловых особенностей членов предложения.
3. Толкование (семантизация) фразеологической единицы.
4. Грамматические характеристики фразеологической единицы.
5. Иллюстративный материал.

6. Характеристика морфологических, синтаксических, лексико-семантических, эмоционально-оценочных, стилистических вариантов фразеологической единицы.

7. Культурологический комментарий фразеологической единицы.

8. Показания языкового сознания носителей языка.

Перечисление связанных с фразеологической единицей показателей грамматических и смысловых особенностей членов предложения поможет осознать возможность или невозможность применения фраземы в определенной речевой ситуации, характер ее употребления в тех или иных синтаксических конструкциях. Толкование значения даст четкое понимание смысла данной фраземы, а характеристика морфологических, синтаксических, лексико-семантических, эмоционально-оценочных, стилистических вариантов фразеологической единицы позволит правильно понимать толкование фразеологической единицы в различных контекстах. Связь фразеологизма и культуры осуществлена посредством лингвокультурологического комментария. В нем дается этимология фраземы, ее связь с определенными традициями и обычаями того народа, который способствовал созданию этого устойчивого выражения. Показания языкового сознания носителей языка позволит показать уже на уровне словарной статьи те изменения в смыслах, которые претерпевает идиома на современном этапе развития языка. Также это способствует тому, что люди, используя данный словарь, смогут увидеть смещения в приоритетах понимания той или иной идиомы.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

2. *Ермолов А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 880 с.

3. *Коновалова Н.И.* Мотивационные контексты как показания языкового сознания диалектоносителей. // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2004. – № 2. – С. 51-57.

4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие – М.: Академия, 2001. – 208 с.

5. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.

6. *Некрылова А.Ф.* Круглый год. Русский земледельческий календарь. – М.: Правда, 1989. – 496 с.

7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

©Магонова А.В., 2016

УДК 811.161.1'366(091)
ББК Ц141.12-03+Ш141.12-21

Е.А. Миронова
Оренбург

**Особенности употребления звательного падежа
в челобитных второй половины XVII века**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности употребления звательного падежа в челобитных идеологов старообрядчества – протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого, которые наглядно показывают значительные различия в отборе языковых средств при воплощении сходных мыслей и идей, а также тенденцию к постепенной утрате звательного падежа и замене его именительным.

Ключевые слова: русский язык, церковнославянский язык, звательный падеж, раскол русской православной церкви, протопоп Аввакум, дьякон Игнатий Соловецкий.

Сведения об авторе:

Миронова Екатерина Александровна, аспирант Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

Контакты: 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19;
mironova_k.a@mail.ru

E.A. Mironova
Orenburg

Special features of the use of vocative in the petitions
of the second half of the XVII century

Abstract: Special features of the use of vocative in the old belief ideologists' petitions are considered in the article. The archpriest Avvakum and the deacon Ignatij Solovetsky evidently demonstrate in their petitions the differences in the selection of language means in an embodiment of similar thoughts and ideas. The tendencies to gradual loss of vocative case and replacement it with nominative one also viewed in the article.

Key words: Russian language, Church Slavonic language, vocative, the schism of the Russian Orthodox Church, the archpriest Avvakum, the deacon Ignatiy Solovetsky.

About the author:

Mironova Ekaterina Alexandrovna, Postgraduate of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).

Система русского литературного языка складывалась и развивалась под мощным влиянием экстралингвистических факторов, которые являются параметрами внеязыковой действительности и, как следствие, обуславливают изменения в языке. Воздействуя на язык через его носителей, экстралингвистические или социальные факторы (в последнее время наблюдается тенденция к приравниванию этих понятий в современном языкознании) влияют на эволюцию языка. Кроме того, следует отметить влияние на литературный язык культуры и истории народа, традиций и обычаев, взаимосвязи с социальными институтами, и в первую очередь, с церковью, которая имела колоссальное влияние на средневековое общество. На основе данных суждений мы можем прийти к выводу, что церковнославянский язык, являясь языком Русской православной церкви, оказывал значительное влияние на становление и развитие русского литературного языка вплоть до начала XVIII в., когда в результате реформ Петра I церковнославянский язык сузил свои функции до обслуживания нужд русской православной церкви [4, с. 167].

На основе тесной взаимосвязи церковнославянского языка и Русской православной церкви считаем необходимым рассмотреть особенности влияния экстралингвистических факторов на развитие русского литературного языка в период церковной реформы XVII в. Неоднозначная, но объективно необходимая церковная реформа привлекает к себе особое внимание исследователей на протяжении уже трех с половиной веков. По справедливому замечанию профессора Московской Духовной Академии Н.Ф. Каптерева, церковная реформа была задумана как правка богослужебных текстов, но не патриархом Никоном, который сыграл значительную роль в осуществлении реформы, а самим Алексеем Михайловичем и его духовником – Стефаном

Вонифатьевичем, которым и принадлежит идея исправления церковных чинов, обрядов и книг [7, с. 4]. В связи с этим реформа, к которой прибегает как Алексей Михайлович, так и патриарх Никон, преследуя личные интересы, носит не только религиозный, но и лингвистический характер, потому что богослужебные тексты содержали в себе разного типа разночтения, укоренившиеся веками, и воплощали языковое разнообразие взаимодействия двух языковых стихий [5, с. 155-186]. Исправление богослужебных текстов и обрядов разделило русское православное общество на преемников «старой» и «новой» веры в её лингвистическом воплощении.

В связи с расколом русского православного общества царю Алексею Михайловичу как последней надежде на сохранение истинной веры адресовались челобитные прежде всего идеологов старообрядчества, которые действовали разрозненно, применяли разные методы убеждения, но пытались доказать царю несостоятельность и бесполезность церковной реформы.

В данной связи считаем необходимым обратиться именно к такого рода челобитным. Прежде всего, необходимо прояснить этимологию слова челобитной как названия письменного прошения, которое образовалось от словосочетания *челобитная грамота* [14, с. 239]. Само же прилагательное *челобитная* образовано от существительного *челобитье*, возникшего на базе сочетания *челом бить* – «кланяться, просить» [16, с. 397]. Челобитная как жанр деловой письменности характеризуется относительной устойчивостью формуляра, в отличие от других документов этого периода [10, с. 467]. В ряде случаев исследователи сужают сферу функционирования челобитной в делопроизводстве России XV – начала XVIII вв. до основной формы обращения к государю или просьбы, жалобы, подаваемой центральным или местным властям [13, с. 362].

В связи с тем, что челобитная в период церковных реформ представляет собой особую форму обращения к государю, абсолютно оправданно использование в документах данного типа существительных в форме звательного падежа, который в определённой степени имеет неоднозначный статус в системе древнерусского языка. В частности, Г.А. Хабургаев в «Очерках ис-

торической морфологии русского языка» отмечал, что древнерусскому языку, присуща система шести падежей (именительный, винительный, родительный, дательный, творительный, местный), а звательный падеж, который принято считать седьмым в грамматической традиции, является особой формой обращения большого количества существительных мужского и женского рода в единственном числе [15, с. 47]. А.И. Соболевский относил «именное образование, называемое формой звательного падежа» к числу падежных форм лишь условно, основываясь на близости значений именительного и звательного падежей [12, с. 17-18]. Г.А. Хабургаев, так же, как и А.И. Соболевский, отмечает и то, что форма звательного падежа, употребляясь только в функции обращения, всегда оказывалась вне синтаксических отношений [15, с. 47; 12, с. 18]. Необходимо обратить внимание на то, что звательный падеж был утрачен системой русского литературного языка в к. XIV–XV вв. В настоящее время в русском литературном языке в качестве обращения используется синонимичная форма именительного падежа [8, с. 42].

Отметим, что наряду с формой именительного падежа в челобитных идеологов старообрядчества – протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого продолжается активное использование звательного падежа. В своей главенствующей функции обращения форма звательного падежа в челобитных реализуется, в первую очередь, в зачине текста: *«Свет государыня, всегосподованная **дево**, Ирина Михайловна! Что аз грубый хошу пред тобою рещи, всем, яко мудра еси, **дево**-сосуд божий, избранный»* [2, с. 416], *«Соловецкия обители еклисиярх Игнатий челом бьет царю Алексею Михайловичю, самодержцу всея Руси. Приношу тебе, **самодержавне**, на российское синодальное содержание»* [6, с. 39]. Присутствие звательного падежа может быть объяснено традицией и относительной устойчивостью формуляра челобитной ещё со времён существования звательного падежа как живой формы в древнерусском языке и её востребованностью как реалии церковнославянских текстов в обращении священнослужителей.

Специфика обращения к государю в рамках рассматриваемой исторической ситуации во многом определила эмоциональный

фон челобитной в целом: с одной стороны, частое использование форм звательного падежа было обусловлено церковнославянской традицией, в которой данное языковое явление было типичным, не рудиментарным, с другой – возвышение адресата на фоне преуменьшения адресанта в большей или меньшей степени служило средством убеждения оппонента, рассчитанным на изменение сознания и, как следствие, поведение.

Видимо этим объясняются самые распространенные случаи употребления форм звательного падежа в челобитных типа *царю* и *самодержавне*, поскольку именно в семантике данных слов преобладают специфические властительные семы «*могущества*» и «*обладания*» [9, с. 371]: «*В Благовещенском соборе, царю, Антония Римлянина кресты...*» [6, с. 42], «*Еще, царю самодержавне, богогласный Лука написа крест...*» [Там же], «*Сего, пресветлый царю, прежде нигде пишимо не было...*» [Там же], «*Послушай, молю тя, христолюбивый Царю...*» [3, с. 30]; «*Воистинну, христолюбивый православный царю, многим во откровении бысть...*» [Там же], «*Потщися, надежда наша православный царю, исторгни оного плевелы...*» [Там же], «*Мне мнится, благочестивый царю, дух пытливый таков же иматъ Никон...*» [Там же] и др.

Судя по нашим данным, наряду с формами звательного падежа использовались также существительные в форме именительного падежа. В частности, существительное *государь* в большинстве случаев фиксируется в форме именительного падежа, что в определённой степени свидетельствует о сохранении традиции и на её фоне вытеснения форм звательного падежа именительным. Таким образом, на базе данного языкового материала реализуется тенденция к приравниванию форм именительного и звательного падежей: «*Надежда наша, свет государь, православный царь, услыши грешника мольбу...*» [3, с. 26], «*И не ужто, Государь свет, им так Бог попустил?...*» [Там же], «*И о сих всех, свет государь, благодарю Бога...*» [Там же] и др.

Отмеченная В.М. Марковым зательная форма, обозначающая лицо, к которому обращаются с речью, могла не только находиться в различных отношениях с контекстом, но и включаться в структуру предложения на правах подлежащего (при-

меров данного языкового явления в челобитных идеологов старообрядчества XVII в. нами обнаружено не было). Однако достаточно часто встречаются сравнительно изолированные, самостоятельные вокативные предложения, что наблюдается, когда эта форма обозначает лицо, не мыслимое в качестве участника передаваемых событий [8, с. 42], например: «*О, царю!*» [6, с. 42], «*Се, царю!*» [Там же, с. 43]. Следует отметить, что в рамках вокативных предложений сохраняется тенденция к замене звательного падежа именительным: «*Государь-свет, православный царь!*» [1, с. 281], «*Свет государь, благочестивый царь!*» [Там же, с. 26], «*Свет государь, благочестивый православный царь!*» [Там же, с. 28], «*Царевна, государыня, Ирина Михайловна!*» [2, с. 417], «*Свет-государь!*» [1, с. 287].

Таким образом, выявленные факты особенностей употребления звательного падежа в челобитных идеологов старообрядчества протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого свидетельствуют о его использовании в функции обращения и с целью соблюдения формуляра документа и как дань церковнославянской традиции, однако наличие тех же существительных в форме именительного падежа указывают на значимость изменений, которые произошли в живом русском языке, что позволяет использовать обе формы – традиционную, в данный момент имеющую статус церковнославянской, и новую, русскую, – для убеждения адресата в правоте своей точки зрения, что было необходимо авторам в нестабильную историческую эпоху раскола православной церкви.

Литература

1. *Аввакум протопоп*. Первая челобитная // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. – М.: Academia, 1934. – С. 279–287.
2. *Аввакум протопоп*. Письмо царевне Ирине Михайловне Романовой / под. ред. В.И. Малышева. – М.: Труды отдела древнерусской литературы АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), 1958. – С. 416–418.
3. *Аввакум протопоп*. Челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу // Русский архив, 1864. – Вып. 1. – С. 26–33.

4. *Бекасова Е.Н.* Вопросы образования и развития русского литературного языка. – Оренбург: Изд-во Оренб. ун-та, 2006. – 228 с.

5. *Бекасова Е.Н.* Генетический фон древнерусского текста. – Оренбург: Изд-во Оренб. ун-та, 2010. – 208 с.

6. *Игнатий Соловецкий дьякон.* Челобитная царю Алексею Михайловичу // Памятники старообрядческой письменности. СПб.: РХГИ, 1998. – С. 39–43.

7. *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. – Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1909. – Т. 1. – 533 с.

8. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. – М.: Высшая школа, 1974. – 143 с.

9. *Михайлов А.В.* Парадигматика именований царя в аспекте отношений «царь-народ» // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы десятой международной конференции, посвященной 60-летию кафедры русского языка / под ред. М.В. Пименовой. – Владимир: Транзит-ИКС, 2013. – С. 371–374.

10. *Российский гуманитарный энциклопедический словарь:* в 3 т. / гл. ред. П.А. Клубков. – СПб.: ВЛАДОС: Изд. филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002. – Т. 3. – 704 с.

11. *Словарь* социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

12. *Соболевский А.И.* Церковно-славянская морфология: курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1904.

13. *Советская историческая энциклопедия:* в 16-ти т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Совет. энциклопедия, 1961–1976.

14. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.

15. *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 296 с.

16. *Этимологический словарь русского языка* / гл. ред. Г.А. Крылов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.

©Миронова Е.А., 2016

УДК 372.881.161.1'373.611:373.31
ББК Ч426.819=411.2,2-243

О.М. Морозова
Екатеринбург

**Педагогические условия обеспечения предметных
результатов младших школьников при изучении
темы «Состав слова»**

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема достижения детьми предметных результатов освоения (предмет русский язык) с учетом реализации следующих педагогических условий: управление процессом достижения предметных результатов, самоконтроль и взаимоконтроль. На основе анализа УМК по русскому языку «Школа России» и «Школа 2100» (раздел «Состав слова») выявлена и обоснована необходимость дополнения методического аппарата учебника заданиями на самоконтроль и взаимоконтроль. Автором разработан дидактический комплекс на основе УМК «Школа 2100», данный комплекс содержит три блока заданий.

Ключевые слова: русский язык, младший школьник, предметные результаты, состав слова, УМК «Школа России» и «Школа 2100», самоконтроль, взаимоконтроль, педагогические условия.

Сведения об авторе:

Морозова Ольга Михайловна, студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; morozovaolga1994@yandex.ru.

O.M. Morozova
Yekaterinburg

Pedagogical conditions of maintenance of subjectthe results of the study of elementary school pupils at study of theme"The composition of word"

Abstract: This article deals with the problem of children reach substantive results of development (the subject of the Russian language), taking into account the implementation of the following ped-

agogical conditions: managing the process of achieving tangible results, self-control and mutual control. Based on the analysis of the teaching materials for Russian language «School of Russia» «School 2100» (section «Composition of words ») and identified the necessity to complement the methodological apparatus of the textbook tasks for self-control and mutual control. The author developed a didactic complex on the basis of UMK « School 2100», this complex contains three sets of tasks.

Key words: Russian language, junior schoolchild, meaningful results, the composition of words, UMK «School of Russia» and «School 2100», self-control, mutual control, pedagogical conditions.

About the author:

Morozova Olga Mikhajlovna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Реализация федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования предполагает обеспечение овладения детьми личностными, метапредметными и предметными результатами освоения основной образовательной программы начального общего образования. Предметные результаты освоения программы по русскому языку в ФГОС определены с учетом знаний, которыми овладевает ребенок, действий, необходимых для освоения того или иного раздела предмета, и сведений о норме [5]. В плане достижения предметных результатов особенно важно освоение детьми темы «Состав слова», так как в результате изучения данной темы ученик овладевает такими логическими операциями, как синтез и анализ состава слова, определяет состав слова и владеет всеми необходимыми действиями для разбора слов по составу, что необходимо для овладения письменной речью, а именно орфографией. Овладение данными логическими операциями, способами действия соответствует возрастным особенностям младших школьников, у которых развито внимание, память и логические операции.

Методический аппарат учебников направлен на достижение детьми при изучении темы «Состав слова» следующих результатов: знания о единицах морфемного уровня системы языка, владение действиями с единицей морфемного уровня языка, ов-

ладение представлениями о нормах русского языка, соотносимыми с морфемным составом слова. Традиционно, именно данные результаты связываются с темой «Состав слова», это мы увидели в трудах методистов Г.Л. Евсюковой, А.Ю. Устинова [1, с. 39; 4, с. 24]. Однако в методическом аппарате больше внимания уделяется формированию знаний и способов действия, «нормативный аспект» представлен менее последовательно. В методическом аппарате учебников заложено такое условие достижения предметных результатов, как обеспечение предметных результатов как дидактическое обеспечение, другие условия учитываются менее последовательно, а именно, управление процессом достижения предметных результатов, самоконтроль и взаимоконтроль, поэтому далее мы остановимся на реализации данного педагогического условия.

Рассмотрим учебники русского языка В.П. Канакиной и В.Г. Горещкого, входящие в учебно-методические комплексы «Школа России» и «Школа 2100», авторы Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева. Проанализируем содержание раздела «Состав слова», обратившись прежде к учебно-методическому комплексу «Школа 2100».

В период обучения грамоте из раздела «Словообразование» сначала дети знакомятся с понятием *однокоренные слова*. Далее происходит ознакомление с корнем, суффиксом, приставкой и их графическим обозначением. Дети наблюдают за приставочным и суффиксальным способами образования слов. После завершения курса обучения грамоте дети повторяют и систематизируют знания об однокоренных словах, выделении корня слова и нахождении приставки.

Во 2-м классе учащимся даётся определение корня, однокоренных слов, суффикса, приставки, затем на конкретных упражнениях дети учатся правильно выделять эти части. Дети знакомятся с определёнными суффиксами имён существительных: *-ок-*, *-тель-*, *-ушк-*, *-юшк-*, *-ёнок-*, *-онок-*, *-ят-*, *-ищ-*, их значениями, учатся видеть эти суффиксы в словах, образовывать слова с этими суффиксами. Также происходит знакомство с группой приставок, сходных по написанию с предлогами: *с*, *от*, *за*, *на*, *по*, *про*.

В 3 классе происходит закрепление понятий *корень слова, однокоренные слова, приставка, суффикс*, развитие умения видеть корень в однокоренных словах, в том числе с чередующимися согласными; находить в слове корень путем подбора и сопоставления однокоренных слов, видеть в словах знакомые приставки и суффиксы, образовывать с их помощью новые слова. Знакомство с суффиксами *-ек-, -ик-, -к-, -оньк-, -оват-, -еват-, -ишк-, -ышк-*, их значением, образование слов с помощью этих суффиксов. Развитие умения писать слова с безударными гласными в приставках. Знакомство со сложными словами. Дается определение окончания, основы слова, роль окончания в слове, предложении. Дети выполняют полностью разбор слова по составу. Учатся пользоваться двумя способами проверки: подбором однокоренных слов и изменением формы слова.

В 4 классе дети продолжают наблюдение за словоизменением и словообразованием имён существительных, имён прилагательных, глаголов, личных местоимений, разбирают по составу доступные существительные, прилагательные, глаголы, тренируются в образовании этих частей речи с помощью суффиксов и приставок, в подборе однокоренных слов, относящихся к различным частям речи.

Анализируя учебник русского языка по программе «Школа 2100», мы пришли к выводу, что выпускник научится: различать изменяемые и неизменяемые слова, различать родственные (однокоренные) слова и формы слова, находить в словах с однозначно выделяемыми морфемами окончание, корень, приставку, суффикс. Выпускник получит возможность научиться разбирать по составу слова с однозначно выделяемыми морфемами в соответствии с предложенным в учебнике алгоритмом, оценивать правильность проведения разбора слова по составу.

Перейдем к анализу учебно-методического комплекса «Школа России».

В 1 классе из области морфемики дети получают первоначальное представление о составе слова: о корне, приставке, суффиксе, об однокоренных словах. Первоначальные представления о составе слова дети получают без введения понятий. Познакомившись с корнем, приставкой, суффиксом и однокорен-

ными словами дети осваивают графическое обозначение частей слова (кроме окончания).

Во 2-м классе школьники начинают знакомство со словообразованием. Прежде чем перейти к изучению однокоренных слов и корню слова, второклассники знакомятся с родственными словами. Далее учащиеся знакомятся с определениями – *однокоренные слова и корень слова*.

В 3 классе происходит знакомство с суффиксами и приставками *по-, под-, на-, за-, до-, об-, от-, с-, в-; -ек-, -ик-, -к-, -ат-, -ят-, -иц-, -их-, -ниц-, -оньк-, -оват-, -еват-, -ишк-, -ышк-*, их значением, образованием слов с помощью этих приставок и суффиксов. Чтобы детям легче было находить в словах корень, приставку, суффикс, окончание, авторы учебников разработали памятки. Дети выполняют полностью разбор слова по составу. Учатся пользоваться двумя способами проверки: подбором однокоренных слов и изменением формы слова.

В 4 классе дети продолжают наблюдение за словоизменением и словообразованием имён существительных, имён прилагательных, глаголов, личных местоимений, разбирают по составу доступные существительные, прилагательные, глаголы, тренируются в образовании этих частей речи с помощью суффиксов и приставок, в подборе однокоренных слов, относящихся к различным частям речи. В данном классе происходит знакомство с правописанием гласных и согласных в значимых частях слова (корне, приставке, суффиксе, окончании, основе слова).

На основе проведенного анализа учебника по русскому языку в программе «Школа России» мы пришли к выводу, что выпускник научится: подбирать родственные (однокоренные) слова, отличать их от синонимов, а также слов с омонимичными («похожими») корнями, находить в словах с однозначно выделяемыми морфемами окончание, корень, приставку, суффикс, грамотно писать наиболее распространенные приставки и суффиксы, производить разбор доступных слов по составу, оценивать правильность проведения разбора слова по составу.

По мнению А.П. Еремеевой, тема «Состав слова» является для младших школьников трудной и вместе с тем исключительно важной. «Трудна она потому, что успешное и действенное

усвоение понятий морфем (частей слова) предполагает наличие у школьников достаточно развитого абстрактного мышления и умения наблюдать факты языка, анализировать их с тем, чтобы делать самостоятельно (при направляющем руководстве учителя) и осознанно выводы и обобщения» [2, с. 65].

В результате анализа учебно-методических комплексов «Школа России» и «Школа 2100», мы видим, что выпускник научится различать изменяемые и неизменяемые слова, различать родственные (однокоренные) слова и формы слова, находить в словах с однозначно выделяемыми морфемами окончание, корень, приставку, суффикс, научиться разбирать по составу слова с однозначно выделяемыми морфемами в соответствии с предложенным в учебнике алгоритмом (подробнее о знаниях и умениях, осваиваемых при изучении темы «Состав слова» можно получить из работ методистов М.Р. Львова) [3]. При этом методический аппарат школьного учебника не дает ребенку возможности самостоятельно оценивать правильность собственных действий, использовать взаимоконтроль при освоении состава слова.

Рассмотрим, как можно дополнить методический аппарат учебника самоконтролем и взаимоконтролем. Предложенный нами дидактический комплекс разработан на основе УМК «Школа 2100». Данный комплекс содержит три блока заданий:

- задания первого блока направлены на освоение первоначальных научных представлений об основных единицах языка;
- задания второго блока направлены на овладение учебными действиями с языковыми единицами;
- задания третьего блока направлены на овладение первоначальными представлениями о нормах русского языка, соотносимыми с морфемным составом слова.

В рамках каждого блока детям предлагаются задания, направленные на осознание получаемой информации и осознанное овладение способами действиями по морфемному и словообразовательному составу слова, также предлагаются задания, направленные на самоконтроль и взаимоконтроль.

Самоконтроль ребенок осуществляет по образцу, записанному учителем на доске, по образцу задания, ранее выполненного другим учеником. В рамках самоконтроля обеспечивается воз-

возможность контролировать свою деятельность с учетом владения способами действия.

Управление деятельностью направлено на осознание детьми необходимости и целесообразности её содержания, то есть ребенку в системе предлагаются вопросы, зачем это нужно делать и знать, поэтому дидактический комплекс дополнен заданиями, направленными на осознанное овладение предметными знаниями (в рамках темы «Состав слова») и способами действия.

В рамках первого блока мы предлагаем следующие задания:

1) Обозначь корни в ряду слов и подчеркни лишние слова.

Вода, водичка, водяной, водитель, водный.

Море, мороженое, морской, моряк, заморский.

2) Измени слова так, чтобы они обозначали много предметов. Запиши. Выдели окончания.

Туча – тучи, абрикос – _____, ананас – _____,

арбуз – _____, барсук – _____,

берег _____, бегемот – _____.

Зачем нужно уметь выделять окончания?

При этом самоконтроль и взаимоконтроль обеспечивается заданиями:

3) Закончите предложения:

Корень слова – это _____ часть слова.

Слова с одним и тем же корнем называются _____.

Чтобы правильно найти в слове корень, нужно _____.

Суффикс – это _____.

Приставки образуют _____

Проверь себя самостоятельно, сравнив свои ответы с правилом в учебнике.

4) Подбери по смыслу и правильно впиши приставки *за-, под-, до-, на-, с-*.

_____ *делать щель в полу*

_____ *делать пельменей*

_____ *делать оставшуюся работу*

_____ *делать чужую подпись*

_____ *делать свою работу*

_____ *делать ошибок*

Поменяйтесь тетрадами и проверьте работы друг друга по эталону на доске.

В рамках 2 блока мы предлагаем следующие задания:

5) Подбери и запиши однокоренные слова к словам – *лес, класс, гора*. Выдели корень. Зачем нужно уметь подбирать однокоренные слова?

6) Образуй однокоренные слова приставочным способом, выдели приставку. Образуй однокоренные слова суффиксальным способом, выдели суффикс.

Письмо – ...

Зачем нужно уметь образовывать однокоренные слова приставочным и суффиксальным способом?

Самоконтроль и взаимоконтроль обеспечивается заданиями:

7) Образуйте от слова *бежать* как можно больше слов с разными приставками. Напишите слова. Выделите приставку. На доске вы видите правильно выполненное данное задание, проверьте свою работу самостоятельно.

8) Какой частью слова похожи слова: *соловушки, воробушка, бабушка, дедушка*? Выдели эту часть слова. Проверь себя самостоятельно, сравнив свою работу с эталоном учителя.

В рамках 3 блока мы предлагаем следующие задания:

9) Чем отличаются слова *вода* и *водичка*? Запиши данные слова к себе в тетрадь, выделите корень и суффикс.

10) Каким словом можно ласково назвать *хлеб*? Выдели суффикс в этом слове.

Самоконтроль и взаимоконтроль обеспечивается заданиями:

11) Преврати слова с помощью суффикса – *-чик* в добрые и ласковые: *трамвай, стакан, карман, лимон, фазан*. Ответьте на вопрос: Какое еще значение вносит суффикс *-чик* – в слово?

Поменяйтесь тетрадами и проверьте работы друг друга по эталону учителя.

12) Каким словом можно ласково назвать *солнце, рыбу, хлеб, кот*? Выдели суффиксы в этих словах.

Проверь правильность своей работы по эталону самостоятельно.

Таким образом, мы обеспечили реализацию следующих педагогических условий:

1) управление процессом достижений предметных результатов, что обеспечивает реализацию комплекса упражнений;

2) реализация предметного содержания через комплекс упражнений, направленный на освоение детьми знаний о составе слова и умение, связанное с характеристикой состава слова, а также на формирование представлений о нормах литературного языка;

3) осуществление детьми самоконтроля и взаимоконтроля, формирование умений, связанных с учебными действиями, с языковыми единицами в рамках темы «Состав слова».

Литература

1. *Евсюкова Г.Л.* Работа над морфемным составом слова (суффиксы) // Начальная школа. – 2008. – №3. – С.38-41.

2. *Еремеева А.П.* Особенности изучения понятий раздела «Словообразование» в начальной школе // Начальная школа плюс до и после. – 2013. – № 1. – С. 63-68.

3. *Львов М.Р., Горецкий В.Г., Сосновская О.В.* Методика преподавания русского языка в начальных классах. – М.: Академия, 2007. – 464 с.

4. *Устинов А.Ю.* Функционально-семантический подход к изучению средств языковой модальности в школьном курсе русского языка: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М.: [б. и.], 2009. – 46 с.

5. *Федеральный* государственный образовательный стандарт начального общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М., 2010.

©Морозова О.М., 2016

УДК 821.161.1'04-31
ББК ЦЗЗ(2Рос=Рус)4-8,43

А.Л. Николаева
Оренбург

Концепт *семья* в «Повести о Петре и Февронии»

Аннотация: «Повесть о Петре и Февронии Муромских» – уникальное произведение древнерусской литературы, написанное Ермолаем-Еразмом в середине XVI века, посвящённое жизни святых чудотворцев благоверного князя Петра и супруги его, княгини Февронии, считающихся в Русской православной церкви покровителями семьи и брака. Памятник древнерусской письменности впервые представляет личную жизнь человека в сложном переплетении представлений о сущности брака и семьи в фольклоре и церковных традиционных текстах. В связи с этим особенности содержания и значимость данного памятника позволяют рассмотреть на его материале концепт *семья*. Для русского человека того времени большое значение имела религия – «Повесть» раскрывает смысл выражения «семья – малая церковь» (на примере трёх семей).

Ключевые слова: древнерусская литература, «Повесть о Петре и Февронии», Ермолай-Еразм, церковнославянский язык, язык фольклора, концепт *семья*.

Сведения об авторе:

Николаева Анастасия Львовна, студент 3 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

Контакты: 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19;
anastasiya.nikol@inbox.ru.

A.L. Nikolaeva
Orenburg

The concept of family in "The Tale of Peter and Fevronia"

Abstract: The «Tale of Peter and Fevronia of Murom» is unique book of Old Russian literature which was written by Ermolay-Erasm in XVI century and was dedicated to life of saint prince Peter and his

wife Fevronia. They are patrons of family and marriage in the Russian Orthodox Church. Monument of Old Russian literature shows private life in context of family and marriage in folklore and religious texts. That's why we can explore concept family using the Tale. Religion was very important for Russian of that time – the Tale explains sense of expression “family is little church” (in terms of three families)

Key words: Old Russian literature, The «Tale of Peter and Fevronia», Ermolay-Erasm, Church Slavonic language, language of folklore, concept *family*.

About the author:

Nikolaeva Anastasya L'vovna, Student of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).

В середине XVI века в связи с необходимостью утверждения собственных святых на территории Руси появляется уникальный памятник древнерусской письменности – «Повесть о Петре и Февронии Муромских», описывающая жизнь муромских святых. Уникальность «Повести» заключается в переплетении житийных и сказочных сюжетов, что, конечно же, отразилось и на языке произведения.

В связи с тем, что «Повесть о Петре и Февронии Муромских» – единственное в мировой литературе произведение о счастливой семейной жизни [7, с. 274], мы считаем возможным рассмотреть особенности представления в нем концепта *семья*.

В современной лингвистике сложилось несколько представлений понятия *концепт*. Ю.С. Степанов осмысляет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9, с. 365].

Н.Д. Арутюнова видит в концепте результат взаимодействия традиций, устного народного творчества, религии, жизненного опыта, ощущения и системы ценностей [1, с. 4].

Вышеприведенное свидетельствует о многообразии трактовок понятия *концепт* и, как следствие, об отсутствии

общепринятого определения. Однако неоспоримым является следующий факт: *семья* – основополагающий концепт в культуре любого народа, в сознании любого человека.

Рассмотрим понятие *семья* в различных словарях.

Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского отмечены два основных значения слова *семья*: 1) ‘челядь, домочадцы, рабы’, которые в Древней Руси формировались, как правило, за счет обедневших родственников; 2) ‘семья, семейство’ [8, с. 893].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слова *семья* нет, но есть слово *смейство*, которое определяется как «совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесн. знач. родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью <...> В естеств. истории: разряд подобных и сродных, схожих; смейство кошек, кошачье: лев, тигр, барсы, все роды кошек; семья грибов, папоротников. Иногда семья есть подразделение разряда» [4, с. 176].

Толковый словарь Д.Н. Ушакова дает только прямое значение: *семья* – «группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и ближних родственников, живущих вместе» [11, с. 432].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *семья* трактуется как: «1. группа живущих вместе близких родственников. 2. Перен. Объединение людей, сплоченных общими интересами (высок.). 3. Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детенышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида» [7, с. 711].

«Новейший философский словарь» трактует *семью* как «основанное на браке или кровно-родственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью; первичную институционализируемую социальную форму совместной жизни людей» [3, с. 609].

Из приведенных статей следует, что данное слово является полисемичным, имеющим как прямое, так и переносное значение.

Отметим, что в средневековом древнерусском памятнике «Повесть о Петре и Февронии» большое значение имеет религиозная составляющая, что достаточно показательно в представлении понятия *семья* в русской религиозной философии. В.В. Розанов считает, что семья – это «дом Божий», где «все вместе» и где основными ценностями, связывающими супругов, являются уважение и взаимная любовь [5, с. 235]. По мнению В.С. Соловьева, «семья – это не только сфера нравственности, но и сфера восхождения от нравственности к религиозности» [5, с. 235].

Нам представляется возможным рассмотреть данный концепт через призму составляющих его понятий, т.е. через наименования родственников, которые использует Ермолай-Еразм 67 раз: *супруга* – 3, *супруг* – 2, *жена* – 18, *муж* – 2, *брат* – 24, *сноха* – 5, *отец* – 6, *мать* – 6, *сестра* – 1. Показательно неширокое (в плане разнообразия представлено всего лишь девять лексем), но довольно частотное использование наименований одних и тех же родственников. Например, синонимичные *супруга* и *жена*, найденные нами в «Повести» 21 раз, употреблены в первой части прежде всего для называния жены князя Павла; слово *брат* в первой части выступает как синоним для обозначения князя Петра. Слова *отец* и *мать* всегда идут рядом, соединяясь с помощью союза *и*. Использование наименований родственников говорит о немаловажности родственных связей в жизни средневекового русского человека. Ведь именно родные всегда готовы прийти на помощь, подать руку в трудную минуту. Родные сохраняют свой род (шире – жизнь) на земле, традиции и предания (шире – культуру).

Стоит отметить, что в столь небольшом произведении перед нами предстают целых три семьи: это семья князя Павла, семья Февронии и семья Петра и Февронии.

С семьей князя Павла, по мнению А.Н. Ужанкова, связана тема ума – одна из доминирующих тем «Повести»: «...в человеке главенствует ум – духовная сущность, управляющая словом и духом» [10]. «Неприязневый змей» не может причинить вред Павлу, поскольку он благоверный, т.е. пребывающий в вере,

поэтому вредит его жене (а муж и жена – едина плоть). *«Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумеяшеся»*, «т.е. ему недостает ума – духовной сущности» [10]. Почему вдруг Павлу, человеку верующему, умному, трудно разрешить эту проблему? «Не о Павле-князе Промысл Господень, не ему и загадку разгадывать», – отвечает Ужанков. Единственное, что удастся узнать Павлу с помощью хитрости жены, – это то, от кого и чего придет смерть змею. Вследствие этого проблемы Павла и его жены будут решены членом их семьи – младшим братом Петром. Таким образом, семья Павла тесно связана с будущей семьей Петра: по большому счету, благодаря ей появился новый союз, новые члены семьи, усилились родственные связи. Семейственность в средневековом значении слова укрепляется благодаря деянию Петра, однако в поле зрения автора находится бинарная позиция *муж-жена*.

Петр, окропленный кровью змея, покрывается струпами. Соприкосновение со злом дало внешнее проявление и внутреннее: Петр искал не врачевания, а исцеления. Врачевать можно тело, исцелять – душу. Возможно, по воле божьей недуг был послан князю лишь для того, чтобы тот встретил целителя. Целителя мудрого, чуткого, вечного, т.е. жену. Феврония не берется целить чужого ей человека, поэтому она требует, чтобы чужой стал родным (*«Она же ни мало гневу подержав рече: “Аще будет ми супружник, да будет уврачеван”»*), при этом она предвидит будущие трудности, размышляет, сможет ли она, крестьянская девушка, стать супругой князю. О семье Февронии в девичестве сказано немного: у нее есть отец, мать и брат; отец и брат занимаются бортиничеством.

Семья Петра и Февронии интересует автора в большей степени: в тексте она показана в развитии.

Молодые супруги всегда сталкиваются не только с неизвестными им до этого радостями, но и проблемами, узнают друг друга в быту. Вспомните эпизод, в котором Феврония по простонародной привычке собирает хлебные крошки в ладонь (хлеб – всему голова, достается тяжким трудом, поэтому его надо беречь); Петр хочет отучить ее, но, видя в руке супруги фимиами, отказывается от этой мысли: *«“обычай” жены, пусть*

несоответствующий привычкам супруга и даже противоречащий придворному этикету <...>, свят и должен приниматься мужем с благоговением» [2].

Были и испытания извне. Бояре, по наущению своих жен, чьим поведением руководила зависть, ставят князя Петра перед выбором: или княжество, или семья. Петру непросто оставить своих подданных на произвол судьбы, но еще сложнее потерять своё единство с женой. Благодаря мудрости супруги из двух зол на его долю выпадает меньшее. По воле божьей изгнание Петра и Февронии из Мурома прекращается самими гонителями и Петр может исполнять свою земную миссию, свой христианский долг. Теперь супруги воспринимаются боярами как единая душа и плоть (гонец, обращаясь к супругам, использует двойственное число: *«Господи княже! От всех велмож и от всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но возвратиши на свое отечество»*). Ермолай-Еразм не упоминает, были ли у святых родные дети, но их семья от этого не оскудела: «для всех своих подданных они были как отец и мать, а не как владыки» [2].

В ожидании кончины Петр и Феврония уходят в монастырь. Позволим себе высказать предположение, что именно поэтому в «Повести» не упоминаются ни родственники, ни дети Петра и Февронии, поскольку они, выполнив свой долг, передав княжество сынам, ушли в монастырь. «Брачные обеты даже после пострига сохраняют для них свою силу, потому что они исполняют и последнее свое обещание друг другу — умереть одновременно» [Там же]: они не могут остаться друг без друга даже на небольшое время, поэтому после смерти их тела находят *«в едином гробе»*.

Таким образом, концепт *семья* – основополагающий концепт в ментальности каждого народа; краеугольный камень русской литературы, не разрушаемый ветрами и водами летящих вперед времен. Семья Петра и Февронии – пример идеальной христианской семьи. «Святости они достигли не многочадием, но взаимной любовью и хранением святости брака» [Там же].

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия: монография. – М.: Наука, 1993. – С. 3-6.

2. *Беглов А.Л.* Испытания для Петра и Февронии // Альфа и Омега. – 1998. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/015/015-begl-fr.htm>.
 3. *Грицанов А.А.* Новейший философский словарь – Минск, 1999. – 896 с.
 4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; М., 1909. – Т. IV.
 5. *Замбатова А.Т.* Аксиологическая концепция семьи в русской религиозной философии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Вып. 12. – С. 233-238.
 6. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – Л.: Художественная литература, 1987. – 528 с.
 7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2007. – 944 с.
 8. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1903. – Т. III.
 9. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1997. – 824 с.
 10. *Ужанков Н.А.* "Повесть о Петре и Февронии Муромских" (Герменевтический опыт медленного чтения) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/1782.htm>.
 11. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М., 1940.
 12. *Юлтимирова С.А.* Различные подходы к трактовке термина «концепт» // Матер. I Междунар. науч.-практ. конф. «Научный потенциал мира – 2006». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_jultimirova.doc.htm
- ©Николаева А.Л., 2016

УДК 372.881.161.1'42
ББК Ч426.819=411.2-270

Ю.В. Смирнова
Екатеринбург

**Цепочечный ассоциативный эксперимент
как прием порождения текста**

Аннотация: В статье рассматривается цепочечный ассоциативный эксперимент, соединенный с методикой создания текста по ключевым словам как один из вариантов обучения учащихся текстопорождению. Автор данной статьи ставит задачи определить самые частотные слова-реакции на стимульное слово *весна*, выявить взаимосвязь ключевых слов-реакций и распределить их по тематическим группам, а также интерпретировать полученные тексты учащихся с учетом их жанровых особенностей. В результате автор данного эксперимента подтверждает гипотезу о том, что создание собственных текстов зависит преимущественно от характера ассоциативного наполнения слова, а жанровая направленность текста определяет актуализацию этих связей.

Данная статья имеет практическую значимость, так как может быть использована учителями русского языка. Психолингвистическая методика позволит «оживить» стандартный урок и сделать его нестандартным.

Ключевые слова: текст, жанр, цепочечный ассоциативный эксперимент, ключевые слова, порождение текста.

Сведения об авторе: Смирнова Юлия Владимировна, магистрант 2 года обучения Уральского педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; iulyasmirnova@yandex.ru.

Yu.V. Smirnova
Yekaterinburg

Chain-association experiment as a method of text production

Abstract: This article is about chain-association experiment which is connected with a method of creating texts by key words. This method is only one of many other ways of teaching students creating texts.

The author of this article sets some goals: to find the most frequently used words-associations to the word *spring*, to reveal interrelation of the key words and distribute them into the thematic groups, to interpret students texts taking into account their genre features.

As a result, the author of this experiment confirms the following hypothesis: creating of your own texts mainly depends on the associative filling of the word. Besides, genre orientation of the text defines the actualization of these connections.

This article has practical importance as it can be used by Russian language teachers. No doubt this technique can help make ordinary lessons more interesting and creative.

Key words: text, genre, chained associative experiment, key words, creation of the text (or text production).

About the author:

Smirnova Yuliya Vladimirovna, Undergraduate of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Главной целью обучения русскому языку является содействие развитию коммуникативной культуры учащегося, так определяют его направленность Федеральный образовательный стандарт (введение ФГОС ООО (третьего поколения) декларирует ту же позицию). Курс учебного предмета «Русский (родной) язык» в рамках ФГОС направлен на формирование коммуникативной, языковой, лингвистической (языковедческой) и культуроведческой компетенций.

Одним из важнейших метапредметных результатов освоения выпускниками школы программы по русскому (родному) языку является умение создавать устные и письменные тексты разных типов, стилей речи и жанров с учетом замысла, адресата и ситуации общения, а также способность свободно, правильно излагать свои мысли в устной и письменной форме, соблюдать нормы построения текста (логичность, последовательность, связность, соответствие теме и др.).

Современные учебные программы нуждаются в привлечении психолингвистического подхода: учет модальностей восприятия и межполушарной асимметрии головного мозга учащихся.

Сегодняшний учитель знает, что материал осваивается современными учащимися по-разному, в силу их психологических особенностей [1]. «Современный учитель должен в совершенстве владеть не только своим предметом, но и хотя бы элементарными навыками диагностики особенностей восприятия детьми получаемой информации, стратегий и способов ее обработки, хранения и воспроизведения» [5]. Практикующий учитель должен быть психолингвистом, так как «знание особенностей организации мыслительной деятельности позволит ему не только понять реакцию учеников на разные интеллектуальные и коммуникативные задачи, но и... разработать индивидуализированные технологии включения детей в образовательный процесс и сделать их успешными и творческими» [5].

Чтобы сделать учебный процесс по-настоящему увлекательным и интересным, можно обратиться к психолингвистическим методикам освоения материала [2]. Мы считаем, что эффективным приемом порождения текста является цепочечный ассоциативный эксперимент как достаточно достоверная и простая методика изучения языковой картины мира, языкового сознания и мышления индивида.

В психолингвистике разработано несколько основных вариантов проведения ассоциативного эксперимента:

1. **Свободный** ассоциативный эксперимент. Испытуемым не дается никаких ограничений на словесные реакции.

2. **Направленный** ассоциативный эксперимент. Испытуемому предлагается называть только слова определенного грамматического или семантического класса.

3. **Цепочечный** ассоциативный эксперимент. Испытуемому предлагается реагировать на слово-стимул сразу несколькими словесными ассоциациями — например, назвать в течение 20 секунд 10 различных слов или словосочетаний [3; 6; 8].

В нашей работе мы использовали третий вид ассоциативного эксперимента и соединили его с методикой создания текста по ключевым словам.

Методика создания текста по ключевым словам – это один из вариантов обучения учащихся текстопорождению. Как правило,

ключевые слова даются в готовом виде учителем. Проведенный нами эксперимент, направленный на формирование развития умения конструировать текст из слов, несколько отличается от данной методики. Цепочечный ассоциативный эксперимент предполагает создание семантического ряда слов посредством стимульного слова и вызванных им последовательных реакций, что позволяет создать актуальное семантическое поле для каждого отдельного респондента [4; 7]. Полученный материал мы использовали как ключевые слова для создания текста.

Цель эксперимента:

- определить самые частотные слова-реакции на стимульное слово *весна*;
- выявить взаимосвязь ключевых слов – реакций и распределить их по тематическим группам;
- интерпретировать тексты учащихся, полученные с учетом их жанровых особенностей.

Гипотеза: создание собственных текстов зависит преимущественно от характера ассоциативного наполнения слова. При этом жанровая направленность текста определит актуализацию этих связей.

В эксперименте приняло участие 25 учащихся 5 класса, из них справились с заданием только 24 человека. Один ученик не смог собрать текст из стимульного материала. Учащиеся, которые справились с заданием, преимущественно кинестеты – 13 (54%); из визуалов – 7 (29 %), есть учащиеся со смешанным типом восприятия – 4 (16 %).

Испытуемым было предложено следующее задание: приведите последовательный ряд реакций на заданное слово. У вас должна получиться цепочка из 10 слов. Используя данные слова, создайте текст в определенном жанре.

Обучающимся было предложено в качестве стимульного слова – *весна*, которое вызвало самые разные ассоциации у испытуемых.

В результате проведенного эксперимента ключевыми словами, составляющими ядро слова *весна*, стали реакции: *тепло* 7 (первая реакция 4 ч.); *цветы* 6; *лужи* 6 (первая реакция 3 ч.); *вода* 5; *зелень* 4; *ручьи* 4; *хорошо* 3; *смех* 3; *радость* 3; *листья* 3

(первая реакция 3 ч.); *деревья 2; кораблик 2; солнце 2 (первая реакция 1); время года 2; резиновые сапоги, оценка, дневник, радость, теплота, подснежник, растение, красота, улыбка, веселье, хохот, ручеек, мальчики, хулиганы, злые, отбирают, веселятся, грустят, шустрые рыбы, играть смеяться, зеленые кусты, пушистые мохнатые звери, сородичи зайца, тает, синие, лед, мокро, красиво, потепление, чудесно, снег тает, не холодно, не учимся, не ходим в школу, сидят дома, гуляют, тень, прохлада, море, пляж, песок, замок из песка, таяние снега, сырость, грязь, слякоть, роса, водичка, птицы поют, травка, игры на воздухе, развлечения, красота, пробуждение, свежесть, победа, стремительность, народ, Москва, Кремль, страна, ноги мокрые, погода, Урал, Полевской, любимый дом, праздник, 4 четверть, оценки за четверть, скоро лето, учеба, тетрадь, писать, говорить, ярче светит солнце, желтое, цвет, красота, чистота, аккуратность, чисто, свежо, скоро лето, бег по лужам, скользко, грязь, трата сил, играть, каникулы.*

При анализе ответов ассоциативного эксперимента можно выделить

- синтагматические ассоциации: *ноги – мокрые; запах – приятный*
- парадигматические ассоциации: *животные – заяц (отн. субордин.), лужи – вода;*
- тематические ассоциации: *весна – тепло; солнце – ярко; Москва – Кремль.*

Полученные ключевые слова - реакции мы разбили на разные тематические группы по следующим параметрам:

- временная организация: *неделя, месяцы, 4 четверть;*
- учебная сфера: *дневник, оценки, не учимся, не ходим в школу, оценки за четверть, сидят дома, говорить, писать, тетрадь, каникулы, скоро лето, мальчики, хулиганы, учеба;*
- слова со значением отвлеченного понятия и оценки: *хорошо, тепло, смех, аккуратность, таяние, грустят, веселятся, сырость, грязь, не холодно, красиво, пробуждение, свежесть, стремительность, улыбка, веселье, хохот, чудесно, мокро;*

- слова, связанные с природными явлениями, погодой, природой: *солнце, по лужам, скользко, грязь, листья, зелень, вода, деревья, цветы*;

- слова, называющие географические объекты: *Кремль, Москва, Урал, Полевской, море*.

Выделение данных тематических групп даёт основание утверждать, что тексты, созданные учащимися, связаны не только с темой весны, природы, но и с темой школы или отдыха. В группе ключевых слов, объединённых учебной тематикой, встретилось много глаголов. Это даёт основание предположить, что в этом направлении тексты должны носить повествовательный характер или характер рассуждения. Описательные тексты преимущественно будут о весне, хотя тема природы может встретиться в любом жанре текста.

Интерпретация текстов показала, что 13 (54 %) человек написали текст в жанре описания. Это тексты построены с помощью своеобразных синтаксических конструкций: номинативных восклицательных предложений, чаще односоставных предложений. В текстах встречаются слова с оценочным значением, слова, передающие состояние человека или природы. Это, как правило, статическое описание природы.

Например: *«Весна! Хорошо! Кругом зелень, листья, деревья. Сядешь под ветвистое дерево в прохладный тенечек, и сразу вспомнится вода, море, пляж. Кажется, вот сидишь на желтом песочке и лепишь со своими друзьями замки из песка, а мимо тебя малышня пробегает, веселиться»* (Соколова Ксения, ученица 5 класса).

Данный описательный текст построен в большей степени из существительных. Он передает психическое состояние автора через слово категории состояния *хорошо*, что также даёт оценку окружающему миру вокруг. Положительные эмоции вызваны воспоминаниями о море, пляже, воде. Текст построен на этих образах, связанных с летом (*зелень, листья*) и, следовательно, лишен динамики. Основу текста составляют односоставные предложения, также используются сложные предложения с разными типами односоставных предложений в качестве частей.

Наряду со статическим описанием встречаются тексты динамического характера:

«В наш город пришла весна! Весной становится тепло, приятно, хорошо. Наверно, где-то сейчас журчат ручьи, птицы поют, распускаются цветы, деревья зеленеют, травка появляется. А на травке роса» (Приданникова Валерия, ученица 5 класса).

Первое предложение ученицы хотя и носит повествовательный характер, но уже во 2-м предложении меняется функциональная тональность текста. Появляются глаголы несовершенного вида, настоящего времени, подчеркивающие отсутствие хода событий во временной последовательности. В тексте есть безличные предложения со словами категории состояния.

Рассмотрим также статическое описание с элементами динамического, где ученик использует восклицательные предложения в качестве организующего начала:

*«Весна - самое прекрасное время года. **Какая она легкая! Какая грандиозная! Какая стремительная!** Это пробуждение природы, зверей, птиц, трав и насекомых. Начинают зеленеть деревья, петь птицы, течь ручьи. **Весна – это радость для всего мира!** Именно весной мы одержали победу над фашистами и обезопасили свою страну, Кремль и, конечно же, свою матушку Москву»* (Пашков Всеволод, ученик 5 класса).

Текст построен двучастно: в первой части текста используются восклицательные предложения со сказуемым-прилагательным. Плавный переход к динамике осуществляется прилагательным *стремительная* и следующим за ним предложением, начинающимся с существительного *пробуждение*, образованное при помощи суффикса *ени* с процессуальным значением. Вторая часть текста со слов *начинают зеленеть* вносит динамические нотки в описание текста.

Двое учеников написали тексты типа описание с элементами повествования.

Например: *«Весна – уникальное время года. Начинают появляться первые почки. Ах, как красиво зеленеют листья! Также весной начинает теплеть. Прилетают первые птицы. Просыпаются первые животные.*

Проснулся заяц и стал прыгать по поляне. Он был очень счастлив. Заяц посмотрел на солнце и громко сказал: “Ах, как же хорошо весной!”» (Певцов Роман, ученик 5 класса).

В описательном тексте ученика чётко видны детали повествования, что особенно заметно во второй части текста, где речь начинает идти о действиях конкретного животного, а именно зайца.

Еще пример: *«Весна. Тепло. Весной много желтых листьев, красивое яркое солнце. Мы с друзьями пошли гулять: веселились, смеялись, были счастливы...»* (Марков Никита, ученик 5 класса). Видно, что текст смешанного типа: начало текста преимущественно – описание, продолжение – повествование.

Тексты, созданные в жанре описания, включают слова, объединенные в тематические группы: слова, связанные с природными явлениями, погодой, природой; слова со значением отвлеченного понятия и оценки и др. Несмотря на то, что тексты построены в едином жанре, но по выбору лексических и грамматических средств они различны. Этим и обусловлено появление разных видов текстов типа описание. Главная роль в текстах описательного типа принадлежит существительным и прилагательным.

Повествовательные тексты написали 6 (25 %) учеников. Из этих 6-ти текстов три – **о школе:**

«Я шла в школу в резиновых сапогах и была весна. Журчали лужи и был холодный ветерок. Мне стало холодно, и надела перчатки. Я пришла в школу на русский язык. Мы начали писать сочинение. Я взяла в руки ручку и начала писать. На следующий день учительница сказала нам наши оценки. Я подала учительнице дневник, и она мне поставила пятерку. Я была очень рада» (Черепанова Ксения, ученица 5 класса).

Стимульное слово *весна* вызвало в сознании ученицы ассоциации, смысловая наполненность которых способствовала созданию рассказа о школе. Но действие рассказа происходит весной. Текст повествовательного типа определяет ход событий во времени. Даже в таком небольшом тексте можно выделить элементы сюжета: экспозиция – дорога в школу, завязка – приход на урок, развитие действия – написание сочинения, кульминация – объявление оценок, развязка – пятерка в дневнике. Подобные тексты: *«Весной начинается четвертая четверть. Надо*

идти в школу, писать в тетрадях...». Или: «После каникул мы идем в школу. Сидя на скамейке, ждем звонка на урок...»

Следующий текст, написанный на основе цепочки ассоциативных слов, не относится к учебной сфере, в него вошли слова *хулиган, мальчик* и др.

«Весна - тепло. Мальчики запускают по ручейку кораблик. Но вдруг к ним подходят злые хулиганы и отбирают у них кораблик. Ребятам грустно. А хулиганы веселятся».

В небольшом по объёму тексте можно выделить два события: 1) пускание мальчиками корабликов, 2) неожиданное появление хулиганов. Слова *но вдруг* определяют новое содержание в ходе повествования, делят текст как бы на части: до и после.

Два других текста о весне построены по классической повествовательной модели. Традиционно в таких текстах начало задается словом *однажды*: *«Однажды наступила весна...», «Однажды я гулял весной по лесу...»*. И уже заданное начало предопределяет ход событий, чередующихся один за другим, что само собой предполагает обильное использование глаголов.

В текстах повествовательного типа особая роль принадлежит глаголам совершенного вида, реже несовершенного, с помощью которых рассказывается о сменяющих друг друга событиях. Движению сюжета способствуют слова типа *вдруг, неожиданно*, создающие напряженность, кульминационность сюжета. Слово *однажды* помогает начать мысль, установить связь между элементами текста. Повествовательные тексты созданы преимущественно из слов, относящихся к тематической группе учебной сферы.

Остальные учащиеся создали тексты в жанре рассуждения. Это 5 (20 %) учеников. Их тексты тематически разнородны. Тексты о весне связаны со школьной темой. Основанием для отнесения к данному типу речи являются разного рода слова – маркеры: *тезис, по моему мнению, как было сказано*.

Например, такое рассуждение:

«Что такое весна?»

Весна – это время года. Весна состоит из трех месяцев: марта, апреля, мая. Весна всегда идет после зимы. Весной всё цветет, дышит, пахнет. Конечно, весной появляются лужи, слякоть и приходится носить резиновые сапоги, чтобы не про-

мочить ноги. Зато как приятно пускать кораблики по бурным потокам весенних ручейков.

Нет. По моему мнению, весна – лучшее время года!» (Буторина Валя, ученица 5 класса).

По структуре текст относится к рассуждению. Текст состоит из тезиса, основной части, где приводятся убедительные доводы, хотя и спорные, и делается вывод в форме выражения личной позиции автора. Конечно, не все тексты построены на основании подобной модели. Есть работы учеников, в которых нет вывода, например, ученица, рассуждая о том, что *«...люди выбрасывают зимой мусор, улицы превращаются в огромные горы мусора и грязи. Про весну можно сказать: «Весна – время грязи, слякоти, луж и мусора»*, заканчивает сочинение словами: *«Но все равно моё любимое время года – весна»* (Катаева Валя, ученица 5 класса). Девочка рассуждает об общественных проблемах загрязнения природы, улиц города, и это хорошо. Но серьёзным недостатком текста данного типа является отсутствие вывода. Таких работ три.

Слово *весна* в одной работе связано с понятием дружбы и преданности, например: *«Весна – это красивое время года. Мне нравится весна, особенно, когда светит яркое солнце. В это время я всегда гуляю с другом, нахожу новых друзей.*

Мне нравится дружить с преданными, добрыми друзьями...» (Соколовская Анастасия, ученица 5 класса). Текст построен по модели рассуждения. В работе присутствуют все элементы текста, вывод сделан очень лаконично: *«И это хорошо, что у меня такие друзья»*. Текст интересен тем, что слово *весна* ассоциируется с «человеком», «солнцем», «другом» и стоит в одном ряду с такими нравственными понятиями, как «честность», «преданность», «добродота», «доверие». Очевидно, что слово *весна* вызвало массу положительных эмоций в сознании ученицы.

Таким образом, особую роль в текстах – рассуждениях выполняет композиция. Любой текст рассуждения строится по определенной схеме. Все части важны, поэтому отсутствие вывода – серьёзный недостаток, так ведет к разрушению композиционной цельности текста. Но, к сожалению, такие тексты весьма частотны. Немалую роль в текстах подобного типа играют граммати-

ческие средства: вводные слова, союзы, производные предлоги. Как правило, вводные слова в речи выражают структурные и логико-смысловые отношения между предложениями, способствуют осуществлению различных переходов в смене аспекта повествования. Союзы, подобно вводным словам, не играют решающей роли в связи предложений, однако участвуют в синтаксическом оформлении зачинов и концовок, а также в выражении различных синтаксических отношений (противопоставление, сопоставление и др.).

В ходе эксперимента мы пришли к следующим выводам. Тематические группы, в которые объединились слова-ассоциации, связаны с разными темами: с темой весны, с темой природы (лес), с темой школы и отдыха. Созданные учащимися тексты тематически разнородны.

1. О весне – 14 человек
2. О природе (лес) – 1 человек
3. О школе – 3 человека
4. Об отдыхе – 6 человек

В начале эксперимента мы предполагали, что тексты о весне будут созданы в жанре описания, так как среди слов-ассоциаций было много существительных, слов категории состояния, о школе – в жанре повествования, так как среди слов-ассоциаций на стимульное слово *весна* оказалось много глаголов. Результаты показали, что из 14 человек, пишущих о весне, 13 человек создали тексты-описания, о школе в жанре повествования написали три человека из шести, а в жанре рассуждения тексты получились разные по тематике: 2 – о весне, 2 – об отдыхе, 1 – о школе. Наша гипотеза подтвердилась: создание собственных текстов зависит от характера ассоциативного наполнения слова, а жанровая направленность текста определяет актуализацию этих связей.

Подводя итог, отметим, что цепочечный ассоциативный эксперимент можно использовать в практике школьного преподавания русского языка как эффективный приём текстопорождения.

Литература

1. *Величковский Б.М.*, Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. – М.: МГУ, 1973. – 246 с.
2. *Гоголина Т.В.* Психолингвистического эксперимент как метод изучения грамматической семантики: учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 116 с.
3. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
4. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
5. *Коновалова Н.И.* Психодиагностика речевой способности: учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 120 с.
6. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.; СПб., 2003. [Электронный ресурс]. – URL: [http:// www.twirpx.com /file/211794/](http://www.twirpx.com/file/211794/)
7. *Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: МГУ, 2005. – 566 с.
8. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
9. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 317 с.

©Смирнова Ю.С., 2016

УДК 811.161.1'373.2
ББК Щ141.12-316

О.А. Тысевич
Оренбург

«Революционные» топонимы города Оренбурга

Аннотация: В данной статье рассматривается топонимическое пространство города Оренбурга, которое может быть «прочитано» как определённый политический текст. При этом были изучены топонимы четырёх районов Оренбурга, найдена их мотивация, ориентированная, в основном на меморативный и демонстративный принципы, подсчитано процентное соотношение. Также в статье прослеживается изменение идеологической направленности топонимов, которая с течением времени стирается путём определённых трансформаций в результате смены идеологического настроения, смены названий в процессе их освоения в народной среде, продуктивности модели родительного падежа. Постепенно стирается не только имя деятеля, но и в ряде случаев неузнаваемо трансформируется сам топоним.

Ключевые слова: топонимы, топонимика, урбанонимия, политическая лингвистика, проблема номинации.

Сведения об авторе: Тысевич Олеся Александровна, студент 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета.

Контакты: 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19; tysevich.olesya@mail.ru.

O.A. Tysevich
Orenburg

Revolutionary toponyms of Orenburg

Abstract: The paper covers the toponymic space of Orenburg, which may be perceived as a political text. Toponyms in the four Orenburg districts are analyzed. The toponyms' motivation is determined as based on memorative and demonstrative principles with their corresponding percentages. Furthermore, changes in the ideo-

logical aspect of odonyms are considered. The aspect fades away under the influence of ideological or society-driven changes, and Genitive case model. Consequently, not only a figure's name may be erased, but odonym itself may be transformed beyond recognition.

Key words: godonims, toponymy, urbanonimiya, political linguistics, the problem of nomination.

About the author:

Tysevich Olesya Alexandrovna, Student of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).

Годонимия является одной из разновидностей городской топонимии и представляет собой совокупность имён улиц внутри-городского пространства. «Годонимы – самый подвижный и изменяемый пласт лексики. В них отражена национальная культура, ощущаются исторические перемены времени. Годонимы несут большой объём информации о традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество. Они позволяют увидеть историю городов глазами далеких предков» [4, с. 50].

Большинству годонимов российских городов присущ идеологический характер, связанный с «революционным духом»: герои, события, символы советского периода награждаются улицей, площадью, переулком [1; 5]. Причём появляется своего рода годонимический стандарт, ориентированный на политический словарь эпохи. Как правило, в городах непременно присутствуют «идеологические» названия – *Советская, Комсомольская, Мира, Пионерская*, а также «личностные» названия – *Ленинская, Дзержинского, Кирова, Кобозева*, то есть именования, данные в честь деятелей советского государства.

При анализе годонимов Оренбурга было установлено, что в Центральном районе города 54 улицы имеют советско-революционные названия (ул. *Краснопартизанская*, ул. *Парижской Коммуны*, ул. *Советская*, ул. *Пролетарская* и др.), в Ленинском районе представлено 48 названий данной тематической группы (ул. *Красноармейская*, ул. *Содружества*, ул. *Мало-Ленинская*, ул. *Ульянова* и др.), в Промышленном районе – 47 (*Красногвардейская* ул., ул. *Ленинской Искры*, ул. *МОПРа* –

Международная организация помощи борцам революции). В Дзержинском районе, который был основан относительно недавно, лишь в 1975 году, таких наименований 10 (ул. *Юных Ленинцев*, ул. *Всесоюзная*, ул. *Конституции СССР* и др.).

Оренбургская топонимия прочно связана с «революционно-советским» периодом, поскольку названия данной тематики находятся в ядре номинаций центра города и составляют, судя по нашим подсчётам, более 76 % всех наименований. Причём «перекраивание» топонимического пространства города происходило в основном посредством изменения нейтральных именований. Примерами могут служить улицы *Акулова* (1963, бывшая ул. *Светловская*), *Кобозева* (1926, быв. ул. *Воскресенская*), *Володарского* (1919, быв. ул. *Инженерная*), *Фадеева Михаила* (1926, быв. ул. *Кладбищенская*), *Цвиллинга* (1926, быв. ул. *Телеграфная*), *Чичерина* (1926, быв. ул. *Гришковская*).

Анализ наименований линейных объектов других районов города Оренбурга показывает аналогичную картину, связанную в основном не с процессами переименования, а первичного именования в соответствии с принятыми установками на меморативный принцип. Так, появившаяся в 1926 году, улица *Энгельса* в Промышленном районе сразу получила своё устоявшееся имя. То же самое можно сказать и об улицах *Крупской* (1939), *Сергея Лазо* (1960) Дзержинского района.

Среди советско-революционных топонимов следует противопоставлять демонстративы и меморативы. Демонстративы прививали населению новые ценностные, политические установки (ул. *Конституции СССР*, ул. *Всесоюзная*, *Интернациональная* ул., *Коммунистическая* ул.), а меморативы увековечивали имена народных вождей, героев революции (ул. *Ульянова*, *Ленинская* ул., пр. *Дзержинского*, ул. *Фадеева Михаила*, ул. *Джангильдина*). Особое внимание следует обратить на то, что «имена деятелей нашей партии и международного революционного движения, героев борьбы за Советскую власть» [3, с. 31] составляют более четверти всех современных названий улиц Оренбурга, а в историческом центре города их доля достигает 79% (ул. *Ф. Энгельса*, ул. *Маркса Карла*, ул. *Дубицкого*, ул. *Корецкой*, ул. *Фадеева Михаила* и др.).

Идеологическая направленность топонима с течением времени стирается путём определённых трансформаций в результате смены идеологического настроения [2, с. 24]. Так, например, остановка по ул. *Красного Казачества* в постперестроечный период переживает переходы от *Белого Казачества* до *Красного* и *Белого Казачества*, а в настоящее время именуется просто *Казачества* или *Оренбургского Казачества*.

В народной среде самым неопределённым наименованием обладает улица *Макаровой-Мутновой*. Существует как минимум 5 вариантов названия этой улицы: Макарова и Мутнова, Макара и Мутновой, Макара Мутнова, Макаровой и Мутновой, Макаровой-Мутновой. На самом деле, данная улица названа вовсе не в честь некого Макара, а в честь Макаровой-Мутновой Марии Михайловны, которая являлась активным революционным деятелем Оренбуржья.

Среди названий линейных объектов появляется *Карецкая* улица, хотя её первичное именование – ул. *Марии Корецкой*, данное в честь разведчицы одного из красногвардейских отрядов Оренбурга. То же самое происходит и с *Гугучинским* переулком, правильное наименование которого – переулок *Гугучинский*. Линейный объект получил своё имя в честь Гугучкина Ивана Петровича – комиссара второй отдельной сводной батареи, активного участника борьбы за освобождение Оренбурга от дутовцев.

Особый «настрой» областного города Оренбурга привёл к увековечению идеологических установок и политических посылов революционного времени, этапов гражданской войны, перестроечного времени. Однако в узусе не только стирается имя деятеля, но и в ряде случаев неузнаваемо трансформируется топоним в связи с продуктивностью модели «травмирующего родительного падежа» [6, с. 138] и забвением событий и лиц (например, ул. *Хакимова*, ул. *Шафеева*, пер. *Пятницкого*, ул. *Тамарова*, ул. *Войкова*).

Итак, линейные объекты Оренбурга постепенно складываются в определённую топонимическую картину, которая корректируется в соответствии с историческими, культурными, этническими особенностями города. Появляются новые названия улиц, что

связано не только с расширением территории, но и с качественными изменениями системы топонимов, в которую активно вмешивается «человеческий, народный фактор», в связи с чем топонимы города Оренбурга приобретают двойную мотивацию.

Литература

1. *Батоцыренов Э.А.* Годонимы города Улан-Удэ // Вестник бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 4– С. 3-5.

2. *Бекасова Е.Н.* Политический «окрас» урбанонимии областного города Оренбурга // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2015. – С. 23–26.

3. *Гаранькин Ю.Д., Дорофеев В.В., Жилин А.Н.* Улицы Оренбурга: справочник. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1995. – 128 с.

4. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, – 1978. – 192 с.

5. *Рожанский М.Я.* Память, выбирающая псевдонимы // Свободная мысль. – 1992. – № 1. – С. 82-85.

6. *Шмелева Т.В.* Советское наследие в новгородской годонимии // Новгородика – 2006: Материалы науч. конф. 20-22 сент. 2006 г. – Великий Новгород, 2007. Ч. I. – С. 132-140.

©Тысевич О.А., 2016

УДК 372.811.161.1
ББК Ч426.819=411.2-24

М.П. Хамезьянова, Л.С. Чечулина
Екатеринбург

Индивидуальное обучение русскому языку

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы индивидуального обучения школьников. В ней описываются условия предоставления школьникам обучения по индивидуальной программе. Особое внимание уделено основным направлениям работы с детьми по изучению русского языка на дому. Для работы с учащимися в статье предложены разные виды речевых упражнений, позволяющих повысить успеваемость, активизировать саморазвитие, углубить знания, расширить возможности каждого ребенка. Также в публикации даны психологические и медико-педагогические рекомендации при работе с детьми с ОВЗ. Авторы статьи считают, что индивидуализированная программа изучения русского языка обязательно должна содержать методические рекомендации изучения предмета для работы с конкретным ребенком. Личностно ориентированное преподавание учебной дисциплины должно опираться на результаты диагностики школьника, которые позволят повысить эффективность усвоения материала. Практическая значимость статьи заключается в том, что она может использоваться учителями, преподающими ученикам коррекционных классов или детям с ОВЗ.

Ключевые слова: индивидуальный подход, организация учебного процесса, образовательный стандарт, индивидуальная программа.

Сведения об авторах:

Чечулина Любовь Семёновна, кандидат филологических наук.

Место работы: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Должность: доцент кафедры общего языкознания и русского языка.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; love-semenovna@rambler.ru

Хамезьянова Марина Петровна, магистрант 2 года обучения Уральского педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; love-semenovna@rambler.ru.

M.P. Hamezyanova, L.S. Chechulina
Yekaterinburg

Individual teaching of Russian language

Abstract: We examine problems of individual training for school students in this article. It describes conditions of providing education through the individual program for students. We pay special attention to the main areas of work of children`s training in Russian at home. In this work we consider different types of speech exercises, allowing to improve results, to intensify self-development, to go deep into knowledge, to expand possibilities of each child for individual work.

Besides, psychological and medico-pedagogical recommendations during the work with children with OVZ are given in this article. The practical importance of article is in using this work in correctional classes with children with OVZ.

Key words: individual approach, organization of educational process, educational standard, individual program.

About the authors:

Chechulina Ljubov Semenovna, Candidate of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Post: Assistant Professor of Commonl Linguistics and Russian Language Department.

Hamezyanova Marina Petrovna, Undergraduate of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В последнее время много детей, которые не могут усваивать в полном объеме учебный материал, что обусловлено разными причинами. Одной из ведущих причин являются неблагополучные семьи, где родители совершенно не уделяют внимания своим детям, не занимаются их развитием, воспитанием. Эти дети предоставлены сами себе, у них отсутствует мотивация к учебе. К сожалению, таким детям очень тяжело дается усвоение

школьной программы и в этом им только может помочь индивидуальное обучение.

Но есть ещё ряд важных причин, по которым дети обучаются на дому: ограничение возможностей здоровья, инвалидность.

«Основанием для организации обучения на дому являются заключение медицинской организации и заявление родителей (законных представителей).

Организация обучения на дому регламентируется образовательной программой, включающей индивидуальный учебный план обучающегося на дому, рабочие программы по общеобразовательным предметам, годовым календарным графиком и расписанием занятий.

Индивидуальный учебный план обучающегося на дому составляется на основе учебного плана образовательной организации (с обязательным включением всех предметов учебного плана, минимума контрольных и практических работ, сроков проведения промежуточной аттестации) с учетом индивидуальных особенностей ребенка, в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями и медицинскими рекомендациями, согласовывается с родителями (законными представителями) обучающегося на дому и утверждается распорядительным актом руководителя образовательной организации.

Примерный учебный план для обучающихся на дому составляется с учетом требований федерального базисного учебного плана, утвержденного приказом Министерства образования Российской Федерации от 09.03.2004 № 1312, федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования, утверждённого приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 06.10.2009 № 373» [5].

Задачей индивидуального обучения на дому является освоение учащимися образовательных программ в рамках государственного образовательного стандарта.

Основанием для организации индивидуального обучения на дому является письменное заявление родителей на имя директора образовательного учреждения, а также медицинская

справка (заключение) лечебного учреждения. На их основе издается приказ директора школы об индивидуальном обучении на дому.

Индивидуальное обучение детей на дому предоставляется бесплатно.

Е.С. Худолеева полагает, что основными направлениями работы при индивидуальном обучении детей русскому языку являются следующие:

- увеличение пассивного и активного словарного запаса;
- формирование связной речи;
- развитие и коррекция нарушений лексического, грамматического и фонетического строя речи;
- развитие внимания, памяти, мышления (наглядно-образного, абстрактно-логического).

Обучение русскому языку детей с ограниченными возможностями здоровья обусловлено рядом факторов: заболеванием, возможностью обучения только на дому, личностными особенностями. Все это определяет уровень развития устной и письменной речи данных учащихся:

- ограниченный словарный запас;
- трудности в различении смысловых оттенков отдельных слов и выражений;
- преобладание в речи коротких, шаблонных фраз;
- смешение, замена или пропуски букв (на письме) и звуков (в устной речи);
- ошибки, связанные с нарушением морфологической структуры слова (неправильное употребление приставок, суффиксов при словообразовании и т.д.).

Главная цель при обучении русскому языку детей с ОВЗ — достижение такого уровня речевого развития, который способствовал бы наиболее полной социальной адаптации [6].

Но надо помнить, что ученик усваивает учебный материал не только в силу своих возможностей, но и в силу психологических особенностей современный учитель сегодня должен учитывать характер ведущей сенсорной системы данного ученика.

Известно, что современная система образования требует обязательного учета типа доминирующей перцептивной модально-

сти, то есть важным оказывается ведущий канал восприятия информации, то, с помощью чего ребенок «впитывает» материал. Каждый человек воспринимает мир своеобразно: каналы восприятия преобладают у каждого свои. Ученые выделяют кинестетов, визуалов и аудиалов. Кинестеты – люди, которые воспринимают все преимущественно через чувства, осязание, вкус и обоняние, у аудиалов восприятие информации совершается через слух, для них важны звуки. Визуалы – люди, которые доверяют в основном зрению. Особенности, с помощью которых человек воспринимает мир – врожденные, и нужно знать, какой канал восприятия информации у ребенка является ведущим.

Среди модальностей восприятия каждого человека есть ведущая. Сходство типов может способствовать взаимопониманию и симпатии, при несовпадении типов возникают разногласия, конфликты и отсутствие понимания друг друга. Знание ведущей модальности близких для нас людей значительно облегчает общение. Учет психологических особенностей поможет легче понимать другого человека; общение будет более продуктивным.

Надо отметить, что у человека один из каналов восприятия является более развитым и активным. Нет людей (визуалов, кинестетиков и аудиалов), которые бы владели только одним из каналов. Ребенок, как и любой человек, использует различные каналы восприятия. Задача учителя – использовать такие задания, которые будут развивать все три канала восприятия. В анализируемых учебных комплексах большинство заданий рассчитано на визуальный тип. Важно, чтобы учитель при планировании урока это понимал и дополнительно давал детям задания на развитие других каналов восприятия.

При обучении детей, имеющих особенности устной и письменной речи, применяется звуковой аналитико-синтетический метод обучения грамоте (особенно на начальных этапах обучения), который направлен на развитие фонематического слуха, мыслительных операций анализа и синтеза, а также речи в целом. Обучение детей грамоте осуществляется через систему аналитико-синтетических упражнений, речевых упражнений, которые формируют у обучающихся умение связно, последова-

тельно и грамотно излагать мысли, правильно строить предложения и грамматические конструкции.

Е.С. Худолеева на занятиях по русскому языку с детьми с ДЦП и нарушениями речи рекомендует использовать следующие виды речевых упражнений:

- анализ готового текста;
- изложение;
- сочинение;
- рассказ по картине и опорному словарю;
- творческие формы пересказа и изложения;
- замена ошибочных вариантов нормативными (исправление акцентологических и орфоэпических ошибок, ошибок в словоупотреблении, построении предложений и т.д.);
- орфоэпические диктанты;
- объединение слов в смысловые группы;
- зрительные диктанты;
- сочинение по опорным словам и др.

При работе с детьми с ОВЗ, по ее мнению, желательно применять интерактивные схемы и таблицы, иллюстрации, разнообразные интерактивные задания, аудиозаписи, пазлы и т.д.

В основном методисты, учитывая практические проблемы преподавания русского языка, шли в направлении внедрения современных методов и форм обучения в традиционную структуру урока. Однако в последние десятилетия в практике преподавания русского языка постепенно сложилась система нетрадиционных уроков:

- интегрированные уроки, основанные на межпредметных связях;
- уроки в форме соревнований (лингвистический турнир, лингвистический бой);
- уроки, основанные на формах, жанрах и методах работы, известных в общественной практике (интервью, репортаж, лингвистическое исследование);
- уроки на основе нетрадиционной организации учебного материала (урок мудрости, урок-презентация);
- уроки с использованием фантазии (урок-сказка);

- уроки с имитацией публичных форм общения (пресс-конференция, аукцион, бенефис, телепередача);
- уроки, основанные на имитации деятельности организаций и учреждений (заседание ученого совета, дебаты в парламенте);
- уроки, имитирующие общественно-культурные мероприятия (заочная экскурсия, урок-путешествие, гостиная, лингвистический театр).

На занятиях с детьми в процессе обучения восприятию речи собеседника учитель должен сформировать следующие умения:

- 1) выразительное чтение текста и понимание прочитанного;
- 2) определение темы, основной мысли текста;
- 3) определение стилистической принадлежности текста, функционально-смыслового типа текста;
- 4) деление текста на абзацы;
- 5) определение микротем, нахождение ключевых слов и выражений;
- 6) составление плана, тезисов, конспекта;
- 7) устный пересказ текста с соблюдением норм русского литературного языка и др.

В процессе обучения построению связного высказывания учитель должен вырабатывать следующие умения:

- 1) оценка речевой ситуации (что говорить? с какой целью? кому? где?), определение темы и основной мысли высказывания;
- 2) планирование содержания высказывания;
- 3) создание высказывания на определенную тему;
- 4) отбор лексических и грамматических средств для построения высказывания;
- 5) воспроизведение высказывания с соблюдением норм современного русского литературного языка [6].

Проблема индивидуального обучения рассматривается во многих современных педагогических исследованиях [2; 3; 4; 5]. В частности, Б.В. Белявский отмечает, что «образование детей, выведенных решением лечебно-профилактических учреждений по состоянию здоровья на домашнее обучение, вызывает регулярно вопросы со стороны как родителей детей, находящихся на этой форме обучения, так и муниципальных органов управления

образованием и администрации образовательных учреждений, о возможности совершенствования организации их образовательного процесса» [1].

Причин этому несколько. Первая – желая облегчить жизнь ребенку, страдающему различными заболеваниями, создать ему комфортные условия и щадящий режим обучения, школа изолирует его от общения со сверстниками и окружающим миром. Между тем не всякая семья может создать ему комфорт в силу недостаточных материальных возможностей. Зачастую, наоборот, постоянное пребывание ребенка дома ложится дополнительным бременем на семейный бюджет.

Вторая – это уже приведенная недельная учебная нагрузка, которая в 2,5-3 раза меньше учебной нагрузки детей, обучающихся в общеобразовательной школе. Указанных часов хватает лишь для изучения материала основных предметов (математики и русского языка). Все остальные предметы даются, как правило, обзорно. При этом практически всегда «забываются» занятия по коррекции недостатков развития ребенка (ЛФК, логопедия, занятия со специальным психологом и т.д.). В соответствии с пунктом 9 «Порядка воспитания и обучения детей-инвалидов на дому и в негосударственных образовательных учреждениях», а также размеров компенсации затрат родителей (законных представителей) на эти цели, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 1996 г. № 861, «дополнительные расходы, связанные с осуществлением обучения и воспитания ребенка-инвалида на дому и в негосударственном учреждении сверх установленного норматива финансирования производятся родителями (законными представителями)». Тем самым самые значимые для коррекции развития ребенка занятия часто бывают для него недоступны в силу финансовых затруднений семьи, так как вывод ребенка-инвалида на домашнее обучение вынуждает одного из родителей быть постоянно дома при нем, что сказывается на семейном бюджете.

Вместе с тем большинство детей, обучающихся на дому, желают и могут овладевать знаниями по физике, химии, истории, не говоря уже об их увлечении иностранными языками и информатикой. А как можно утверждать, что уроки по изобрази-

тельному искусству, физической культуре, музыке и пению, ручному труду являются для детей второстепенными предметами? Именно рисование, лепка, музыка, лечебно-физическая культура для многих из них, особенно в младших классах, являются средствами развития моторики, мелкой мускулатуры рук, коррекции внимания и памяти.

Третья – отсутствие квалифицированных педагогических кадров, способных работать с детьми с ограниченными возможностями здоровья, обучающимися на дому. Универсальных учителей, способных преподавать все школьные предметы, педагогические вузы не готовят. Образовательные же учреждения, к которым прикреплены больные дети, как правило, распределяют часы индивидуального надомного обучения между теми учителями, у кого в текущем учебном году недостаточная нагрузка. При этом совершенно не учитывается основная педагогическая специальность преподавателя. Поэтому зачастую бывает так, что математику ведет учитель истории, а русский язык – химик или физик. Причем практически ежегодно у детей меняются учителя по всем предметам. За 9-11 лет обучения ребята пытаются привыкнуть к требованиям 20-25 учителей.

Кроме того, следует отметить и такой фактор, как контроль со стороны администрации образовательного учреждения за обучением учителями детей на дому, особенно в сельской местности. Он ведется далеко не идеально. Главная проблема заключается в том, что занятия с данной категорией обучающихся требует особых знаний, умений, применения эффективных педагогических технологий.

Следовательно, о каком качестве знаний подавляющего большинства детей, обучающихся по индивидуальной программе на дому, может идти речь [см. подробнее 1].

Существующая практика организации надомного обучения показывает, что оно не может в полной мере обеспечить качественное образование и оптимальную интеграцию в общество ребенка с недостатками здоровья: ребенок лишается естественной социальной среды, каковой является школьный коллектив; из воспитывающего и образовательного пространства чаще всего исключаются образовательные учреждения дополнительного образования.

Мы проводим в классе по каждой теме в интерактивной форме урок-сочинение или изложение с учетом психолингвистических особенностей учащихся. Это обусловлено разными каналами восприятия учащихся. Большинство этих детей кинестеты. Они неусидчивы, подвижны. Дети из необеспеченных семей. Материал усваивают за счет повторения темы (с трудом). Поэтому сочинение также пишут с трудом по плану. Иногда из четырёх или семи предложений. Благодаря вышеизложенным видам речевых упражнений будет осуществлен индивидуальный подход к обучению русского языка.

Проблема плохого усвоения детьми учебного материала будет решаться, если не полностью, то частично.

Личностно-ориентированный подход в современной системе образования предопределяет индивидуализацию обучения школьников, которая предполагает учет состояния здоровья, темперамента, характера и т.д. Федеральный государственный образовательный стандарт регламентирует работу школы с больными детьми, детьми-инвалидами с целью их оптимальной социальной интеграции учащихся, сохранения и укрепления их здоровья. Индивидуальное обучение позволяет эффективнее решать проблемы полноценного усвоения детьми школьной программы.

В процессе индивидуализации обучения учителя сталкиваются в настоящее время со следующими проблемами:

- низкий уровень социальной и образовательной интеграции «особых» детей в школьные коллективы;
- недостаточное количество методической литературы для учителей, работающих с детьми на дому;
- отсутствие специальных учебных пособий для домашнего обучения русскому языку.

Опрос детей, занимающихся индивидуально, и их родителей (чаще опекунов), а также опрос учителей, работающих с ними, администрации, организующей работу с «особыми» детьми, показал, что деятельность школы в анализируемом нами аспекте, к сожалению, находится на невысоком уровне.

Мы считаем, что основной причиной, влияющей на степень эффективности работы с детьми-«индивидуалами» является формализация процесса их обучения, то есть большинство учи-

телей под индивидуализацией понимают только работу один на один. Потребности разработать программу для конкретного ученика у педагогического персонала не возникает.

Нам представляется, что решить существующие проблемы позволит тщательная подготовительная работа, включающая в себя несколько этапов:

1 этап связан с диагностикой обучающихся, позволяющей определить ведущий канал восприятия, доминантное полушарие, степень гиперактивности и т.д.;

2 этап включает создание индивидуальных программ по предмету для конкретного ребенка, в которых обязательным структурным элементом будет фонд оценочных средств и дидактический материал, составленный с учетом выявленных особенностей школьника;

3 этап – утверждение для конкретного ученика комплексного учебного плана, содержащего индивидуальные программы по предметам на педагогическом совете школы.

Литература

1. *Белявский Б.В.* Вопросы организации надомного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elinahealthandbiauty.com>

2. *Куликова Т.А.* Семейная педагогика и домашнее воспитание. – М.: Академия, 2000. – 232 с.

3. *Кунцевич Н.К.* Индивидуализация педагогических воздействий учителя. Визуалы. Аудиалы. Кинестетики [Электронный ресурс]. – URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/tekhnologiya/2012/12/23/vizualy-audialy-kinestetiki>

4. *Лодкина Т.В.* Социальная педагогика. Защита семьи и детства. – М.: Академия, 2008. – 208 с.

5. *Родителям о детях* [Электронный ресурс]. – URL: <http://453spb.edusite.ru/p121aa1.html>.

6. *Худолеева Е.С.* Русский язык для детей с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russianonline5com.russion-of-russian-schools/russian-for-children-with-disabilities>

©Чечулина Л.С., 2016

©Хамезьянова М.П., 2016

УДК 81'27
ББК Щ100.62

А.В. Шевченко

Екатеринбург

**Проект «Слово года» как отражение метаязыковой
рефлексии носителей языка в эпоху глобализации**

Аннотация: На современном этапе развития общества изменения в политической, экономической, социальной сферах жизни становятся привычным явлением. Активизация тех или иных социальных процессов выдвигает в центр общественного сознания определенные понятия и, соответственно, их номинации, которые вызывают интерес у носителей языка.

Появление лингвистических новаций и возвращение устаревшей лексики в активный словарь усиливают социальную значимость метаязыковой функции языка. Носитель языка стремится осмыслить социальные импульсы, вызвавшие перемены в языковой ситуации.

Филологи разных стран давно определяют и фиксируют общественные приоритеты через их отражение в языке. На протяжении нескольких лет в США, Германии, Франции, Великобритании, Австрии, Финляндии, Японии проходит конкурс «Слово года». Выбор слов осуществляется экспертными советами, в состав которых входят лингвисты, лексикографы, редакторы, писатели, представители всех «языковых» профессий.

Ключевые слова: слово года, неологизм, ключевое слово текущего момента, метаязыковая рефлексия.

Сведения об авторе: Шевченко Арина Валерьевна, аспирант кафедры риторики и стилистики УрФУ им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Контакты: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51;
tohelsinki@yandex.ru.

A.V. Shevchenko
Yekaterinburg

The project "Word of the year" as a reflection of metalinguistic reflection of native speakers in the era of globalization

Abstract: At the present stage of development of society, changes in political, economic, social spheres of life have become commonplace. The intensification of certain social processes put forward into the public consciousness certain concepts and, consequently, their nominations which attracts the interest of native speakers.

The emergence of linguistic innovations and the return of outdated vocabulary into active vocabulary reinforce the social importance of the metalinguistic function of language. A native speaker seeks to understand the social impulses that caused changes in the language situation.

Linguists from different countries define and record public priorities through their reflection in language. For several years competition for the "Word of the year" takes place in the United States, Germany, France, UK, Austria, Finland, Japan. The choice of words is carried out by expert councils, composed of linguists, lexicographers, editors, writers, representatives of all of the "language" of professions.

Key words: the word of the year, neologism, key word of the moment, metalinguistic reflection.

About the author:

Shevchenko Arina Valer'evna, Postgraduate of Philological Faculty, Ural Federal University (Yekaterinburg).

На современном этапе развития общества изменения в политической, экономической, социальной сферах жизни становятся привычным явлением. Активизация тех или иных социальных процессов выдвигает в центр общественного сознания определенные понятия и, соответственно, их номинации, которые вызывают интерес у носителей языка.

К тому же каждый «текущий момент» выдвигает в центр общественного сознания фрагмент словаря, заключающий в себе понятия наиболее значимые, обсуждаемые повсеместно. Дина-

мичность «текущего момента», обуславливающая сменяемость словаря КСТМ (ключевых слов текущего момента), ставит перед филологией проблему со всей остротой и нетерпением социальных ожиданий. Приметы КСТМ приводятся в работе Т.В. Шмелевой «Ключевые слова текущего момента» [8], это частотность слова, выдвинутость в текстовом пространстве, грамматический потенциал, расширенная сочетаемость слова, формирование новых синонимических и антонимических связей, омонимическое употребление, использование слова в предложениях-дефинициях, языковая рефлексия, языковая игра.

Появление лингвистических новаций и возвращение устаревшей лексики в активный словарь усиливают социальную значимость метаязыковой функции языка. Носитель языка стремится осмыслить социальные импульсы, вызвавшие перемены в языковой ситуации [2; 3; 4; 5].

В определении сущности метаязыковой рефлексии исследователями подчеркиваются два момента. Во-первых, метаязыковая рефлексия возникает как ответ на ситуацию коммуникативного или концептуального напряжения, говорящий использует рефлексив в качестве опережающей реакции, «метацензора» [2, с. 103-104]. Во-вторых, в процессе метаязыковой рефлексии автор высказывания выступает в двух ролях – говорящего и критика собственного высказывания [6, с. 81]. Говорящий оценивает изменения эксплицитно – коммуникативный акцент становится одновременно вербальной фиксацией новой единицы и реакцией на нее.

Социальная функция метаязыкового высказывания выходит за границы конкретной коммуникативной ситуации. Как полагают ученые, метаязыковая рефлексия оказывает влияние на развитие языка. Так, И.Т. Вепрева пишет о том, что в текстах СМИ такие высказывания способствуют процессу узуализации слова в языке [2, с. 132]. Б.С. Шварцкопф обращает внимание на то, что «говорящий не только ставит факт речи в светлое поле сознания, но – что имеет значение для культуры речи – навязывает данную оценку речи другим говорящим» [7, с. 287]. По мнению исследователей, возрастающий интерес общества к языковым новациям связан с желанием понять не только явные,

но и скрытые социальные изменения через язык, объяснить происходящее посредством метаязыковой рефлексии [9].

Филологи разных стран давно определяют и фиксируют общественные приоритеты через их отражение в языке. На протяжении нескольких лет в США, Германии, Франции, Великобритании, Австрии, Финляндии, Японии проходит конкурс «Слово года». Выбор слов осуществляется экспертными советами, в состав которых входят лингвисты, лексикографы, редакторы, писатели, представители всех «языковых» профессий.

Целью данной работы является обзор проекта «Слово года» в разных странах. Цель предполагает решение следующих задач: 1) изучить историю конкурса в США, Германии, Финляндии, Японии и России; 2) выделить основные особенности механизма выбора актуальных и новых слов; 3) на их основе сопоставить американскую, немецкую, финскую, японскую и российскую модель проведения конкурса «Слово года».

Обратимся к основным характеристикам проекта в США, Германии, Японии и России.

1. Время возникновения

Первыми вопросом приоритетов внимания общества к активным языковым единицам в определенный период заинтересовались ученые Японии, где с 1984 года ежегодно составляется список из новых и модных слов. Ученые из американского диалектологического общества – национального американского общества по изучению английского языка, основанного в 1889 году[1], присоединились к традиции подводить ежегодные лексические итоги в январе 1991 года.

В начале XXI века ученые из Германии и Финляндии также начали связывать атмосферу определенного времени с конкретными языковыми единицами.

В 2007 году проект «Слово года» появился и в России. Это произошло по инициативе филолога и культуролога Михаила Наумовича Эпштейна. Своими корнями акция уходит в 2000-й год. Тогда М.Н. Эпштейн начал свой филологический проект «Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна». Теоретическое обоснование этого проекта Эпштейн сформулировал в работе «Однословие как литературный жанр»: «Самым крат-

ким литературным жанром считается афоризм — обобщающая мысль, сжатая в одном предложении. Но есть жанр еще более краткий, хотя и не вполне признанный и почти не исследованный в качестве жанра: он уместается в одно слово. Именно слово и предстает как законченное произведение, как самостоятельный результат словотворчества. Подчеркиваю: слово не как единица языка и предмет языкознания, а именно как литературный жанр, в котором есть своя художественная пластика, идея, образ, игра, а подчас и коллизия, и сюжет. ОДНОСЛОВИЕ — так я назову этот жанр — искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или картину. Тем самым достигается наибольшая, даже по сравнению с афоризмом, конденсация образа: максимум смысла в минимуме языкового материала» [10]. Проект «Дар слова» представлял собой электронную рассылку, главной темой которой стало искусство создания новых слов и понятий, пути обновления лексики и грамматики русского языка, расширение моделей словообразования. В каждом выпуске предлагались слова, которых на тот момент не было ни в одном из словарей. Это был не просто перечень слов, а толкования, развернутая подача лексических единиц. Например, «хроноцид» и «хроносома» (что в человеке от генов? что — от поколения, духа времени?), «брехлама» — контаминация трех корней: «реклама», «брех» и «хлам» [9]. Проект «Слово года» органично вписался в попытку Эпштейна зафиксировать реакцию носителей языка на происходящие события.

Стоит заметить, что «Слово года» не единственный в России проект, направленный на выявление слов-маркеров определенного времени. С 2012 г. активно функционирует проект компании Public.ru «Пресс-слово года» года.

С 2011 года в социальной сети «Фейсбук» существует группа «Словарь года». Куратор проекта — кандидат филологических наук, главный редактор портала «Словари XXI века» Алексей Михеев. Участники группы «Словарь года» коллективными усилиями ежемесячно составляют списки самых заметных слов, которые попадают в центр общественного внимания и оказываются на слуху.

2. Состав экспертного совета

В США в состав комиссии входят члены Американского диалектологического общества, в Германии – филологи из Общества немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache – GfdS) – одного из главнейших в Германии языковых обществ, в Финляндии – специалисты Центра отечественных языков. В Японии слово года выбирает издательство «Дзию Кокуминся», выпускающее популярный ежегодный справочник «Введение в современную терминологию».

В России у проекта «Слово года» есть специфика: слова-символы выбирают не только представители Экспертного Совета (писатели и поэты, лингвисты, журналисты, филологи, философы и культурологи), но и интернет-пользователи – в публичном голосовании участвовать может каждый. Потому выбор можно называть субъективным – словом года может стать единица, актуальная в определенной социальной сфере или же значимая для всех представителей общества.

Что касается конкурса «Пресс-слово года», то он также обладает статусом «народный»: компания Public.ru составляет рейтинг слов, словосочетаний, фразеологизмов, присланных на «Конкурс внимательных читателей», а также полученных в результате мониторинга прессы. Замеры частоты упоминаемости слов и словосочетаний проводятся по федеральным и региональным общественно-политическим и деловым печатным изданиям, интернет-СМИ, лентам информационных агентств, по передачам центральных теле- и радиоканалов, а также по Интернет-ресурсам из собственных фондов Public.Ru (более 4 000 изданий в целом).

3. Принципы выборки

Американское диалектологическое общество ежегодно проводит встречу и голосование по лексическим итогам минувшего года в нескольких номинациях. В роли слов могут выступать словосочетания, идиомы, крылатые выражения, обладающие признаками нового слова и частотной единицы как для всего общества, так и для отдельных социальных групп. Необязательно, чтобы слово возникло именно в данный год, важно, чтобы оно приобрело за минувший год особую известность, оказалось в центре об-

щественного внимания, обозначило существенный сдвиг в политическом, культурном, научно-техническом развитии.

Специалисты из Общества немецкого языка (GfdS) исследуют на предмет популярности около 2,5 тыс. выражений, к которым регулярно прибегали люди во время обсуждения политики, экономики и социальной сферы. Например, в 2015 году словом года стал неологизм «беженцы».

Центр отечественных языков Финляндии постоянно собирает новые слова и на их основе обновляет электронные словари. В словари попадают только неологизмы, которые являются не случайными выдумками отдельных носителей языка, а слова, вошедшие в тексты и в речь разных авторов. В отличие от русского языка, в котором одна или обе части новых сложных слов имеют иностранное происхождение (промо-акция, фитнес-тренер), новые финские сложные слова состоят из финских слов. *Hoito* «уход, лечение» и *taide* «искусство» – распространенные старые финские слова, но сложное слово *hoitotaide* – новое слово, служащее для номинации нового явления – выступления для пациентов.

Японское издательство «Дзию Кокуминся» ежегодно представляет 50 новых и модных слов и выражений, претендующих на звание «самого популярного слова года». В списке можно увидеть слова из сериалов и рекламы, слова, связанные с политическими, экономическими и другими важными событиями в жизни страны (распространившиеся, разумеется, через телевидение, интернет и различные печатные издания). Премия выдается человеку, группе или организации, причастным к созданию или распространению этих слов. Выбранные для награждения слова включаются в ежегодный сборник современной лексики, издаваемый этой компанией [11].

В России на протяжении года участники групп проекта «Слово года» в социальной сети Фейсбук (более 1300 человек) предлагают единицы, выражающие своеобразие, новизну, исторический смысл текущего времени. Далее эксперты отбирают из сотен слов-кандидатов самые характерные, емкие, выразительные. Если говорить о словесном портрете года, то он не может быть единым, он должен быть множественным, соответственно

и слова, предложенные на конкурс, совершенно разные. Для бизнесмена главным словом года может оказаться слово «налоги», для студента-первокурсника – «ЕГЭ», для сельского жителя Европейской части России – слова «пожары», «погорельцы», «засуха», для москвичей – «смог», для того, чей дом снесли в поселке «Речник», – «беспредел».

4. Номинации

В Германии две номинации – это «Слово года» и «Антислово года». Например, в 2015 году словом, наиболее точно описывающим события, доминирующие в немецком обществе, стала единица *беженцы* (Flüchtlinge). А антисловом объявлена лексема «душа-человек» («Gutmensch»). Так немцы пренебрежительно называют наивного добряка, страдающего «синдромом помощи» и готового без оглядки помогать всем беженцам. Номинацией «Антислово года» эксперты в области языкознания призывают общественность к аккуратному обращению с немецким языком во избежание появления огульных, грубых и искажающих суть неологизмов.

В США представлен самый широкий список номинаций: «Слово года», «Самое полезное», «Самое творческое», «Самое ненужное», «Самое возмутительное и оскорбительное», «Самое эвфемистическое», «Самое успешное», «Самое неуспешное слово года». В разные годы главными словами становились следующие единицы: в 1990 г. – «bushlips», «губы Буша (старшего)», в значении «неискренняя политическая риторика», в 1992 г. – «Нет!» (выражение несогласия), в 1993 – «информационный хайвей», в 1995 г. – World Wide Web (сеть на весь свет), в 1998 г. – приставка «э» (от «электронный», как в словах «эмейл», «экоммерция») и т.д.

В Финляндии и Японии подобный список номинаций отсутствует – слова года представлены в едином списке. Например, в списке наиболее популярных финских слов оказались сложные единицы, номинирующие новые политико-административные понятия («kärkihanke» – «топ-проект», «pakkolaki» – «обязательный закон»), социальные явления («soolomatkailu» – «солотуризм» (путешествие без спутника), «sateenkaarinuori» – «радуга-молодой человек» (парень или девушка, принадлежащая к

сексуальному меньшинству), «someilmið» – «социальное медиа-явление», «monilukutaito» – «мультиграмотность» (умение не только читать и писать, но и понимать и производить предметы других форм коммуникации, например картинки).

Японское издательство «Дзию Кокуминся» ежегодно представляет 10 слов и выражений, избранных «словами года». Первое место в 2015 году получили слова, связанные с бейсболом и туризмом, а не политической сферой, которая широко присутствовала в списке из 50 кандидатов. Например, «бакугай» (резкий рост объёмов розничных покупок в связи с увеличением потока туристов из Китая и других стран), «эмбурэму» (логотип (эмблема) Олимпийских и Паралимпийских игр в Токио, созданная дизайнером Сано Кэндзиро, 1 сентября была отвергнута после обвинений в плагиате эмблемы бельгийского театра), «майнити, Сюдзо!» (книга «Сюдзо каждый день!» бывшего теннисиста Мацуоки Сюдзо, в которой он даёт ободряющие советы читателям, стала супербестселлером благодаря поддержке его поклонников и зрителей ТВ-шоу) [11].

В России номинации меняются год от года, однако «Слово года» остается неизменной. В разное время были выбраны слова года в номинациях: «Антислово года» (язык пропаганды, вражды), «Неологизм года» (новые, глубокие по смыслу слова, заполняющие языковые лакуны) и «Выражение года». Например, в 2015 году словом года стала лексема «беженцы», единицей антиязыка – «Обама – чмо», неологизмом года – «бессмертный Барак». Стоит отметить, что в 2015 году слово года имело отношение не к российской, а к иностранной – европейской и ближневосточной реальности.

Сегодня акция «Слово года» расширяет свои географические границы, потому как она позволяет отследить изменения в сознании носителей языка по отношению к текущей языковой ситуации. Подобный инструмент фиксирования состояния языка в определенный момент времени представляется перспективным и результативным. Нами были рассмотрены проекты, проводимые в США, Германии, Японии и Финляндии. Сравнительный обзор позволил выделить специфические особенности российского проекта «Слово года». Это, прежде всего, доступность – в

голосовании может принять участие любой заинтересованный пользователь интернета. Лексика, попавшая в списки наиболее актуальных слов года, послужит материалом для дальнейшего исследования.

Литература

1. *American Dialect Society* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.american-dialect.org> (дата обращения: 23.05.2016).

2. *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

3. *Иссерс О.С.* От серьезного – до смешного: игровой потенциал русского слова года // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – Вып. 4 (54). – С. 25-32.

4. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва 3D. – М.: АСТ, 2014. – 480 с.

5. *Крысин Л.П.* Повседневная русская речь в ее отношении к литературной норме (лексикографический аспект) // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2014. – Вып. 1. – С. 358-387.

6. *Трунов Д.* Вербальная и невербальная метакоммуникация // Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – С. 80-81.

7. *Шварцкопф Б.С.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – С. 277-304.

8. *Шмелёва Т.В.* Ключевые слова текущего момента // Collegium. – 1993. – №1. – С. 33-41.

9. *Эпштейн М.Н.* «Любовь» усохла на три четверти (о невозврате кредитов русскому языку) // Новая газета [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/44348.html>.

10. *Эпштейн М.Н.* Однословие как литературный жанр // Континет. – 2000. – Вып. 104. – С. 279-313.

11. *Японское общество: изменяющееся и неизменное/ Рук. проекта Э.В. Молодякова.* – М.: АИРО-XXI, 2014. – 300 с.

©Шевченко А.В., 2016

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 18

Лингвокультурологический, лингвометодический и историко-
этимологический аспекты анализа языковых единиц

Сборник научных трудов молодых ученых

Корректор: Т.В. Гоголина, Е.Н. Иванова
Техническое редактирование: Е.Н. Иванова

Подписано в печать Формат 60х84 ¹/₁₆.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л 10.0 Тираж 300 экз. Заказ
Оригинал-макет изготовлен и отпечатан
в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26